

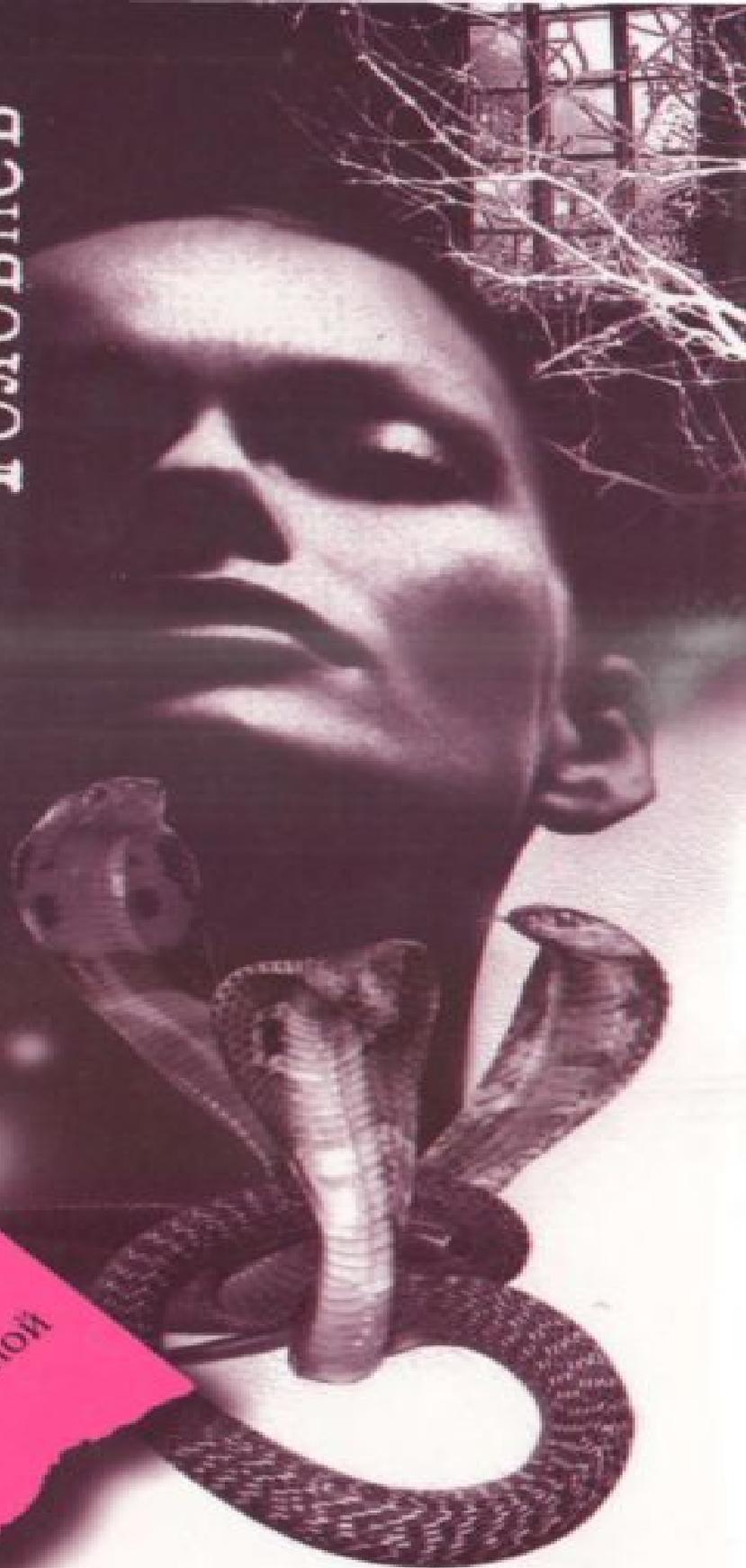
СТРЕЛА

Леонид
Головнёв

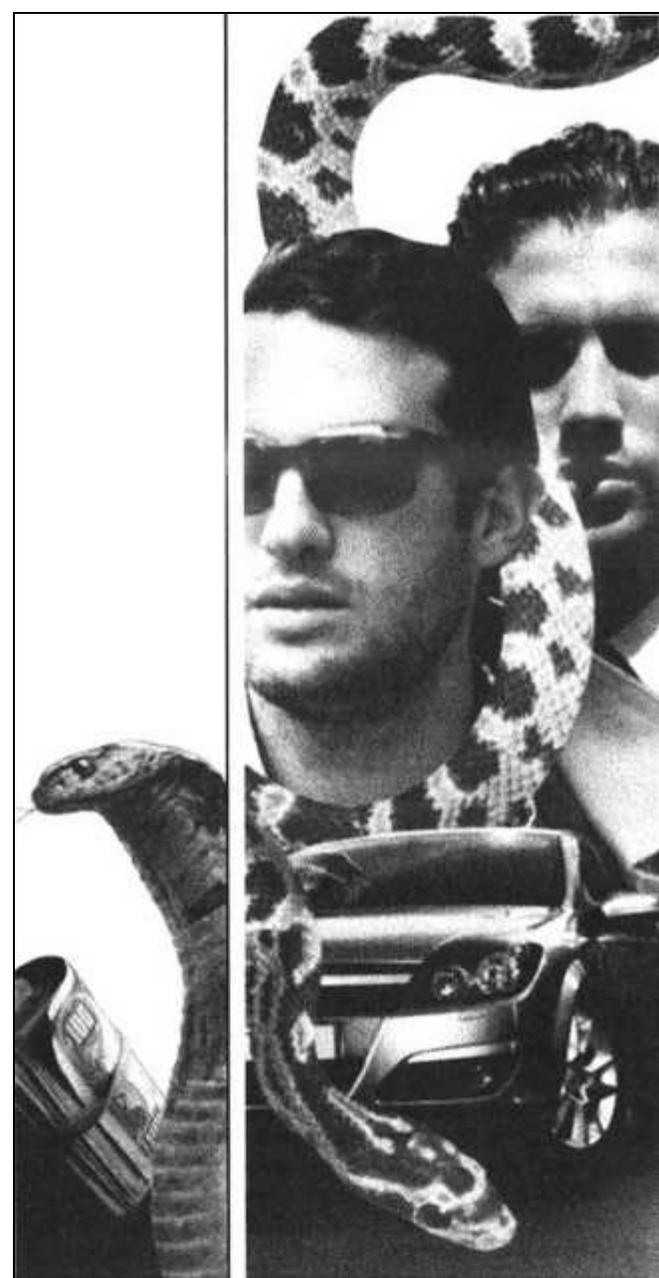
Серия
остросюжетной
прозы

Чары
Клеопатры

Леонид Петрович Головнёв, член Союза писателей России, лауреат премий МВД России, лауреат премии В. Пикуля и премии К. Симонова, начальник Студии писателей МВД России, автор книг «О тревогах не предупреждают», «Полынь — трава не горькая», «Е тенетах алчности» и других, представляет свой новый остросюжетный роман «Чары Клеопатры». Герои романа — бывшие сослуживцы — оказываются по разные стороны баррикад. Капитан милиции Игорь Чернов ведет борьбу с наркомафией, а старший лейтенант Алексей Ильин уходит в бизнес и, потеряв голову от любви к ослепительной Клеопатре, оказывается втянутым в преступную деятельность наркосиндиката «Эдельвейс», который возглавляет его возлюбленная.

Леонид Головнёв
ЧАРЫ КЛЕОПАТРЫ

Леонид Головнёв

Чары
Клеопатры

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2005

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Машина нырнула в тоннель под Таганскую площадь, и Алексей мысленно отметил, что до вокзала осталось минут пять езды. Ильин смотрел в боковое окно машины. Когда повернули к вокзалу, стали двигаться черепашьям шагом: улицы были забиты автомобилями и пешеходами. А вдоль здания вокзала чуть ли не в ряд стояли жрицы любви. Они выделялись среди основной массы: и позой, и одеждой, и вполне определенным, ищущим взглядом... «Одна... Две... Три...» — начал было считать Алексей и, усмехнувшись, оставил это занятие. Слишком их много. Да, подумал он, «ночные бабочки» расплодились со сказочной быстротой. Словно саранча, заполнили собой улицы городов великой страны с кратким названием «Русь!». Оно и понятно. Такому всеобщему расслоению нравов способствовали многие причины, и прежде всего тотальный развал экономики, которая совсем еще недавно конкурировала с западными странами, а в такой области, как военно-промышленный комплекс, была чуть ли не «впереди планеты всей». Но ВПК накрылся медным тазом, его самые крупные высокодоходные предприятия растащили разные компании и частные лица. Слава Всевышнему, и отец Ильина успел к разделу этого пирога. И ему, Алексею, теперь кое-что перепадет. Вот отгуляет отпуск, сбросит эту офицерскую форму с погонами старшего лейтенанта и включится в коммерческую работу. Будет получать не три тысячи рэ, а минимум три тысячи баксов.

У Курского вокзала тоже крутились путаны. Алексей, выходя из «вольво», поймал себя на том, что лично он ничего против этих красоток не имеет. Его мнение будто было услышано и тут же подкреплено призывным взглядом девицы лет семнадцати. При этом она слегка повела коленкой, будто вопрошая: «Ну, так что?» Ильин улыбнулся ей и едва заметным жестом ответил: «Увы, некогда!»

Нет, ему положительно нравятся женщины! И даже мелькнула шальная мысль: «А что, если махнуть на эту поездку рукой и...» И тут же остановил себя: «Брось, дурень! Неужели ты, еще достаточно молодой, отлично сложенный и лицом на загляденье другим, останешься без внимания женщин в вагоне и на побережье Черного моря, куда направляешься?»

И он не ошибся.

Началось с проводницы, юной хохлушки со вздернутым носиком, которая сразу выделила старшего лейтенанта среди пассажиров. Прежде всего вразрез со всеми железнодорожными правилами, сама проводила Алексея в купе. Сказала, что ее зовут Оксана и что он в любое время может к ней обращаться, если ему что-нибудь понадобится. И при этом недвусмысленно посмотрела Алексею в глаза:

— Я поздно ложусь, так что не стесняйтесь беспокоить.

— Я тоже поздно ложусь, — произнес Ильин и тут же подумал: «Ну вот и началось! Как тут голову не потерять!» Теперь он словно отвечал на ее намек, совсем откровенно прошелся взглядом по фигуре: ничего девушка; конечно, не первой свежести, но изюминка в ней еще сохранилась.

Она словно читала его мысли:

— Я сегодня — без напарницы...

Алексей принял приглашение:

— Спасибо. Спокойно чайку попьем. С коньячком...

— Ой! — воскликнула Оксана. — Добрая мысль! Договорились.

Заторопилась на выход встречать пассажиров.

Ильин выглянул из купе, проводил ее взглядом: «И в этом ракурсе — хороша. Но больше ста рублей не дам! Еще же коньяк, закуска... Да, похоже, московская провизия до жены не доедет».

Ильин вернулся в купе и пристально на себя посмотрел в зеркало: нет, не права Наталья, утверждавшая, что его погубят деньги. Главная его страсть — женщины. Это открытие в самом себе он сделал, когда так легко попался в нехитро расставленные сети секретарши отца Юленьки. Ведь чувствовал, догадывался... А остановиться — не мог. И это еще только физическое влечение. А если он по-настоящему влюбится?..

Он скорчил самому себе в зеркале рожу и вслух произнес:

— Ничего не произойдет. Для этого надо еще влюбиться. А способен ли ты, Ильин, на это?

Тот, «зеркальный», Ильин посмотрел на него с искренним любопытством: действительно, а способен ли?

Алексей опустил на мягкое сиденье и задумался. Он никогда не задавал себе этот вопрос применительно к их взаимоотношениям с Наташей. Почему не задавал? Да потому, что всегда считал, что слово «любовь» — слишком возвышенное для оценки отношений между супругами. Но только ли в этом причина? Чего там душой кривить: он всячески уходил от честного ответа!

Да, тогда, в далеком южном гарнизоне, когда Наташа так нелепо потеряла своего первого мужа, он был искренним. Был искренним и тогда, когда под разными предлогами стремился отвлечь ее от тяжелых мыслей, вывести из угнетенного состояния. И многое сделал, чтобы Наташа обрела хотя бы относительное душевное равновесие. Он был искренним и тогда, когда выражал свои чувства, поскольку действительно хотел соединить с ней свою жизнь.

Так, выходит, любил? Если слегка слукавить, то можно ответить — да. Но что же тогда скрывается за этим «слегка»? Может быть, пора набраться решимости и ответить самому себе на этот вопрос.

Да, Наташа, бесспорно, хорошая женщина. Она ему нравилась. Но ведь в их небольшом, затерянном в жарких степях гарнизоне других-то и не было. А уж лучше ее — это точно.

К тому же среди офицеров его возраста, в ближайшем окружении, не оказалось и холостяков. Поэтому и друзей у него не было. А без друзей тоска иногда так заедала... А кроме того, ему просто физически хотелось женщину! А с этим вопросом в их гарнизоне было непросто — все на виду. Конечно, те, кто не особо заботился о своей репутации, находили утеху. Он не решался...

Нет, Алексей, конечно, не причислял себя к тем, кто от скуки женится, а потом уныло всю жизнь тянет свою лямку, считая, что так и должно быть. С Наташей — это не тот случай. Вот он и сейчас едет, чтобы попытаться вернуть ее, наладить прежние отношения. Еще накануне отъезда придумывал слова, которые могли бы ее убедить, выстраивал аргументы... Но разве слова так важны? Да, если бы человеком двигало всеохватывающее, искреннее чувство, то и взгляда достаточно. Логика, аргументы — это уже вторичное...

Вот на этом-то месте мысли Ильина спотыкались, он терял уверенность в том, что Наташа примет его покаяние, поверит в раскаяние. Он приблизительно даже знал, что она ему ответит и как ответит...

С шумом отодвинутая дверь купе прервала его невеселые мысли. Подумал — Оксана. Но на пороге появился грузноватый высокий мужчина, обвешанный дорожными сумками.

— Здравствуйте, молодой человек! — переведя дыхание, приветливо произнес он и облегченно свалил свою ношу на свободную полку. — Видишь, родная, у тебя уже есть попутчик.

— Можно подумать, что это твоя заслуга, — раздался из-за спины мужчины насмешливый голос. А когда мужчина вышел в коридор, порог купе переступила она... Ильин, понимая, что это неприлично, не мог оторвать от женщины взгляда — она была прекрасна! Огненно-антрацитовые глаза, смоляные волосы, густой волной спадавшие на неширокие, загорелые шоколадного цвета плечи, овальное лицо, с едва заметной горбинкой нос и прекрасные яркие губы. Явно кавказский тип, отметил Алексей. И фигура — тонкая, гибкая, стройная. На ней легкое, из цветастого крепдешина платье с большим вырезом на груди, на ногах ажурные, в сеточку, туфельки.

Женщина, мельком взглянув на попутчика, даже не поздоровалась, вошла в купе и уселась за столик. Помолчала, задумчиво глядя на сопровождавшего, потом обратилась к нему приятным контральто:

— Друг мой, оставь мне свою зажигалку.

— Смотри, родная, не увлекайся, — сказал тот. — Давай я сложу сумки. Поднимись, пожалуйста!

Они вели разговор так, словно в купе не было посторонних. Ильин старательно делал вид, что не слушает, и даже отвернулся к окну, выходящему на перрон, по которому озабоченно сновали люди. Но взгляд невольно тянулся к прекрасной попутчице.

— Дорогая... — обратился к ней сопровождавший.

Но спутница прервала его:

— Спасибо, твоя помощь больше не нужна.

Ильину подумалось, что мужчине надо бы обидеться. Однако тот сдвинул сумки в угол, кое-как примостился рядом с женщиной, взял ее за руку и почти умоляюще произнес:

— Родная моя, только чай. Сегодня вечером — только чай.

Алексей перестал что-либо понимать: «Чего он заладил, чай да чай? Может, больна она?» Но цветущий вид этой красавицы говорил о противоположном.

— Провожающие! Прошу покинуть вагон! — послышался голос проводницы Оксаны. — До отхода поезда осталось три минуты!

Мужчина засуетился:

— Я пошел. До свидания, дорогая!

— Счастливо, дорогой. — Она наконец-то посмотрела на него. Но не ласково, а скорее снисходительно. — Иди и, пожалуйста, будь осторожен.

Когда мужчина покинул купе, дама облегченно вздохнула.

Поезд тронулся. Ильин, чтобы прервать неловкую паузу, предложил женщине помочь уложить вещи.

— Пустое, — беспечно махнула она рукой и как бы в оправдание дополнила: — Это мой крест — брать чуть ли не весь гардероб с собой на отдых. — И вдруг спохватилась: — Для начала давайте познакомимся. Клеопатра.

— Алексей, — улыбнулся Ильин и пожал ее холеную, но неожиданно крепкую руку. — У вас такое редкое имя.

Она пожала плечами:

— Скорее, редкое и легко запоминающееся. — Наконец-то удосужилась окинуть его более внимательным взглядом. — А вы отдыхать едете или по служебной необходимости?

— Можно сказать, и то и другое. Буду совмещать необходимое с приятным.

— Понятно, — улыбнулась Клеопатра. — Командировка всегда считается вторым отпуском. Особенно если она выпадает на юг.

— Вы, наверное, имеете какое-то отношение к армии? — предположил Алексей.

— Упаси бог, — засмеялась Клеопатра. — Впервые разговариваю с офицером. Вы в Москве служите?

— Дослуживаю, — грустно усмехнулся Алексей.

— Что так? Не нравится?

— Очень. Требуют много, а платят мало. Кому это может нравиться?

— Да, — сочувственно кивнула женщина. — Слышала я по радио, как плохо ныне в армии. А в Чечне гибнут каждый день. — Почувствовав, что затронула слишком щекотливую и не очень приятную для офицера тему, она кивнула на свои вещи: — Итак, мужчины занимаются поклажей, а женщины, как всегда, — туалетом.

Алексей с нарочитой серьезностью спросил:

— Так что же мне делать: сумки укладывать или выйти, чтобы дать вам возможность переодеться?

Она, ничего не ответив, встала, продемонстрировав при этом идеальной формы ноги. Привычным движением вынула из прически шпильки, и ее тяжелые темные волосы упали на изящные плечи. Достала из сумочки расческу.

— Я, Алексей, — сказала она, слегка шепелявя из-за заколок, которые держала во рту, — не понимаю этой привычки: едва только сел в поезд — сразу переодеваться. Ладно, женщина в халате — еще куда ни шло. Но когда мужики напяливают домашние пижамы... Тьфу! Потом эти полосатые матрацы бродят по всему вагону, словно по собственной спальне. А вы боитесь за ужином испачкать свой мундир?

Алексею стало легко и весело.

— Нет, конечно, — смеясь ответил он. — Да и пижаму я отродясь не надевал в поезде. Так что с переодеванием проблем нет. А что касается ужина... Спасибо, что напомнили; сейчас посмотрим, что у нас есть...

Поднявшись, он оказался очень близко к ней. Так близко, что почувствовал нежный запах ее волос. Залюбовался ее красивыми тонкими пальцами...

Она словно не заметила его любопытства, вожделенного взгляда и желания стоять около нее, ощущать ее тело. Не отстранилась, а продолжала колдовать с волосами. И внутри у Алексея все запылало. Как же хороша эта чертовка! Он еле сдерживал желание обнять ее.

Она закончила заниматься прической, повернулась к нему:

— Я знаю, о чем вы думаете.

— О чем?

Она не ответила, лишь осуждающе глянула ему в глаза. Они стояли лицом к лицу. Помолчала и, отстранившись, произнесла, как приказала:

— Давайте лучше поужинаем. Я, можно сказать, осталась сегодня без обеда, а уже девятый час.

Алексей свое согласие выразил низким поклоном.

— Не возражаю.

— Итак, — оживилась Клеопатра, когда Алексей наконец-то уложил сумки, — мужчины готовят ужин, а женщины... готовятся к ужину.

— Я — российский офицер и матриархата не допущу! — нарочито строго сказал Ильин и открыл свой чемоданчик.

Клеопатра, вопреки собственным «указаниям», приняла живое участие в подготовке импровизированного ужина, проявив при этом и завидную сноровку.

Отдав дань традиции, они по первой выпили за знакомство, а потом перешли на вольные темы. Их диалог постепенно обретал характер словесной игры, которая позволяла касаться безобидных тем, но при этом выведывать подробности о жизни друг друга. А взаимной симпатии в немалой степени способствовал коньяк, предусмотрительно прихваченный Алексеем в дорогу, Клеопатра пила маленькими глотками, но до дна, и Алексей, наблюдая за ней, отмечал, что большущие черные глаза нисколько не туманились. Несмотря на то что после первой рюмки они перешли на «ты», Клеопатра не подавала никакой надежды на более близкие отношения. Он слышал когда-то, что южанки, особенно мусульманки, очень темпераментны, но иметь интимные связи с иноверцами считают большим грехом. Однако Клеопатра выглядела вполне современной женщиной и говорила на русском без малейшего акцента. Чтобы окончательно перешагнуть запретный рубеж, он рискнул рассказать фривольный, далеко не новый анекдот:

— ...Едут отдыхать к Черному морю двое молодых незнакомых людей — мужчина и женщина. Как мы с вами. Сели ужинать. Выпили. И вдруг женщина начала глубоко вздыхать. «Вы это о чем печалитесь?» — спрашивает мужчина. «Да как же не печалиться, — отвечает женщина. — Вот уехала я, а муж, уверена, уже другую ласкает. Он такой ловелас». Вздохнул и мужчина: «Моя тоже, наверное, изменяет. Что ж теперь делать?» — «А давайте отомстим им», — предложила женщина. «Давайте», — согласился мужчина. Отомстили один раз, другой. Женщина в восторге: «Мне так хочется мстить, мстить». — «А я уже простил свою», — сказал мужчина.

Клеопатре, похоже, анекдот не понравился. Она встала из-за стола, достала пачку сигарет:

— Я хочу курить. Ты не возражаешь, если я здесь покурю?

— Нет, разумеется.

Клеопатра вытащила из пачки длинную сигарету. Алексей учтиво щелкнул зажигалкой, оставленной на столике провожавшим мужчиной.

По купе пополз синеватый дымок. Ильин глубоко вздохнул и... чуть не закашлялся от странного запаха.

— Что за сигареты? — спросил он.

— Лечебные. Успокаивающие, — ответила Клеопатра. — Это мне из Испании прислали.

— То ли фиалку, то ли лаванду напоминают, — сказал Алексей.

— Нет, — покачала головой Клеопатра. — Эти растения в наших краях не растут.

«Странно, — подумал Ильин, — от этого аромата действительно на душе стало спокойнее». Нет, не спокойнее, как-то радостнее, настроение его необъяснимым образом улучшилось. Голова приятно туманилась. И если раньше что-то его настораживало, он старался контролировать ситуацию, свои поступки, то теперь это чувство покинуло его. Все

становилось близким, понятным, доступным.

За окном купе стемнело. В купе стало уютно, особенно когда Клеопатра задернула занавески и выключила радио. Что это? Не сигнал ли к действию? Ильин глянул на часы: «Рановато, вагон еще не угомонился».

— Ты чем занимаешься, Леша, куда едешь? — вдруг спросила Клеопатра.

— Еду в Сочи отдыхать, — ответил Алексей.

— Не похож ты на отдыхающего.

— Так и быть, скажу тебе по секрету, — улыбнулся Алексей, испытывающий сильное желание, чтобы спутница его снова закурила необычную сигарету: ее дымок оказывал на него магическое действие: голова приятно кружилась, навевая сладкие грезы. — Я к тебе еду. И я говорю правду. Не веришь?

Она нежно потрепала его за ухо и вновь достала длинную соломинку-сигарету.

— Не возражаешь?

— Кури, кури, — обрадовался Алексей. Она сама щелкнула зажигалкой, прикурила. — Как называются эти сигареты?

— Они не продаются.

— Ну, подари мне несколько.

— Зачем?

— Мне нравится их аромат.

Она молча продолжала курить. Голова его сильнее закружилась, по телу разлилась приятная истома.

— Значит, мы оба едем на отдых, — произнесла Клеопатра, и Алексею хотелось, чтобы она говорила, говорила. Все, что он слышал, казалось ему необычайно остроумным, значительным, и сама она казалась настоящей египетской царицей Клеопатрой.

В дверь купе постучали.

— А у нас все дома, — с усмешкой сказал Алексей.

Стук повторился.

Ильин нехотя поднялся и открыл дверь. В ногах он ощущал непонятную слабость, сердце гулко стучало, голова сладко кружилась.

В дверях стояла проводница Оксана, которую Алексей мысленно окрестил «сторублевкой».

— Чай будете, пассажиры? — сухо спросила она, опытным взглядом оценив обстановку в купе. — Чем это у вас воняет? — Она шумно втянула воздух. — Я вентиляцию включу.

— У нас не воняет, а благоухает, моя прелесть, — нравоучительно сказала Клеопатра.

— Ваш муж просил, чтобы я принесла вам чай с тройной заваркой, — угрюмо сказала Оксана. — Он заплатил за него.

— Тащи, голубка сизокрылая, тащи.

Проводница, выразительно глянув на Алексея, исчезла.

— Чего это она такая злая? — удивилась Клеопатра. — Хамит.

— Она не хамила, — вступился за Оксану Ильин.

Клеопатра посмотрела на него внимательно:

— А ты, Алексей, похоже успел с ней познакомиться?

— Да. А что здесь такого?

— Ничего. Так и должен поступать российский офицер.

Через некоторое время в купе появилась Оксана с подносом. На нем стояло несколько

стаканов чая, один из которых был дегтярно-черного цвета.

— Спасибо, — поблагодарила Клеопатра. — А ты будешь? — обратилась она к Алексею.

— Да. Только не такой крепкий.

Оксана уже поняла, что потенциального клиента увела эта смазливая бабенка. Это ее обидело и разозлило. Она бросала презрительные взгляды то на разбитную женщину, то на неверного пассажира, который, как ни в чем не бывало, сидел за столиком и блаженно улыбался. Это ее еще больше взвинтило, и она, ставя с подноса на столик стакан, «случайно» опрокинула его на Ильина. Тот чертыхнулся, начал выбираться из-за столика: в самом неподходящем месте на брюках расплзлось большое мокрое пятно.

— Оксана, черт возьми, откуда у тебя руки растут?! — воскликнул Ильин, не сдержавшись. — Что теперь делать?

— Извините, пожалуйста. Устала я. У меня в купе есть уют... — попыталась исправить положение проводница.

— Не берите в голову, — сказала Клеопатра, при этом так посмотрела на Оксану, что та безмолвно отступила в коридор.

Свой чай Клеопатра пила медленно, маленькими глотками, смакуя и жмурясь от удовольствия.

— Спать не будешь, — предупредил Алексей.

Клеопатра лишь усмехнулась.

С мокрым пятном на брюках Ильин чувствовал себя не в своей тарелке.

— Приложи простынку, она оттянет часть влаги, — посоветовала спутница.

Алексей так и сделал, что вызвало у Клеопатры очередную усмешку.

— Не ошпарила эта красавица?

Он понял ее намек.

— Слава богу, не достало.

Клеопатра опять достала пачку сигарет, закурила. Непроизвольно Ильин наклонился поближе, потянул носом сладкий аромат. И догадался, какие сигаретки курит его новая знакомая. Он много слышал о наркотиках, но еще никогда не имел с ними дела.

— Так ты угостишь меня успокоительно-волнующей сигаретой? — спросил он.

Она отрицательно помотала головой:

— Зачем тебе? Ты и без сигареты спокоен, великолепен. Да и спать пора. — Она затушила свою сигарету, поправила постель и, не выключая света, стала раздеваться.

— Разрешь я помогу тебе? — Он не мог уже больше держать себя в руках.

— Попробуй, — не поворачивая головы, усмехнулась она.

И он дрожащими руками стал расстегивать молнию на ее легком, источающем аромат «Шанели» платье.

— Не торопись, мой прекрасный капитан, — повысила она его в звании. — Закрой лучше на замок дверь.

Он совсем ошалел от счастья. Метнулся к двери, щелкнул запором. Потом прильнул губами к плечу, к груди Клеопатры.

— Ты прекрасная и сладкая, как шоколадка. — Он бережно уложил ее в постель. Торопливо стал раздеваться...

Когда Алексей проснулся, Клеопатра лежала на своей полке совсем нагая. Как она была хороша! Некоторое время он любовался ею. И вдруг почувствовал, что им начинает

овладевать и какое-то другое желание. Ему захотелось вдохнуть дым сигарет, которые курила Клеопатра. А еще лучше — самому выкурить такую сигарету.

— Ты уже не спишь, моя прекрасная амазонка? — спросил он.

— Нет, мой прекрасный соблазнитель, — отозвалась Клеопатра, сладко потягиваясь.

Он подсел к ней, бережно взял в обе ладони ее тяжелые волосы и утопил в них свое лицо.

— Спасибо тебе за все, моя волшебница, моя богиня.

— Искренне? — улыбнулась она.

— Искреннее не бывает.

Клеопатра разжала его ладони, и прямо перед ним оказались ее глаза. Но теперь они были совсем другими. Они излучали неподдельную нежность. Алексей воспринял это как призыв, но она мягко остановила его:

— Не надо. Не надо разрушать чудные мгновения... Я знаю, что тебе сейчас надо... Поддай мою сумочку...

В который уже раз она прочитала его желание! Клеопатра достала из сумочки сигарету и прикурила от зажигалки.

Ильин жадно следил за ее движениями.

Сделав две-три глубокие затяжки, она вынула сигарету изо рта, прижалась к Алексею, поцеловала его в губы... И он не сразу почувствовал своими губами влажноватый мундштук раскуренной сигареты. Вот и первая затяжка...

Клеопатра вынула из пачки еще одну сигарету, для себя.

Сизый дымок поплыл по купе.

В первые мгновения Ильин испытал разочарование. Сигарета как будто ничем не отличалась от обычной. Правда, вроде ощущался привкус ментола. Но уже через минуту почувствовал, что его состояние меняется. Тело становится легким, как бы невесомым. Голова болеть перестала. Тяжесть испарилась, растаяла, и мысли стали ясными.

Алексей распрямил плечи, собираясь встать, опустил босые ноги на пол.

— Кури, кури, — остановила его Клеопатра. — Это первая твоя сигарета, не прерывайся. Свою дозу должна получить каждая расслабленная клеточка.

И он курил. Курил, пока окурок не стал жечь пальцы.

— Ты правда первый раз куришь мари? — спросила Клеопатра.

— Мари?

— Ну, марихуану.

— Первый. Даже не верится.

— Почему? Ты делаешь это, как заправский курильщик с многолетним стажем.

— Спасибо за комплимент... Я же наблюдал, как это делаешь ты, девочка моя.

— Следи за своими ощущениями, — улыбнулась Клеопатра. — Пик настоящего кайфа впереди.

И верно. Он испытал необычайный прилив энергии. Теперь все, казалось, было ему под силу. Если раньше его тело просто утратило вес, то теперь он чувствовал, ему ничего не стоит взлететь, без всяких крыльев, только силой мысли и воображения. Он готов был нести Клеопатру на руках на край света...

Клеопатра наблюдала за его перевоплощением с неподдельным интересом, одновременно и сама наполняясь желанием.

— Теперь встань, Алеша... — Она перешла на шепот.

Он послушно встал.

— Теперь ты созрел для любви...

Ее шепот доносился снизу. Алексей чувствовал нежные прикосновения ее пальцев, гладивших его ноги и бедра. Ее ласки огнем охватывали тело. Она потянула его на себя, крепко обхватив голый торс...

Начало светать. Клеопатра стала быстро собираться. Прежде чем выйти из купе, взглянула на крепко спящего Алексея. Немного подумав, оторвала от лежавшей на столе газеты уголок и быстро на нем написала: «Жду в 21.00, ресторан „Сочи“ Клеопатра». Оставила записку на видном месте. Охваченная непонятной грустью, еще раз посмотрела на спящего Алексея. И вдруг решительно взяла со столика записку и положила ее в карман пиджака Ильина. Бесшумно открыла дверь купе...

* * *

...Сначала было черное небытие. Оно колыхалось в мозгу, словно темная пелена, гигантский занавес, отделяющий бытие от небытия. Алексей отчаянным усилием воли старался разорвать этот занавес, раздвинуть его, и в конце концов ему это вроде бы удалось.

Перед глазами возникла белесая плоскость, представляющая собой прямоугольник. Плоскость была неподвижна, тяжела, угрожающе нависала над ним, грозя раздавить. Это ужасно беспокоило Алексея. Однако шло время, а плоскость не опускалась, и он немного успокоился. Потом плоскость над ним стала приобретать твердые очертания, к ней подстраивались другие плоскости, которые сбегали вниз, образуя стены.

Через некоторое время Ильин уже вполне четко осознал, что лежит на спине в небольшом двухместном купе скорого поезда, а его прекрасная спутница исчезла, как привидение. После бурной ночи во всем теле ощущались усталость, разбитость. Голова трещала от боли. За окошком проплывали унылые, однообразные пейзажи. В горле пересохло. Он взял недопитую бутылку кока-колы — остатки ночного фантасмагорического пиршества с растаявшей как дым феей — и жадно допил коричневатую теплую жидкость. Усилием воли Ильин поднялся, привел в порядок перед зеркалом прическу, критически оглядел себя: «Да... Тот еще красавец... Самоуверенный индюк!»

Ароматный удушливый запах, казалось, пропитал каждую вещь в купе. Ильин хотел опустить окно, но это ему не удалось. Нужно бы попросить проводницу включить вентиляцию. Как ее? Ну да, Оксана. Но что-то удерживало его от намерения пойти к проводнице. Он смутно припоминал обрывки ночных видений, до жути реальных или смешанных с реальностью.

Кажется, они с Клеопатрой собирались ночью пойти к Оксане в гости. Или на самом деле ходили?

Он что-то обещал Оксане... Или это игра его воображения?

Посмотрел на свои брюки — влажное коричневое пятно вокруг ширинки не успело высохнуть до конца: и он вспомнил — Оксана опрокинула на него стакан с горячим чаем.

Но где Клеопатра?

Шло время, она не возвращалась. Тогда Алексей догадался приподнять ее полку и оторопел: вещи попутчицы исчезли, видимо, она сошла на какой-то станции, не считая нужным попрощаться с ним — а может, не смогла разбудить.

И вдруг его пронзило самое банальное подозрение: накурился, напился — кинули! Он бросился к своим вещам. С огромным чувством облегчения Ильин убедился, что деньги в нагрудном кармане остались целы. Дипломат также был на месте, никто ничего не тронул.

Умывшись и почистив зубы, Алексей подумал, что неплохо бы почаяевничать. Но идти за чаем к проводнице никак не решался, поскольку не мог вспомнить, наносил он ей ночью визит или нет. Во сне женщин было много... Кто они — сам черт не разберет.

Маясь в коридоре, Ильин носом к носу столкнулся с Оксаной — кажется, во сне он ее звал Окс. Сон, однако, постепенно выветривался из головы, уходил вдаль, тускнел.

— Здравствуйте, Оксана, — смущенно произнес он, готовый к любым неожиданностям.

— А, беспокойный пассажир! Проснулся? — не очень приветливо ответила проводница. Она была спокойна, весела и свежа, как роза на клумбе.

— Почему беспокойный?

— Потому! всю ночь из вашего купе доносились какие-то странные звуки, не то разговоры, не то крики. Счастье ваше, что соседние купе пустые.

— Мы спали...

— Да, можно и так сказать, — ехидно улыбнулась Оксана.

— А куда подевалась моя попутчица?

— Сошла два часа назад.

— А я думал, марафет наводит.

— Так она что, даже не попрощалась с вами?! Вот так-то! Такие они, красотки.

— Как сказать...

— Она даже за дополнительный чай не заплатила, — пожаловалась Оксана.

— Я заплачу, это ерунда...

— Ох и вид у вас! Похоже, бурная ночка выдалась. Темпераментная попутчица попалась?

— Не только попутчица, некоторые другие особы, не будем указывать пальцем, тоже темпераментные оказались.

— Отчего же, укажите.

Он нежно прикоснулся пальцем к упругой груди проводницы.

— Я? — деланно удивилась Оксана. — Я с вами не бражничала.

— А это чья работа? — показал он на брюки.

— Ах, — всплеснула руками Оксана, — это же надо! На самом интимном месте. И как в таком виде выходить на публику?

Он пропустил ее насмешку:

— Оксана, включите, пожалуйста, вентиляцию.

Проводница еще раз окинула его взглядом и укоризненно покачала головой:

— Давно включена! Вам холодный душ нужен. — И скрылась в служебном купе.

Когда Ильин вернулся в свое купе, там играл сквознячок и специфический запах дымка выветрился. Голова все еще болела, в горле першило, но, несмотря на это, возникло желание снова вдохнуть тот злополучный запах ментола. Однако он тут же решил никогда больше не брать в рот этого зелья. Чтобы чем-то занять себя, взял газету со столика — под ней оказалась заколка Клеопатры. Забыла! Ильин опять вспомнил ее большущие черные глаза, нежные руки, ее сладкие губы и жаркое дыхание... Он бросил газету: «Нет, надо забыть ее! Выкинуть из памяти как случайный эпизод!» И понял, что пытается обмануть себя: ему очень хотелось хотя бы еще раз увидеть эту женщину...

Сочинский вокзал оглушил Алексея шумом, гамом и какой-то восточной пестротой — так ему, по крайней мере, показалось. Перронное население поражало своей разношерстностью: здесь были полуголые, словно отринувшие стыдливость курортники, суетились встречающие и провожающие. Держась в небольшом отдалении, за ними наблюдали с иголки одетые загадочные личности: молодые люди в лакированных туфлях, элегантных костюмах и при галстуках-бабочках... Здесь же — неприступные на вид дамы в длинных платьях и модной обуви, контрастирующие на фоне загорелых курортниц в экзотических нарядах. Много было детишек со счастливыми мамами.

На каждом свободном пяточке шла торговля. Торговали всем — от фруктов и овощей до дамских мелочей: косметики и всевозможного тряпья. Продавцы вели себя весьма навязчиво — чуть ли не хватали прохожих за полы, предлагая свой товар.

Мимо Ильина пробежала шумная стайка девушек в мини-юбочках, обдав его облачком недорогих духов. Он вдруг вспомнил Козьму Пруtkова, живописующего Англию: «Знатные девки той страны, по ихнему обычаю ледями называемые...»

И над всей этой суетой парил аромат субтропиков — пряный, сладкий и одновременно острый, насыщенный морской влагой.

Едва покинув перрон, Алексей оказался среди местных квартирьеров, женщин практически всех возрастов — от дряхлых бабок до цветущих красавиц. Редко-редко попадались среди них мужчины. Одни молча держали в руках табличку с написанным от руки текстом: по такому-то адресу сдается — дом, коттедж, комната, и стоимость. Другие вполголоса, но настойчиво предлагали приезжим жилье.

Ильин в жилье не нуждался — он заранее заказал номер в гостинице «Сочи», но на перроне задержался — иные из мордашек квартирьеров оказались довольно привлекательными. И это несколько улучшило подавленное настроение Алексея.

Прежде чем отправиться на стоянку такси, он несколько раз обошел вокзал, разглядывая публику. Наташа не пришла его встретить. Что ж, этого следовало ожидать. Во-первых, у нее Светка на руках. Ну а во-вторых... С какой, собственно, стати? После ссоры, разрыва. Хорошо, если она вообще его на порог пустит.

Выстояв длинную, медленно продвигающуюся очередь, Алексей взял наконец такси.

В Сочи он приехал впервые, поэтому с любопытством смотрел на роскошные отели, субтропическую растительность, многочисленные огороженные под строительство площадки.

— Строитесь? — спросил он таксиста.

— Кто строится, а кто подстраивается, — ответил водитель.

Вел он машину лихо, не очень-то считаясь с правилами уличного движения. Приглядевшись, Ильин заметил, что и другие водители не очень их придерживались.

Милиции нигде не было видно.

— У вас что, не штрафуют?

— Штрафуют — будь здоров!

— Что ж ты прешь на красный?

— Информация у меня точная, — подмигнул таксист. — Милиция вся в другом месте.

Прилетает в Сочи очередная шишка, так менты охрану обеспечивают. Вот мы и пользуемся.

— Далеко Лесная улица? — поинтересовался Алексей, опуская пониже стекло окошка.

— Смотря от чего.

— От центра.

— Порядком. Да и от моря далековато, а транспорт хреновый. Так что, ежели вам пляжиться нужно — не завидую.

— Разберемся.

— Есть такой еврейский анекдот, — ухмыльнулся таксист. — Встречаются в Жмеринке два еврея. Один спрашивает: «Мойша, где тебе лапсердак шили?» — «В Париже», — отвечает Мойша. «Это далеко от Жмеринки?» — «Три тысячи километров». — «Вы подумайте, так далеко от Жмеринки, а неплохо шьют!»

— Мораль? — не понял Ильин.

— Простая: далеко от моря — это еще не значит, что вам плохо будет. Смотря к кому едете.

— Надоели, небось, вам приезжие шишки?

— Наоборот! Мы, сочинцы, можно сказать, молимся на них.

— Гостей любите?

— Как собака палку. У нас такие гости круглый год, можно сказать, во где сидят, — провел он рукой поперек горла. — Сочи — город особый: гость на госте сидит и гостем погоняет. Народ городской разлагают, особенно — молодежь.

— Проституция?

— Не в этом дело. Да это и не самое плохое, между нами говоря.

— А что же хуже?

— Человек из России, допустим, сюда раз в год приезжает — и даешь роскошную жизнь! Гулянки, пьянки, сабантуйчики. А до этого он, может, год, а то и не один, вкалывал, деньги копил, чтобы отдохнуть да чуток расслабиться. Ведь когда вернется домой, снова будет вкалывать на всю катушку. А наш-то молодняк смотрит и думает: во как надо жить! Вот к чему нужно стремиться. Ну и стремится... Всеми доступными способами.

— Дурной пример заразителен.

За разговорами Ильин не заметил, как прибыл на место. Здесь ничто не напоминало город-курорт Сочи. Приземистые одноэтажные домишки, лениво поклевывающие по зернышку куры... Коза, привязанная к колышку...

Машина остановилась возле единственной кирпичной пятиэтажки.

— Вот этот дом, — сказал водитель, — когда-то для санаторного персонала построили.

Получив деньги, он лихо развернулся и уехал.

Ильин поднялся по пахнувшей кошками лестнице на третий этаж, позвонил. Наташа, не спросив, открыла сразу, словно стояла за дверью и ждала звонка.

— Ну, здравствуй, — произнес Ильин и поставил на пол дипломат. Хотел обнять ее, но Наташа отстранилась. — Ты что не спрашиваешь, кто это. А вдруг грабители? — сказал Ильин.

— Тише, Светка спит. А грабителям здесь делать нечего.

— Ну, что, так и будем стоять тут? — понизив голос, спросил Ильин.

— Извини. Заходи.

Наташа провела его на крохотную кухню, где только и было место для двоих.

Не дожидаясь приглашения, Ильин сел на табуретку и в который раз почувствовал, что

здорово устал. Знала бы Наташа, какие у него были дорожные приключения, вот тогда бы точно на порог не пустила.

— Получила мою телеграмму?

— Зачем ты приехал? — ответила Наташа вопросом на вопрос.

— Наташа, я сожалею о случившемся.

— И слава богу.

— Нам надо серьезно поговорить.

Она пожала плечами:

— Говори, я слушаю.

— Может, чайком угостишь?

Наташа чиркнула спичкой, поднесла ее к газовой конфорке:

— Ты везучий: сегодня газ дали. Три дня не было. Наверное, начальство в город нагрязнуло отдыхать.

— Наташа, послушай, — проговорил Ильин, глядя на ее узкую чуть сутулую спину. — Давай начнем с нуля.

— Ильин, у меня полная пазуха этих нулей, надоело. — Когда они с Алексеем ссорились, она всегда называла его по фамилии.

— Последняя попытка.

— Разве дело в количестве попыток? — Она села к столу. — Жить рядом и быть чужими... Что это за жизнь?!

— У нас — ребенок.

— Это единственное, что заставляет меня поддерживать с тобой отношения.

— Ну, так давай подумаем о ребенке. Ну, прости меня, на какую жизнь ты ее вот здесь обрекаешь? — Он обвел взглядом кухню. — Я как подумаю...

— Ты о ней думаешь? — прервала его Наташа. — Я твоих отцовских прав, как видишь, не отрицаю. Впрочем, как и обязанностей.

— Ну, вот и хорошо! — оживился Алексей. — Если домой не хочешь пока возвращаться, то давай подумаем о квартире... Для дочери! Ну, не здесь, конечно. Скажи же что-нибудь.

Наташа отвернулась, чтобы Ильин не видел в ее глазах слез:

— Ты стал такой щедрый? Процветаешь?

— Я бы не сказал... Увольняюсь из армии.

— Ну вот, — вздохнула Наташа, — а говоришь о семейной жизни. О квартире...

— Я буду работать у отца, у нас будут деньги. Мы купим квартиру...

— Довольно, Ильин! — остановила его Наташа. — Опять деньги, деньги...

Она заварила чай, налила в стаканы, пододвинула сахарницу:

— Пей.

Он взял ее за руку:

— Наташа.

— А вот этого не нужно, Ильин. — Она отняла руку.

Чай так и остался нетронутым.

— Хорошо, хорошо, — согласился Алексей. — Ну хоть Светку покажи.

— И Свету не могу показать. Она стала такая нервная — ночью потом спать не будет.

— Могу я хоть издали посмотреть на родную дочь?!

— В другой раз, Ильин. Мне долго придется ребенка успокаивать, что-то объяснять ей.

В другой раз.

Он поднялся:

— Я посмотрел торговлишку тут на вокзале, цены обалденные... Как тебе на жизнь хватает?

Она запахнула халатик на груди, ответила сухо:

— Нам ничего не надо.

Ильин достал несколько крупных купюр, положил на стол, шагнул к двери.

Наташа от денег не отказалась, не стала совать их Алексею в карман. Попрощавшись, он вышел на улицу.

Долго ловил «левака», чтобы добраться в центр, до гостиницы, — окраинная Лесная улица была пустынной, машины на ней появлялись редко.

* * *

Разговор с Наташей оставил в душе Ильина горький осадок. Она встретила его как чужого... На Светку не позволила взглянуть. Может, у нее кто-то появился? Надо завтра еще раз попытаться с ней поговорить.

По пути в гостиницу Алексей заехал в универмаг и купил недорогой серый костюм — в своем мундире в курортном городе он выглядел белой вороной — и светлые, под цвет костюма, туфли.

В номере он немного отдохнул, принял душ. Потом решил переложить содержимое карманов мундира в новый пиджак и наткнулся на странную бумажку. Развернул. На ней ровным почерком было написано: «Жду в 21.00, ресторан „Сочи“. Клеопатра».

Ильин несколько раз перечитал записку, не веря своим глазам. Клеопатра! И сразу забылись Наташа, разговор с ней. Он бросил лихорадочный взгляд на часы — четверть десятого!..

...Оделся Ильин быстрее, чем солдат-новобранец по сигналу дневального. Правда, галстук был чуть перекошен и шнурки на туфлях долго не желали завязываться, но это мелочи! Успев кое-как причесаться уже в скоростном лифте, он почти вбежал в зал ресторана.

Здесь царил уютный полумрак, играл оркестр, на зеркальном паркете перед эстрадой медленно двигались пары.

Ильин огляделся — Клеопатры не было. От досады он чуть не выругался. Не дождалась, конечно. Проворонил, тюфяк несчастный. Но и она хороша — не могла записку на столе в купе оставить. Чуть успокоившись, понял, что нет, не могла: он ведь дрых без задних ног, а проводница — та самая, сторублевая — вполне могла бы записку выбросить, просто из зловредности. А откуда она узнала, что он в этой гостинице остановится? Ах, да! Сам же сказал...

Ну, да что теперь вздыхать...

Он еще раз оглядел зал и, понуриив голову, направился к выходу. И в это время заметил, что кто-то машет ему рукой. За столиком, стоящим у окна, сидела Клеопатра! Она выглядела свежей и в черном облегающем платье показалась еще изящнее, чем тогда, в купе.

— Ты заставляешь себя ждать, — проговорила она с упреком. — Я уже собралась уходить.

— Виноват.

— Присаживайся.

Он послушно сел, и тут же появился официант. Видно, его знакомую здесь хорошо знали. Даже не посоветовавшись с Алексеем, она сделала заказ.

Когда официант отошел, она, оглядев Алексея, спросила с иронией:

— Где это ты отхватил такой сверхмодный костюм?

— Другие по размеру не подошли, — ответил Алексей.

— Все равно он лучше на тебе сидит, чем твой мундир. Как ты устроился?

— Нормально.

Официант принес тарелки с закусками, и они замолчали, ожидая, пока тот отойдет. Затем Ильин возобновил разговор:

— Сама увидишь. Надеюсь, ты зайдешь ко мне?

— Ты где целый день пропадал? — не ответив, спросила Клеопатра. — Я уже ревновать тебя начала.

Оба, не чокаясь, пригубили шампанское.

— Так поднимемся ко мне? — повторил Алексей свой вопрос. — Ты даже не представляешь, как я этого хочу.

— Разве я могу отказать тебе, мой прекрасный джигит? Уговорил меня одним своим взглядом. Уговорил, — улыбнулась она.

Алексей вдруг вспомнил Наташу. Как хорошо, что они не помирились! Разве может она сравниться с Клеопатрой?

* * *

Алексей проснулся от прикосновения прохладной руки Клеопатры.

— Не могла уйти, не попрощавшись, — ласково сказала она.

Алексей сладко потянулся и спросил:

— А почему ты одета?

— Надо мне, дорогой. Если хочешь поехать со мной, познакомиться с моими друзьями, пошевеливайся.

...У подъезда гостиницы стоял «мерседес», правда, не шестисотый.

Клеопатра открыла дверцу машины, села на место водителя.

— Ты машину на охрану не ставишь? — удивился Алексей.

— Зачем? Здесь все свои.

Клеопатра вела машину хотя и осторожно, но вполне уверенно. Ильин это оценил.

Он смотрел на ее профиль, и недавнее свидание с Наташей казалось теперь бесконечно далеким и безразличным.

Центр города долго не выпускал их из своих объятий. Здания становились все ниже, дорога все хуже, появились одноэтажные домики, утопавшие в садах.

— Что поскучнел? — спросила Клеопатра.

— Сам не пойму, — ответил Алексей и, помолчав, сказал: — У меня к тебе одна просьба.

— Всего одна?

— Ага.

— Уже легче, — улыбнулась она и тряхнула волосами.

— Обещай, что выполнишь.

— Что за детские разговоры!

— Останови машину.

— Глупости какие!

— Ну, я прошу.

— Приспичило?

Дорога шла в гору. Похолодало, и Ильина охватил озноб.

— Есть необходимость.

Клеопатра пожала плечами.

— Ну, выкладывай, — не отрываясь от дороги, сказала она.

— Клеопатра, дай хоть одну... сигаретку, — попросил Алексей.

— Да хоть пачку, — кивнула Клеопатра. — Возьми вон, в бардачке. С ментолом...

Глотку прочищает.

Он не пошевелился:

— Клеопатра, я о другом прошу. Дай ту сигаретку, которой ты угощала меня в купе поезда.

— Ах, вот ты о чем... — Она откинула со лба волосы, бросила на него испытующий взгляд. — Понравилось, значит? Еще захотелось.

— Ну, да.

— А ты знаешь, что это наркотик? — уже сурово спросила она. — Причем сильнодействующий?

— Догадываюсь, не ребенок.

— Послушай меня, Алексей. Ты больше никогда не получишь от меня этой дряни.

— У тебя нет этих сигарет?

— Есть. Но я не хочу, чтобы ты пристрастился к наркотикам.

— Странно, — произнес Ильин, — в поезде ты поощряла, а сейчас...

— А сейчас — другая ситуация! — Она нервничала. — Я полюбила тебя, и наркотиков ты больше не получишь!

— Клеопатра, ты пойми, мне просто поправиться нужно... Это вроде опохмела. Это последний раз.

— Нет. Это только кажется, Леша. Ты затянешь на горле петлю.

— У меня есть сила воли. Я в любой момент смогу бросить, если захочу.

— Так многие думают. Но мало у кого получается. А я не хочу, дурачок, терять тебя.

— Ну, одну затяжку...

Она, не отрывая взгляда от дороги, вытащила из «бардачка» пачку «Салема» и протянула ему. Алексей демонстративно выбросил пачку в окно.

— А знаешь, Лешенька, как дилеры распространяют наркотики? — спросила Клеопатра, сделав вид, что не обратила внимания на поступок Ильина. — Первую дозу — скажем, ту же сигаретку — они дают желающему острых ощущений совершенно бесплатно. Как говорится, на зубок. А потом он уже сам за продавцом бегать будет. Становится его рабом. И нет такого преступления, на которое он не пойдет, только бы раздобыть дозу.

— Слыхал я эти байки.

— Не байки это, Алексей, а правда. Поверь мне, я всякого насмотрелась. И прошу тебя — не проси, все равно не получишь. Это у тебя ломка...

— После одной дозы?

— Одной дозы! — воскликнула Клеопатра. — У тебя девичья память. Ты всю ночь курил!

— Не помню.

— Ты был в отключке. Перетерпи, скоро полегчает. Хочешь, пивка дам?

— Пива?

— У меня в багажнике есть.

Она притормозила, съехала на обочину. Алексей прямо у багажника выпил две бутылки пива. И впрямь, вроде полегчало, мозг приятно затуманило.

Когда они снова двинулись в путь, настолько похолодало, что пришлось поднять стекла.

— Климат тут слишком тяжелый, — сказал Алексей, застегнув на все пуговицы пиджак. — Днем жарится, а сейчас — холодрыга.

— Климат ни при чем, — покачала головой Клеопатра. — В горы поднимаемся.

Они замолчали.

Клеопатра, изредка бросая взгляд на Ильина, размышляла: не свидетельствует ли этот эпизод о его хронической слабости? У нее была хорошая интуиция, она не могла в нем ошибиться. Тогда, в поезде, она не предполагала, что у них сложатся такие отношения, и несколько «переборщила». Но отступить нельзя. Хозяин кандидатурой Ильина всерьез заинтересовался. Ему позарез нужны надежные функционеры, особенно среди служивых людей. Ильин — человек серьезный, офицер, и отец у него бизнесом занимается. Чего еще лучше... Нет, обратно не повернешь. Тем более что Алексей пришелся ей по душе и не хотелось отпускать его от себя.

— Полегче тебе, Леша? — участливо спросила Клеопатра.

— Башка трещит, — пожаловался Ильин. — Но уже легче.

— Ну, все правильно, — кивнула Клеопатра. — Муки абстиненции.

— Чего?

— Так у медиков ломка называется. — Она достала из сумочки круглую жестяную коробочку, на крышке которой был изображен танцующий шестирукий Шива, протянула Ильину.

— Что это?

— Виски потри.

— Помогает?

— Увидишь.

В салоне распространился резкий аромат неведомого Алексею зелья. Мысли прояснились, и головная боль утихла.

У автобусной остановки Клеопатра остановилась:

— Ты не раздумал, Алеша, познакомиться с моими друзьями?

Он подумал и совершенно спокойно ответил:

— Конечно, нет, моя Клеопатра. Мне с тобой очень хорошо.

Московский поезд подали к перрону минута в минуту.

Ильина никто не провожал. Вернее, это ему так казалось, что его никто не провожает.

На самом деле и дама с детской коляской, не спеша прохаживавшаяся взад-вперед по перрону, и две сильно накрашенные девчонки в шокирующих мини, о чем-то увлеченно болтавшие на птичьем языке, и коренастый чистильщик обуви, который устроился со своими нехитрыми причиндалами прямо у выхода с вокзала, и даже носильщик с тележкой для багажа — каждый из них мог за ним наблюдать.

Ильин подошел к своему вагону. Небольшая очередь из пассажиров медленно продвигалась на посадку. Алексей встал за крупной дамой. Не выпуская из рук чемоданчик из крокодиловой кожи, вытер лицо носовым платком и огляделся вокруг — Клеопатры нигде не было.

Рядом с проводником стоял гражданин неприметной внешности и молча сверлил глазами пассажиров. Проводник, напротив, был говорлив и по-южному доброжелателен.

Подошла очередь Ильина.

Проводник, сверив билет с паспортом, вслух повторил номер купе, номер места и сделал приглашающий жест:

— Проходите, отдыхайте.

В купе Алексей оказался один.

Вагон вообще был полупустой — курортный сезон уже заканчивался. Ильин бросил чемодан на полку, вышел в коридор, опустил окно и принялся выглядывать Клеопатру. Провожающих было больше, чем отъезжающих. Одни расставались весело, другие с грустью. Его никто не провожал. И Алексей почему-то подумал: «Хорошо бы увидеть Наташу на перроне. Да еще со Светочкой, держащейся за ее руку... Но это так, фантазия! Она ведь не знает, что он так надолго задержался в Сочи. Да и знала бы — не пришла...»

Он похлопал по внутреннему карману пиджака, сшитого по заказу Клеопатры в рекордные сроки лучшим портным Сочи: там лежала «бумага», выданная Региональным геологическим управлением, на эту справку он возлагал особые надежды.

Поезд тронулся. Медленно поплыл назад сочинский перрон. Алексей еще долго стоял у окошка, подставив лицо теплему ветру.

* * *

Проводник вагона со старшим оперуполномоченным Сочинского РУБОПа заперлись в служебном купе, чтобы обменяться впечатлениями о пассажирах. Несколько человек, севших в вагон, показались им подозрительными. То поведение не совсем естественное, то багажа слишком много... Составили предварительный список этих лиц: дальше они будут под пристальным вниманием милицейской группы, севшей в поезд.

...Сочинская милиция пребывала в состоянии боевой готовности: оперативный источник «Ратник» сообщил, что одна из преступных группировок города-курорта получила большую партию наркотиков из Нидерландов через Турцию — Абхазию.

Надо было по возможности не дать растечься этой заразе по России. В результате нескольких успешных рейдов было установлено, что наркотики типа «экстази» провозятся в кофейных жестяных банках. Но сразу накрыть базу не удалось!..

Алексей, как всегда в минуты беспокойства, почувствовал зверский аппетит. Пожалел, что не взял с собой даже бутерброда. Пойти в ресторан? Но как быть с драгоценным чемоданчиком? Взять его с собой? Но это сразу вызовет подозрение.

Ильин направился в служебное купе. Оперуполномоченный к тому времени уже покинул его.

Проводник в белоснежном фартуке готовил чай.

— Скажите, пожалуйста, ресторан уже работает? — спросил его Алексей.

— Работает, — кивнул тот.

— Я один в купе...

— Не волнуйтесь, я никого не подсажу, — улыбнулся проводник. — Да вряд ли кто уже сядет. Спокойно перекусывайте. Я сейчас подойду и закрою дверь вашего купе.

Алексей вернулся к себе и некоторое время размышлял: правильно ли делает? Не лучше ли куда-то не выходить, ограничиться печеньем с чаем. Ведь его предупредили, что проводники являются информаторами. Однако обычная предосторожность — запереть на ключ купе — в глаза никому не бросится. Разве что дать проводнику сотню на всякий случай? Но Алексей тут же мысленно обозвал себя болваном — зачем навлекать на себя подозрения?!

Вскоре в купе заглянул проводник. Алексей вышел в коридор и, когда за его спиной раздался короткий металлический щелчок, даже не оглянулся...

Ресторан был почти пуст.

За одним столиком несколько загорелых мужчин что-то оживленно обсуждали под водочку. За другим сидела дама в строгом костюме и с короткой стрижкой. Ильин не без труда узнал Клеопатру. Она внимательно изучала меню. Сердце его заколотилось. Выглядела его пассия чересчур неприступной.

Алексей подошел к ее столику:

— Разрешите составить вам компанию?

Молодая женщина посмотрела на него отчужденно и даже недружелюбно:

— Если вам угодно, пожалуйста.

Ильин начал было разговор, который обычно заводят, пытаясь завязать знакомство с привлекательной спутницей одинокие мужчины, но у него ничего не получилось: Клеопатра отвечала сухо и коротко. Просмотрев меню, она открыла сумочку, вынула из нее помаду, потом шариковую ручку, что-то там долго возилась и наконец протянула меню Алексею. Он поднял массивную корочку и прочитал записку: «Кругом полно ментов. Всюду прослушка, лишнего не говори». Алексей незаметно сунул записку в карман. «Болван, конечно! — подумал он. — И подсаживаться к ней не надо было... Она ведь пустая, без товара».

Он еще раз мельком взглянул на Клеопатру и с тоской подумал: та волшебная ночь больше не повторится. Клеопатра, поняв, что такое длительное и угрюмое молчание выглядит неестественным, негромко произнесла:

— Не понимаю, зачем они в кофе кладут столько сахара!

— Считают, что так вкуснее, — ответил Алексей. И разговор между ними приобрел характер легкого флирта, затеянного скорее от скуки.

Когда соседняя компания сильно раздухорилась, Клеопатра прошептала:

- Дело худо!
- Что случилось? — спросил он.
- Кто-то стукнул, что из Турции пришел товар.
- Может, сойти с поезда?
- Поздно. Ты один в купе?
- Один.
- Впрочем, это не имеет значения.
- Слушай, пойдём ко мне.

Она грустно усмехнулась и, подзвав официанта, расплатилась. Сухо бросив: «Спасибо за компанию», Клеопатра встала из-за столика и сопровождаемая плотоядными взглядами подвыпивших мужчин покинула ресторан.

Ильин еще минут десять ковырялся в тарелке...

* * *

Когда Баритон получил информацию от своего осведомителя из милиции о том, что рубоповцы готовятся перекрыть все пути вывоза наркотиков, до отхода поезда Сочи — Москва оставалось сорок минут. Клеопатру он успел перехватить и предупредить об угрозе, которая над ними нависла. Он взял ее за плечи, чего никогда не делал, и, пристально глядя в глаза, сказал:

— Я знаю, что сейчас изменить ничего нельзя: пружина заведена. Но прошу тебя, сделай все, если твой новенький провалится, чтобы он ничего никому не успел рассказать...

Клеопатра тяжело вздохнула:

— Баритон, будет очень жаль, если мы его потеряем... У меня столько планов...

— Не надо слюни распускать, — прервал он ее.

— Да будет так... — Она повела плечами, высвобождаясь из его рук. — У меня осталось мало времени.

Баритон протянул ей маленькую желтоватую ампулу.

— Не надо! — усмехнулась Клеопатра. — У меня есть. Для себя берегу.

К вокзалу она подъехала перед самым отходом поезда. Выждав минуты три, подбежала, запыхавшись, к проводнику последнего вагона и протянула ему билет. Поезд тронулся... Билет у нее был в тот же вагон, где ехал Ильин. Место в соседнем купе. Не спеша, переходя из одного вагона в другой, она с грустью думала: только-только человек коснулся ее сердца и вот... Надо собственными руками... Чудовищно! Господи, лишь бы все у него прошло благополучно!

* * *

...Ильин подзвал официанта. Ему надо было пройти всего лишь один вагон. Он исподволь заглядывал во все открытые купе — Клеопатры в них не было. «Пойду спать! Будь, что будет!» Войдя в свой вагон, он машинально заглянул еще в два-три купе и чуть не столкнулся с... Клеопатрой! Она стояла в коридоре и смотрела в окно. Алексей, стараясь не задеть ее, протиснулся к своему купе — оно было рядом. Клеопатра даже не шевельнулась.

Ильин попросил проводника открыть дверь в купе. Оставшись один, быстро проверил содержимое своего чемоданчика: все было на месте!

Некоторое время он бессмысленно смотрел в окно, потом повернул голову к двери: Клеопатра по-прежнему стояла у окна. «Глупая ситуация, — подумал Алексей. — Ну, сделали бы вид, что познакомились в вагоне — это же обычное дело!»

Между тем Клеопатра думала о том же! О том же, но не так... «Если оперативники начнут прочесывать поезд, то будут делать это быстро и с обеих сторон. Возможно, четырьмя бригадами...» Она представила, как обыскивают Алексея и он «горит»... Что делать?!

Алексей не выдержал: вышел в коридор и встал у соседнего окна, сделав вид, что не обращает на Клеопатру внимания. Когда проводник начал возиться с «титаном», Алексей спросил Клеопатру, спросил слишком громко, как ему показалось:

— Скажите, пожалуйста, мы в Москву в каком часу прибываем?

Клеопатра, не взглянув на него, сухо ответила:

— Извините, не знаю. Рядом с вами — расписание.

— Действительно, — изумился Ильин, — я и не заметил! — С минуту он делал вид, что изучает расписание. — Я впервые еду по этой дороге. А вы уже бывали в Сочи?

— Допустим, бывала. Так что из того?

Ильин скорчил рожу обиженного и глянул на проводника. Тот понимающе хмыкнул: дескать, попалась ломака.

Но когда проводник вышел в коридор с подносом, заставленным стаканами с чаем, эти двое стояли уже рядышком и мужчина, упражняясь в красноречии, «пудрил» женщине мозги. Проводник задержался возле них:

— Чай будете?

Ильин повернулся к нему и подмигнул:

— Спасибо, попозже!

Клеопатра облегченно вздохнула: «Ну, вот, он сам сделал выбор, сам идет навстречу своей судьбе!» Если до разговора с Баритоном она ни за что не пошла бы на контакт с наркокурьером и следила бы за ним только издали, то сейчас она вынуждена (против своей воли!) изменить этому правилу.

Когда проводник возвращался с пустым подносом, парочка о чем-то живо беседовала. Поравнявшись с ними, он спросил:

— Простите, так чай будете?

— Да, — ответил Ильин. — Два, и покрепче.

Когда проводник принес в купе чай, мужчина и женщина сидели за столиком и перед ними лежала раскрытая коробка шоколадных конфет. Две ячейки уже были пустыми. Ильин любезно предложил проводнику:

— Угощайтесь.

Но тот вежливо отказался.

Двери остались открытыми. Клеопатра отхлебнула горячий чай и посмотрела в глаза Алексею. Он ей ответил улыбкой, которая означала: ты рядом, и я — счастлив. От этого ей еще горше стало: сейчас самый момент отвлечь его и опустить в стакан ампулу величиной с маленькую горошину... И через час, полтора...

Алексей впервые увидел в глазах Клеопатры слезы... Но он не чувствовал себя виноватым! Почему?..

В это время на пороге купе появились трое мужчин в почти одинаковых костюмах, за ними виднелась голова проводника.

— Разрешите! — сказал старший, входя в купе. — Мы приносим извинения, но в силу особых обстоятельств должны произвести досмотр багажа пассажиров.

— Если в силу особых обстоятельств, пожалуйста, — улыбнулся Алексей и протянул мужчинам коробку конфет: — Угощайтесь.

— Нет, — мотнул головой старший.

Ильин положил коробку конфет на столик и, водрузив свой чемоданчик на полку, щелкнул замками.

Среди разных дорожных принадлежностей лежал довольно объемный целлофановый пакет.

Опера насторожились.

— Покажите содержимое пакета, — попросил старший, и глаза его заблестели, как у охотничьей собаки, почуявшей дичь.

Ильин развязал пакет и осторожно высыпал на столик с десятков разнокалиберных и почти прозрачных пакетиков.

— Это что? — удивленно спросил старший.

— Наркотик, разве не видите? — усмехнулся Алексей и пожал плечами.

Клеопатра посмотрела на него с ужасом: крыша у него поехала, что ли?

— Отвечайте серьезно, гражданин, — одернул его старший. — Шуточки здесь неуместны.

— Позвольте сначала задать вам один вопрос: вы сочинцы?

— Да, — ответил сбитый с толку старший.

— Надеюсь, в свободное время ходите на пляж?

— На пляж?

— Ну да. Позагорать, на песочке поваляться...

«Отвинтит мне Баритон из-за него башку, — подумала Клеопатра. — Всех подведет под монастырь... И не сбежишь, поздно».

—купаемся, да, — ответил опер. — И что?

— Думаю, вы любите родной город. Ознакомьтесь, пожалуйста. — С этими словами Ильин протянул ему бумагу из Регионального геологического управления, удостоверяющую, что господин имярек командирован из Москвы для участия в работе по сохранению сочинских пляжей от размыва волн.

— А при чем здесь эти пакетики?

— Это образцы пляжных пород и песков, соответственно измельченные.

Оперативник взвесил один пакетик на ладони и передал его товарищам, потом взял следующий.

— Зачем они вам? — спросил он.

— Везу в Москву, в центральную лабораторию. Будем исследовать на молекулярном уровне. Необходимо выяснить, какие нужны присадки, чтобы песок с цементировался и его не уносили волны...

Алексей вдохновенно прочел милиционерам краткую лекцию о многообразии пляжных пород.

Оперативному работнику надоело.

— Ладно, — устало сказал он, — поднимите нижнюю полку... И вы, гражданка.

— Я из соседнего купе, — спокойно ответила Клеопатра.

— Тогда попрошу вас пройти на свое место.

Клеопатра вышла. Старший кивнул проводнику и удалился с ним в служебное купе, а его коллеги тщательно осмотрели купе Ильина, пока тот с коробкой конфет стоял в коридоре.

Старший с проводником говорил недолго. Вернувшись, коротко бросил своим товарищам:

— Ребята! Заканчивай. Времени у нас мало, — и обратился к Ильину: — Извините еще раз!

Оперативники перешли в соседнее купе, а Алексей вернулся на свое место, аккуратно сложил в большой пакет маленькие пакетики, а затем убрал большой пакет в чемодан... Чемодан он водрузил на полку, а на столик положил коробку конфет... Оставалось только ждать Клеопатру. Но за нее он был спокоен. Алексей ослабил галстук, расстегнул воротник рубашки и, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза...

...Сколько прошло времени, он не мог бы сказать.

— Алексей! — услышал он голос Клеопатры.

— Я весь внимание... — оставаясь в прежнем положении, ответил Ильин.

— Ты что, плохо себя чувствуешь?

— Нет, отчего же.

Он вздохнул, выпрямился, поставил локти на столик, подперев ладонями подбородок, и пристально посмотрел ей в глаза. О, диво! Она впервые отвела взгляд, словно в чем-то была виновата...

— Ничего, милая, все нормально, — улыбнулся он и прикоснулся к ее руке.

Она мягко высвободила руку, вынула из сумочки блокнот, оторвала один листок, что-то на нем написала и пододвинула Алексею: «Как ты мог так рисковать? А если бы они вскрыли все пакетики?!»

Ильин взял у нее ручку и под ее ровными строчками написал: «Ну и что? Нашли бы песок».

Клеопатра недоуменно взглянула на него и потянула листочек к себе: «А где же?..» Он издали прочел написанное и кивнул на коробку конфет.

* * *

На стоянке привокзальной площади было оживленно. В крайнем ряду припарковалась «шестерка» мышиноного цвета. Дамочка в дымчатых очках вышла из автомобиля, сладко потянулась, скользнула скучающим взглядом по номерам других машин. Взгляд ее на мгновение остановился на «Волге» номер 0685... В машине были двое. Они нервничали — то и дело поглядывали на часы.

В другое время они непременно обратили бы внимание на красивую женщину, прохаживающуюся между машинами, но глаза их были устремлены на выход из вокзала, откуда непрерывно текла толпа людей.

Женщина снова села за руль и сделала вид, что дремлет. Через некоторое время к «Волге» подошел человек с чемоданом, сел на заднее сиденье, и машина тронулась.

Старший лейтенант милиции Елена Голубева, выждав минуту-другую, вывела свою

машину со стоянки и двинулась вслед за «Волгой».

Когда «Волга» юркнула во двор, Елена за ней не последовала, только запомнила адрес и, не сбавляя скорости, промчалась вперед. Отъехав на безопасное расстояние, она остановила машину и по мобильному телефону сообщила результаты наблюдения. Информацию приняли, выслали помощь.

* * *

Звонок по мобильнику застал Клеопатру под теплым душем в ванной комнате особняка Ильина. Вернее, Ильин принес ей телефон в ванную комнату. Звонил Баритон — он приказал немедленно выйти на Москаля.

Настроение у Клеопатры испортилось: такой однозначный приказной тон и такая срочность означали, что ее планы относительно спокойной работы с Ильиным, вернее, тщательной проработки нового канала доставки наркотиков, отодвигаются на второй план, поскольку «накатилось» что-то более важное. И она не ошиблась — Москаль был немногословен: «В восемнадцать часов, по первому варианту!»

«Первый вариант» предполагал встречу в самом центре Москвы, у стен Кремля, а точнее, у фонтана четырех коней, перед подземным переходом, который вел из Александровского сада на Большую Никитскую. Клеопатра взглянула на часы и спросила Ильина:

— Сколько надо времени, чтобы доехать до Кремля?

Ильин даже растерялся: если на машине, то никто точно не скажет. Можно в пробку попасть. Если воспользоваться метро, то... Клеопатра угадала ход его мыслей:

— Я поеду на метро.

— Но-о... — начал было Алексей, приревновавший ее к незнакомому мужскому голосу.

— Никаких «но». Я еду на метро, и еду одна. Понятно? — И, смягчившись, добавила: — Так надо, понимаешь?

Ильин покорно развел руками:

— Понимаю... Тогда минут через сорок надо выходить.

Решительно отвергла она и попытку проводить ее до станции метро. Попросила лишь объяснить, как туда дойти. А когда расстроенный Ильин спросил, когда она вернется, Клеопатра как-то странно посмотрела на него и тихо, но довольно веско произнесла:

— Привыкай не задавать подобных вопросов. Пойми: если бы у меня была какая-нибудь приватная встреча, я бы дорогу и без тебя нашла. Впрочем, ты тоже...

Он, будто извиняясь, уткнулся лицом в ее еще слегка влажные волосы и, шумно вдохнув будоражащий его запах, нежно сказал:

— Прости. Никак не могу привыкнуть, что у нас, кроме главного, есть еще и другие заботы.

Она мягко отстранилась и почти беззвучно рассмеялась:

— Нет, ты еще не понял, что для тебя теперь главное. Ты, Алексей, не исправим...

— Исправим. — Он привлек ее к себе. — Лучше скажи, когда тебя встречать.

— Нет! — Она уже не на шутку рассердилась. — Когда что-то надо будет, я тебе сама скажу.

— Ну-ну... — Он примирительно поднял руки вверх. — Но хоть из окна я тобой

полюбоваться могу?

— Можешь. Но лучше не надо. Ко-о-нspirатор!

Наступил вечерний час пик, на кольцевой станции было особенно многолюдно. Людской поток бурлил, подобно неумемной реке. Вагоны, как и станции, проветривались плохо, свежего воздуха поступало мало. «Экономят электроэнергию, черти драные», — в который раз подумал Игорь, вытирая потное лицо носовым платком. Толпа притиснула его к никелированному поручню, пришлось терпеть.

Какая-то девушка, тщетно пробивающаяся к выходу, улыбнулась ему, но Игорь был так измучен, что не заметил этого внимания к себе. К тому же в тесноте кто-то отдал ему ногу, и она сильно разболелась.

Все тот же непрерывный человеческий поток вынес его по эскалатору на поверхность, на шумную Новослободскую улицу, под сень псевдоклассических колонн.

Игорь, выйдя из потока людей, осмотрелся: Володи не было.

Прихрамывая, он с досадой пробился к стенке и остановился. В этот момент его тронули за плечо.

— Володя!

— Я уже десять минут жду.

— А я тебя и не заметил, — сказал Чернов.

— Это у меня профессиональное.

Они отправились в расположенное неподалеку кафе под пестрым тентом, делавшим его похожим на цыганский шатер. В кафе не оказалось ни одного свободного места, и им пришлось подождать. Когда у брезентовой стенки освободился замызганный пластмассовый столик, Володя сказал:

— Займи места, а я — за пивом.

Чернов сел за столик и огляделся.

В кафе было шумно, дым стоял коромыслом. Много курили, особенно две сильно накрашенные девицы, сидевшие за соседним столиком и заинтересованно поглядывавшие на Игоря. Рядом, сдвинув несколько столиков, гуляла веселая компания. Судя по количеству пустых бутылок, гуляла давно.

Володя принес четыре кружки пива и сел напротив Игоря. Пиво оказалось вполне приличным, а главное, холодным.

— Ты только что из санатория? — спросил Володя, сдувая пену.

Чернов кивнул.

— Подлечился?

— Да как сказать.

— Ну, по крайней мере, оттянулся там? Сочи — городишко веселый.

— А ты там бывал?

— Два раза.

— Ты мне об этом не говорил.

— Игорек, у меня к тебе серьезный разговор, — произнес Володя.

Игорь отодвинул кружку:

— Давай.

Они говорили, близко наклонившись друг к другу, стараясь пересилить шум.

Одна из девиц, сидевшая рядом и немилосердно дымившая, крикнула:

— Хлопчики, сидайте к нам!

— Сомкнем наши ряды, — поддержала ее подруга и поправила съехавшие на нос очки.

Предложение было проигнорировано.

— Тогда мы к вам перейдем, мы девушки не гордые, — не унималась первая.

Они приподнялись со своих мест, но Игорь отрубил:

— Здесь занято.

Девушки с оскорбленным видом переглянулись.

— Ишь, чистюли, — хмыкнула одна.

— Да какие они чистюли! Это гомики, — сказала другая.

— Точно, голубые! — кивнула подруга и выплюнула окурочек на пол.

Убедившись, что два ладных парня никак на них не реагируют, они принялись озираться в поисках других клиентов.

— Так когда ты успел побывать в Сочи? — спросил Игорь.

— Недавно. Это связано с бизнесом, — загадочно ответил Володя и сделал добрый глоток пива.

— Каким, если не секрет?

— Ильина знаешь?

— Алексея, что ли? Которого папаша устроил директором фирмы «Энергия»? Знаю.

— Я теперь выполняю для него особые поручения. И платит он, надо сказать, щедро.

— Ильина я слишком хорошо знаю. Он копейки лишней не заплатит. Скорее, удавится, — жестко произнес Чернов. — Смотри, чтобы он не втянул тебя в темное дело. Расскажи подробно, что ты для него делаешь.

— Да ничего особенного.

— Не темни.

— Ну, грузы для него доставляю.

— Какие?

— Ох, Игорек, ты прям как на допросе.

— Дело может оказаться гораздо серьезнее, чем ты думаешь, Володя.

— Да кофе я перевожу. В Москву.

— Кофе?

— Ну да.

Никогда не поверю, чтобы за такую чепуху Ильин платил приличные бабки. Какой смысл?

— Не так все просто, Игорь. Кофе этот из Турции, элитный. Ильин говорит, знатоки платят за него немалые деньги. А товар контрабандный, левый. Я и решил: отчего бы не подработать? В ЧОПе у нас сейчас платят не густо, заказов на охрану мало...

Игорь помолчал, что-то обдумывая. Девушки тем временем перекочевали за соседний столик, где их появление было встречено бурным восторгом.

— Много ты этого кофе перевозишь? — спросил Игорь.

— Говорю же, товар элитный. Две-три коробки, — ответил Володя.

— Две?

— Две-три.

— Досмотр был?

— Патруль в коробку не заглядывал. Я документы показывал.

Между тем веселье за соседним столиком достигло апогея. Толстяк, сидевший во главе стола и, видимо, игравший роль тамады, распорядился своим шестеркам принести еще ящик пива и обратился к подсевшим девицам:

— Вы кто, красавицы?

— Студентки, — кокетливо ответила очкастая.

— Я так и подумал. И как вижу, вы очень любите пиво.

— Очень любим, — закивали девицы.

— Ну тогда я вам расскажу анекдот про пиво. В парикмахерскую заходит один гражданин, большой любитель пива, как и мы с вами. Садится он в кресло, — толстяк блаженно откинулся на стуле, — парикмахер набрасывает на его плечи простынку и говорит: «Ну и шея!.. Ну и шея!..» Гражданин самодовольно отвечает: «А что! Пивко посасываем!» На что парикмахер спокойно изрекает: «Да по мне хоть хрен соси, но шею мыть-то надо!»

Громче всех хохотала очкастая девица. Она так заливалась, что очки слетели с носа и упали под стол. Девица нагнулась за ними, представив на всеобщее обозрение крупногабаритный зад, что вызвало новый приступ смеха.

— Ну и нравы пошли! — поморщился Чернов и вернулся к прерванному разговору. — Ты давно с Ильиным знаком?

— Порядком, — ответил Володя.

— А как ты вообще на него вышел?

— Не я на него, а он на меня. Понимаешь, у Ильина какие-то дела с моим шефом и он иногда заходит в ЧОП. Вот он как-то и предложил мне подзаработать. Я подумал: почему бы нет? Работенка непыльная, поездка за счет работодателя. Заодно Сочи посмотрю, в море искупаюсь.

— А если в коробке взрывчатка? Или наркотики?

— Ты просто детективов начитался, Игорек.

— Зря ты так.

Игорь не верил Ильину, не только из-за того, что тот подло поступил с Наташей, бывшей симпатией Чернова — вначале отбил ее, женился, а потом закрутил с другой. Ильин вел себя непорядочно и по отношению к товарищам по службе, все делал ради показухи, лишь бы выслужиться перед начальством, не брезгуя никакими методами. Правда, вскоре начальство его раскусило, и Ильину ничего не оставалось, как подать рапорт об увольнении. И вот теперь он бизнесмен. Значит, и по давню не жди от него ничего хорошего...

— Видишь ли, товарищ старший лейтенант, — перешел Володя на официальный тон, — товар, который ты упомянул, стоит чрезвычайно дорого и слишком опасен. Ильин не рискнул бы с этим связываться: хотя он и жаден, но вовсе не глуп.

— Ладно. Продолжим этот разговор в другом месте, — слегка хлопнул ладонью по столу Чернов. — Здесь слишком много чужих ушей.

— Заходи ко мне в ЧОП, там и поговорим, никто не помешает. Кстати, посмотришь одну интересную штучку. Начальник ее в сейфе держит.

— Что за штучка?

— Пистолет Лепажя, начало девятнадцатого века! Шеф обожает такие штучки, большие деньги выложил. Уверяет, что точно на таких пистолетах дрались на дуэли Пушкин и Дантес.

— Уговорил. Завтра и зайду. Боюсь, дружище, ты ходишь по краю пропасти.

На следующий день после дежурства Чернов зашел в ЧОП и нос к носу столкнулся с Ильиным. Разговаривать они, разумеется, не стали — сделали вид, что незнакомы друг с другом.

Однако настроение у Игоря испортилось. Он без интереса посмотрел историческую диковинку — пистоль, затем потолковал с Володей, пролив, насколько считал возможным, свет на сложившуюся ситуацию. Было решено: Володя сообщит ему об очередной командировке и в дальнейшем будет беспрекословно выполнять его задания...

Если Игорь удивился, встретив в ЧОПе Ильина, то последний при виде старшего лейтенанта, живого и невредимого, испытал настоящий шок.

...Новый род деятельности пришелся по сердцу Алексею, и тому было несколько причин. Начать с того, что фирма «Энергия», которую он возглавлял, дышала на ладан. Это было связано и с «наездами» бандитов, и с хитрыми маневрами конкурентов, и с неблагоприятной конъюнктурой на внешнем рынке. Но главное — это было следствием неумелых действий самого Ильина. Он отдал бы многое, чтобы вернуть время назад. Теперь он не сделал бы такую глупость, как закрутить шашни с секретаршей. С нее-то и началась, пожалуй, та цепочка неприятных происшествий, которая в конечном счете привела к разрыву с Наташей...

И вот теперь выполнение необременительных поручений очаровательной Клеопатры позволило ему не только решить финансовые проблемы, но и самоутвердиться. Он перестал комплексовать, почувствовал себя увереннее. Ну а главным, конечно, была любовь этой неукротимой и ненасытной красавицы.

Были ли у нее еще и другие любовники? Ильин предпочитал об этом не задумываться. В конце концов, кто он для нее, чтобы требовать верности? Пусть даже их связь — не более чем прихоть красивой женщины, — спасибо ей за эту прихоть! Вот почему он пропускал мимо ушей шепотки о том, что-де Клеопатра близка с самим таинственным Баритоном — не даром же наркобарон назначил ее начальником службы безопасности. Поговаривали и еще кое о ком. Ну и что? На чужой роток не накинешь платок...

Алексея вполне устраивало то, что Клеопатра уделяет ему время. Правда, иногда ему приходилось вымаливать у нее свидания чуть ли не на коленях, но тем слаще для него были их встречи. Появились у него и деньжата, чтобы обставлять эти свидания достойно — опять-таки, благодаря Клеопатре. После каждого любовного свидания с ней Ильин чувствовал себя совершенно вымотанным: женщин с таким темпераментом он еще не встречал.

Во время последнего свидания, когда они находились немного под кайфом (нельзя же перейти брод, не замочив ног), Клеопатра сказала Ильину, что известный ему Игорь Чернов... приговорен к смерти. И не кем-нибудь, а самой Клеопатрой!

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — с застывшей, как бы приклеенной улыбкой проговорила она, когда они отдыхали на пушистом ковре перед камином в номере люкс одной московской гостиницы.

— Чернова? К смерти? — удивился Ильин. — А чем он перед тобой провинился?

— Тебя не касается. — Его голова покоилась на ее животе, и Клеопатра, запустив пятерню в его редющую шевелюру, довольно чувствительно дернула Ильина за волосы.

— А все-таки?

— Много будешь знать — скоро состаришься. А зачем ты мне старенький? Впрочем, возможен и другой вариант, — задумчиво добавила она.

— Какой вариант?

— Что ты не доживешь до старости, мой миленький!

У Алексея вдоль позвоночника пробежал холодок.

— Дуся, не дуся, — ласково сказала Клеопатра и похлопала его по щеке. — У нас в конторе приговор приводится в исполнение практически сразу. Так что можешь считать Чернова покойником. Ты, Лешенька, лучше о себе подумай. Ты ведь тоже не заговоренный.

— О чем ты, Клеопатра?

— Да все о том же, милый. Все люди смертны. Кай — человек. Следовательно, и Кай смертен.

— Ты окончила юрфак?

— Нет, не пришлось, но заруби себе на носу, я говорю с тобой так откровенно в первый и последний раз. Ты хорош, только когда четко выполняешь все распоряжения, не пытаешься во что-либо влезать. Шаг влево, шаг вправо... Сам понимаешь. Но не будем о грустном.

— Чего ты хочешь?

— Как сказал царь Соломон Суламифи: дайте мне подкрепиться, я изнемогаю от любви. А подкрепиться я хочу шампанским.

— Заказать в номер?

— Не надо. В ведерке на столе еще осталась бутылка. Она успела хорошо охладиться. Подай, рыцарь, своей даме, она тебя отблагодарит.

* * *

Алексей Ильин был на сто процентов уверен, что Чернов уже труп. И потому легко вообразить его удивление, когда он в ЧОПе встретил Игоря — живого и невредимого. Может, Клеопатра соврала? Или что-то у них там не сработало?..

В ЧОПе Ильин проворачивал кое-какие дела. Одного из сотрудников ему удалось завербовать в наркокурьеры, причем настолько легко, что Ильин и сам удивился. За это он был удостоен поощрения со стороны Клеопатры: правда, эти поощрения не отличались разнообразием.

Финансовое процветание Алексея Ильина было видно невооруженным взглядом. Появились и новые могущественные друзья, которые помогли его первые накопления — начавший образовываться «жирок» — инвестировать наиболее выгодным образом.

Впрочем, душевное состояние Ильина нельзя было назвать безоблачным. После разрыва с Наташей он вдруг понял, как ему дорога и как он любит свою дочку. Хотя Наташа отказалась от его предложения попробовать реанимировать их семью, он решил, что не стоит складывать оружия. Он начал помогать Наташе материально, причем довольно существенно, ничего не требуя взамен. Сперва она отказывалась от подачек, как она называла эти деньги, но потом нелегкая жизнь заставила ее изменить свою позицию: она

стала принимать помощь как должное.

Ильин построил себе коттедж в Подмосковье в элитном районе — там он впервые увидел, что такое настоящая роскошь, а квартиру в Ясенево оставил Наташе со Светочкой. Без всяких условий. Бывшая жена была так тронута этим благородным поступком, что искренне расцеловала Алексея — впервые после размолвки.

* * *

...Под вечер пришло распоряжение из ГУВД Москвы об усилении режима работы — в связи с поступившей информацией о якобы готовящихся терактах со стороны чеченских боевиков. «Опять усиление! — Ковалев поморщился. — На прошлой неделе противостояли экстремистам и бритоголовым. На позапрошлой унимали футбольных фанатов. Месяц назад ловили трех заключенных, сбежавших из тюрьмы... В общем, сплошные усиления...»

Нажав на пульте кнопку, он отдал распоряжение дежурному по отделу:

— Заместителей и начальников служб ко мне! Через пятнадцать минут.

В дверь постучали.

— Разрешите? — спросил капитан Панкратов.

— Если что-то срочное — заходи, Федор Леонидович.

Панкратов протянул подполковнику листок бумаги, на котором был написан номер красной «ямахи».

— Я проверил этот номер. Он принадлежит мотоциклу «ява», угнанному год назад из подмосковного Подольска.

— Так, хорошо. — Ковалев разгладил усы. — Что еще?

— Час назад «ямаху» и цыгана вновь видели у общежития.

— Значит, киллер?

— Выходит так.

— Бери двух сотрудников и аллюром в общежитие. Проверь там все, организуй засаду. Будешь дежурить, пока Чернов не уедет. Машина за ним придет в десять вечера. Потом возвращайся сюда. Обмозгуем дальнейшие действия. Пора кончать с наркодельцами.

— Может, оставить там одного сотрудника?

— Я поручу подвижной милицейской группе, чтобы время от времени наведывалась к общежитию.

— Понял. Буду докладывать по сотовому. — Панкратов свернул листок бумаги и вышел из кабинета.

Было уже за полночь, когда дежурный по отделу доложил Ковалеву, что подвижная милицейская группа обнаружила в сквере у общежития красную «ямаху».

— Панкратова ко мне! — коротко бросил в трубку подполковник. — Готовьте группу быстрого реагирования.

Встав из-за стола, он начал мерить кабинет шагами. «Значит, киллер не в курсе, что Чернов покинул Москву, — размышлял Ковалев. — Наверняка сидит в засаде, ждет, когда Игорь вернется в общежитие. Выходит, правильно сделали, отправив Чернова в командировку»...

— Разрешите? — В дверях опять появился Панкратов.

— Бери группу и немедленно выезжай к общежитию. Надо взять этого киллера.

— Есть! — Панкратов исчез за дверью.

* * *

...Окошко засветилось только далеко за полночь, когда почти все остальные окна погасли. Нэ-Нэ решил, что это, может, даже к лучшему. Он не торопясь навинтил на ствол пистолета глушитель, дождался, пока человек почистит зубы и ляжет в постель. Когда «фигура» на кровати перестала шевелиться, он прицелился в голову лежащему и... плавно нажал на спусковой крючок.

Спустившись по пожарной лестнице с козырька подъезда общежития, Нэ-Нэ поспешил в расположенный неподалеку сквер. В конце сквера находились два невысоких деревянных строения, в одном из которых размещалась парикмахерская, а в другом — цветочный магазин. В узком проеме между домиками стоял накрытый брезентом мотоцикл «ямаха».

Нэ-Нэ ускорил шаг. Не дойдя до мотоцикла каких-то сто метров, он достал из кармана телефон, набрал номер Клеопатры и коротко доложил:

— Это я. Задание выполнил.

Оглядевшись, Нэ-Нэ направился к мотоциклу. И вдруг замер на месте. Ему показалось, что рядом кто-то есть. К тому же он заметил, что с «ямахи» немного съехал брезентовый чехол. «Может, ветром сорвало?!» — подумал он и внимательно все осмотрел вокруг. Но ничего подозрительного не заметил. Достал сигарету, закурил. Вокруг была тишина, только ветер гонял желтую пожухлую листву по дорожке.

Потоптавшись на месте, Нэ-Нэ глубоко затянулся сигаретой и, сплюнув, зашагал к «ямахе».

До мотоцикла оставалось совсем немного, когда из-за дома выскочили двое мужчин в камуфляже и с автоматами.

— Руки вверх! Бросай оружие! — приказали они.

Инстинктивно Нэ-Нэ сделал прыжок вперед, потом вправо и вскинул пистолет. Но выстрелить не успел. Он даже не заметил, что у торца другого дома стояли еще двое. Их выстрелы и опередили бандита.

Он упал на землю. Грудь нестерпимо жгло, глаза заволкла пелена. И все же он направил пистолет в сторону милиционеров, но... никого не увидел.

Новое дело, в которое окунулся Ильин после памятной поездки в Сочи, не могло не изменить его образа жизни. Незаметно для него самого, у Алексея появились новые замашки, привычки, даже стиль поведения стал другим. И причина этого была не только в возросших доходах. Главное заключалось в том, что новое дело ему нравилось. Когда на него наседали конкуренты или кто-то из них угрожал, Клеопатра через своего шефа, грозного Баритона, непостижимым образом все улаживала. Со временем Баритон стал для него некоей полумифической фигурой, обладающей неограниченными возможностями. Ну а к самой Клеопатре Алексей еще сильнее привязался и чувствовал, что в ее руках тает как воск. Постепенно у него созрела уверенность, что он неуязвим.

Его курьеры умудрялись провозить большие партии наркотиков, несмотря ни на какие ухищрения спецслужб. Даже если и застукают, думал Ильин, — откупится.

Плохо было другое: Алексей подсел на наркотики. Правда, он убеждал себя, что у него достаточно силы воли и он сумеет бросить эту дурь, когда возникнет необходимость. Но необходимость все не возникала, а вот потребность в наркотиках росла день ото дня. «Экстази» он находил совершенно необыкновенной, замечательной штукой, которая делала его сильным и бесстрашным. Да и потенцию, как ему казалось, усиливала, что было немаловажно: Клеопатра оказалась требовательной любовницей.

...Не разочаровал он свою подругу и на этот раз. После изощренных любовных игр их почти одновременно сморил сон. Они «вырубались» на оттоманке, которую Клеопатра окрестила «сексодромом».

Молодую женщину разбудил пронзительный звонок сотового. Он словно буравил мозг, входил в него тонкой иглой. Клеопатра с трудом разомкнула тяжелые веки. Звонок оборвался, но через несколько секунд повторился снова.

«Какому дьяволу я понадобилась среди ночи?» — подумала она и посмотрела на спящего Алексея. Он лежал на спине, раскинув руки, как работяга после нелегкого труда.

Мобильник не умолкал. Клеопатра вздохнула и перелезла через любовника. Сумочка с «сотовым» валялась на ковре, залитом шампанским, рядом с ее белоснежным бюстгалтером. Отбросив бюстгалтер ногой, она сделала несколько шагов по полутемной комнате, освещаемой только светом луны, включила торшер и обернулась. На лице Ильина было то блаженно-бессмысленное выражение, которое свойственно только законченным наркоманам. «Быстро же подсел Леша, — подумала Клеопатра. — Теперь его, пожалуй, и танком не вытащишь из наркоты». Она подняла с пола сумочку и принялась ее расстегивать, но дрожащие руки плохо слушались, замочек не поддавался. Клеопатра и сама вечером перебрала, что случалось с ней редко — она умела держать себя в руках, иначе бы давно пришлось расстаться с Баритоном.

Наконец она достала сотовый и нажала кнопку. Только теперь до ее сознания дошло, что номер мобильного знали единицы, а значит, звонок был очень важным.

— Слушаю, говорите, — сказала Клеопатра.

— Это я, — услышала она голос Нэ-Нэ.

— Да.

— Задание выполнил.

У нее перехватило дыхание:

— Уверен? Как уходил?

Однако Нэ-Нэ уже отключил телефон, и Клеопатра от досады чертыхнулась. Она присела на ковер рядом с опрокинутой бутылкой шампанского. Машинально погладила ладонью холодное стекло, пытаясь себя успокоить.

Ну, вот. Задание Баритона выполнено: Чернова нет. Нет человека — нет проблем. Правда, ей было его немного жаль — сильный противник, Клеопатра таких уважала. Да и парень из себя видный...

Она поднялась с пола, подошла к столику, стоявшему рядом с торшером, налила два полных фужера коньяка и, вернувшись к оттоманке, принялась будить Ильина.

Будила долго. Алексей вяло отмахивался и продолжал похрапывать. Тогда она взяла соломинку для коктейлей и пощекотала у него в носу. Храп прекратился.

— Ну, чего тебе? — наконец очнулся Ильин.

Она подняла два полных фужера, один протянула сонному любовнику:

— Выпьем, Леша.

— Для этого ты меня разбудила?

— Именно.

— Мало вечером набралась?

— Мы с тобой выпьем, Леша, за упокой грешной души Игоря Чернова.

— Он умер?

— Да.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Когда это произошло?

— Только что.

— Откуда ты знаешь?

— Приснилось.

— Не верю снам... — зевнул Алексей и вдруг встрепенулся: — Ты что, серьезно? Тебе позвонили, что ли?

— Не задавай лишних вопросов...

— Ладно, ладно... — пробормотал Ильин и взял у нее фужер с коньяком. — Я не собираюсь влезать в твои дела.

И Алексею, в который уже раз, припомнились обрывки разговора среди курьеров о жестокости Клеопатры, о том, что даже жизнь сотрудника для этой змеюки ничего не значит.

— Так-то лучше, — усмехнулась она. — Ну, не чокаясь.

Ильин пил с трудом, часть коньяка пролилась на постель. Клеопатра же пила легко, словно воду. Выпив, перевернула фужер вверх дном и... из него не пролилось ни капли.

— Молодчага! — вяло восхитился Алексей, не отводя мутного взгляда от обнаженной возлюбленной.

Клеопатра легла на оттоманку, закрыла глаза и, к удивлению Ильина, мгновенно отключилась.

А вот Алексей уже не мог заснуть. Он долго ворочался с боку на бок, простыня жгла тело, а подушка казалась набитой камнями. «Жаль Чернова, — думал он, — очень жаль. Нормальный парень. И зачем он в милицию пошел? Ну, вот и дослужился». Ильин

посмотрел на свою любовницу — его обожгла другая мысль: а ведь это она, Клеопатра, убила Чернова. Вернее — наркомафия. Да, та самая наркомафия, которой он, Ильин, служит. А это значит, что в смерти Игоря Чернова в некоторой степени повинен и он. Ну, ладно — Чернов! Ну а если он сам в чем-то ошибется, не угодит Баритону? Тогда и его, не задумываясь, уберут точно так же, как убрали Игоря. Может быть, даже по приказу Клеопатры. А то, что они любовники... Какое это имеет для таких людей значение?!

И Алексей машинально отодвинулся от спящей женщины. В его душу вползла черная змея страха: только теперь он осознал, в какой переплет попал! Алексей с неприязнью, смешанной со страхом, всматривался в безмятежное лицо своей любовницы. «Любовница? От слова — „любовь“. А что между нами? Что с того, что мы кувыркались? Да у нее таких как я, небось десятков...»

Алексей так и не сомкнул глаз, промаявшись до утра. Утром чувствовал себя до того мерзко, что в свой офис не поехал, ограничившись звонком. А потом, чтобы не дергали, отключил мобильник.

Нет, Ильин не собирался торчать целый день в этом загородном особняке и предаваться мрачным мыслям. Как только Клеопатра уехала по своим делам, он отыскал непечатую бутылку французского коньяка «Курвуазье», взял коробку шоколадных конфет и отправился на машине в город.

* * *

Дорога убаюкивала, навевала приятные мысли.

Игорь, сидевший за рулем джипа, был молчалив и сосредоточен. Володя Климчук весело болтал о всяких пустяках.

Они вели машину по очереди, и Климчук, только что передавший руль Чернову, сладко потягивался, любуясь обширными полями уже явно застоявшейся пшеницы. С уборкой урожая здесь почему-то не торопились.

— Богато живем, — усмехнулся Игорь.

— Ты о чем?

— Да, эта, говорю, контора — не бедная.

— С чего ты взял?

— На такой машинке впервые еду, — похлопал Чернов по рулю.

— Да, «чероки» — это класс. — В голосе Володи послышались нотки самодовольства.

— Ладно хвастаться. Разбогатею — куплю, — улыбнулся Игорь. — Больно хороша на ходу.

Они перебросились еще несколькими фразами и замолчали: за долгую дорогу достаточно было переговорено, да и впереди времени достаточно: до Москвы путь предстоял долгий, а опасность поджидала их на каждом километре.

...За джипом «Чероки» на некотором расстоянии ехал другой джип — «Лендровер», за рулем которого сидел Равиль. А на пассажирском месте, откинувшись на подголовник, прохлаждался долговязый Дык.

Они принадлежали к разным группировкам — именно так задумало руководство. Равиль раньше непосредственно подчинялся Ибрагиму-Мусе, его группа обеспечивала доставку наркотиков. Дык подчинялся Евдокиму-«Циклопу», его подельники

распространяли наркотики в Москве и области. Дык получил такую кличку, потому что он к месту и не к месту употреблял словечко «дык».

— Золотое место, — мечтательно произнес Равиль. — Когда-нибудь все это, вот увидишь, отойдет под Кавказ.

— Держи карман.

— Россия ослабла.

— Дык... Сам ты ослаб.

— Засеяли пшеницу... идиоты, — после некоторой паузы продолжил разговор Равиль.

— Чем плохо?

— Да кому она нужна, эта пшеница?!

— А жевать что будешь, если хлеба не станет?

— Копеечный товар, — презрительно сплюнул в открытое окно Равиль.

— Нельзя без хлеба.

— Тоже мне... экономист. Им пшеница обходится дороже, чем в нее вкладывают.

— С чего ты взял?

Равиль засмеялся:

— Мне одна знакомая журналистка рассказывала, что затраты на технику больше, чем выручка от продажи зерна.

— Дык, значит, дело поправить надо.

— Это как?

— Ну... денег больше за зерно платить.

— Нельзя.

— Это почему?

— Рынок потому что. Слышал такое слово?

— Дык, кто же его не слышал. Наши ребята только и занимаются, что рынком.

— Товар другой.

— Дык, не менее важный, чем хлеб.

— Сечешь... — одобрительно кивнул Равиль. — Вот и я к тому веду — законы рынка использовать нужно. Когда мы у России Краснодарский край отберем, всю пшеницу к чертовой бабушке пошлем.

— И что посеем?

— Угадай с трех раз.

— Хрен его знает.

— Коноплю!

— Ух ты! — восхищенно протянул Дык. — Вот это будет красота. Пстой, а милиция?

— Чудак, так милиция-то у нас будет своя, кавказская, понимаешь? Она в доле с нами, с продавцами, будет.

— Скоро пост ГАИ. Или как его теперь, ГИБДД.

— Где эта Ги-бэ-дэ-дэ?

— Вон, за деревенькой пригорок, а там сразу поворот.

— Оружие наготове?

— Где ж ему, дык, быть. Лишь бы те, с товаром, проскочили...

— Проскочат!

— А мы? Сбросишь скорость?

— Хрена. Наоборот. Наглостью возьму.

— ...Сбрасывай скорость, сразу за поворотом пост ГАИ, — сказал Володя, глядя на карту.

— Думаю, там мы с нашими коллегами и пересечемся, — произнес Игорь. — Когда их остановят для досмотра.

Джип «Чероки» благополучно миновал пост ГИБДД и остановился неподалеку у обочины. Через несколько секунд Игорь увидел в зеркале заднего вида, что гибэдэдэшник притормозил «лендровер». Он козырнул и попросил у водителя документы.

— Что везем? — спросил автоинспектор.

— Да, ничего! Мелочовка всякая, скарб домашний! — протараторил Равиль.

— Давай посмотрим «мелочовку», — ответил дежурный.

— Да вот она. — Равиль протянул ему сложенный вдвое лист, внутри которого что-то лежало. Чернов наблюдал, как инспектор заглянул в эту бумажку и, сунув ее в карман, вернул документы водителю.

— Езжай! — махнул жезлом инспектор.

«Лендровер» рванул с места. Чернов тоже надавил на газ.

— Сколько нам осталось до места встречи с группой захвата?

— Километров сто, — ответил Климчук. — Еще рулить и рулить.

Но на границе Краснодарского края, у поста ГИБДД события развивались иначе. Дежурный автоинспектор, получив дополнительный «документ», вернул его Равилью. К ногам автоинспектора жалась вислоухая собачонка. Она поглядывала на «лендровер» и радостно потягивала. Это привлекло внимание милиционера, что стоял у будки. Передернув затвор автомата, он направился к «лендроверу».

Инспектор потребовал открыть багажник. Игорь догадался, что он там увидел: несколько картонных ящиков. Инспектор велел открыть один из них...

Равиль в чем-то убеждал его, размахивая руками... Дык стоял рядом. Игорь заметил, что кобура у гибэдэдэшника застегнута.

Инспектор оказался въедливым. Он вынул из ящика одну банку кофе, подошел к капоту и вскрыл ее консервным ножом. Потом встряхнул банку и наклонил. На капот посыпался белый порошок, часть попала на землю. Вислоухая собачонка с радостным визгом начала лизать белую пудру.

Равиль что-то заорал и бросился в салон за руль. Через мгновение Дык был рядом с ним. Машина рванула. Инспектор не успел отскочить в сторону, его задело крылом, и он упал. Второй милиционер дал автоматную очередь по машине. «Лендровер» съехал на обочину.

Когда милиционер подбежал к машине, Дык был весь в крови. Равилью пуля попала прямо в голову.

Все это произошло так быстро, что Игорь не успел вмешаться. «Что делать теперь? — лихорадочно думал он. — Весь план пошел насмарку. Надо раскрываться. Все брать в свои руки».

«Чероки» развернулся и остановился у поста ДПС. Чернов вышел из машины. Увидев направленный на него автомат, крикнул: «Свои, коллега!» — и предъявил служебное удостоверение третьему гибэдэдэшнику, что спешил на помощь товарищам. Потом, достав сотовый телефон, сообщил о случившемся в Москву.

— Действуйте по обстановке, — услышал он голос подполковника Ковалева.

* * *

На закрытое совещание в Управлении по борьбе с незаконным оборотом наркотиков подполковник Ковалев прибыл заранее. Надо было уточнить кое-какие данные.

Николай Николаевич понимал, что последняя фаза операции будет весьма сложной. Поэтому он принял как должное распоряжение генерала объединить усилия всех, кто занимался этим делом под общим руководством главка. И здесь он с удивлением узнал, что другая группа, действовавшая параллельно, уже заблокировала вторую базу преступников.

Глава 6

Провал

Клеопатра вместе со своими подручными Лысым и Чекой, вопреки обыкновению, поехала лично встречать джип «Чероки» с очередной партией наркотиков. Двигались на трех машинах с интервалом в триста метров. Она уже знала, что произошло на границе Краснодарского края. Об этом вчера сообщили средства массовой информации. Но еще раньше Клеопатра получила информацию о перестрелке на посту ГИБДД от своего человека. Этим осведомителем был Ильин. Ему в свою очередь доложил Климчук.

Все было бы не так страшно — Дыка ведь и посылала для прикрытия. Но, учитывая опыт предыдущих, вполне благополучных рейсов, Клеопатра настояла на том, чтобы и в «лендровер» загрузили товар. Об этом ее решении знал только Черный Беркут. И провала не должно было быть...

Сейчас ее беспокоило одно: засветился ли другой джип, в котором перевозился героин. По сообщению Ильина, «чероки» должен был прибыть в пункт назначения в 14.00.

Клеопатра утром побывала на главной базе, выставила дополнительную охрану на объекте и на подступах к нему. Разработала новый маршрут движения груза. Проинструктировала Лысого и Чеку, которые на белых «жигулях» пятой и шестой модели должны были сопровождать ее белый «мерседес».

В полдень кавалькада из трех машин выехала с Волгоградского проспекта на Московскую кольцевую автодорогу. Все шло по графику, и Клеопатра несколько успокоилась, хотя время от времени душу ее охватывал неприятный холодок. Ей ведь предстояло держать ответ перед Баритоном: за потерю товара на границе Краснодарского края и гибель его телохранителя Нэ-Нэ. Но прежде всего она хотела допросить водителей джипа «Чероки».

Неожиданно зазвонил мобильник.

— Алло. — Она притормозила «мерседес» у обочины.

— Вот что, дорогая, — услышала она холодный голос Баритона, и сердце ее тревожно забилось. — Где бы ты ни находилась, что бы ты ни делала, бросай все и ко мне. Срочно!

— Но я встречаю груз.

— Я сказал — срочно. И захвати финансовые отчеты за последние месяцы. Туда, где ты находишься сейчас, выедет «москвич».

Баритон ругнулся и отключил сотовый.

Клеопатра записывала. Значит, кто-то настучал Баритону на нее. Этот кто-то, скорее всего «москвич», то есть Москаль, — фигура темная и опасная. Он со своей ищейкой Ямщиком мог докопаться до финансовых дел, в нужном ему свете доложить о задержании «лендровера» с «экстази», о гибели Равиля и захвате Дыка. Да мало ли чего могли наговорить на нее! «Неужели это все», — подумала она, и на глаза ее навернулись слезы: такого с ней давно не случалось.

Клеопатра посмотрела в зеркало заднего вида. За «мерседесом» стояло двое «жигулей». Из первого вылез Лысый и направился к ней.

«А если провал и с „чероки“?» — этот вопрос постоянно сидел у нее в мозгу, но сейчас вышел на первый план. Она ясно осознала, что для нее это будет приговор.

— В чем дело, шеф? — спросил осипшим голосом Лысый.

— Зови Чеку, надо уточнить план, — велела Клеопатра.

Пока тот ходил за вторым водителем, ее мозг лихорадочно искал выход. И она нашла решение, которое должно было обезопасить ее и дать время на анализ.

— Вот что, орлы, — сказала им Клеопатра. — Встречать «чероки» едете вы одни. Поведете машину с грузом по намеченному маршруту. Возле бензоколонки, перед поворотом на базу стройматериалов, замедлите движение. Понятно?

— Понятно. А зачем? — спросил Лысый.

— Поясняю для непонятливых. — Она с укоризной посмотрела на обоих. — На заправке я буду сидеть в «мерседесе» и наблюдать за вашими машинами. Если замечу слежку или еще что-либо подозрительное, сообщу вам по телефону, и мы найдем решение проблемы. Если все чисто — вы ведете «чероки» на базу, а я мчусь к Баритону. Он вызывает меня. Срочно.

— Теперь ясно, — кивнул Лысый.

— Вот и хорошо. По коням! — Она помахала им рукой и дала по газам.

На место Клеопатра приехала раньше намеченного. Машин было мало. Она заправила свой «мерседес», зашла в магазин, купила плитку шоколада и бутылку нарзана. Отъехала недалеко, порылась в багажнике автомобиля.

По ее расчетам, машины должны были подойти минут через пятнадцать. Клеопатра не совсем четко сознавала, для чего она все это делает. Скорее, действовала по интуиции, которая никогда еще ее не подводила.

Откусив пару долек шоколада, Клеопатра положила плитку в сумочку. Взгляд ее остановился на заграничном паспорте с открытой шенгенской визой. Она собиралась слетать на несколько дней в Испанию, где тайком купила небольшую виллу с клочком земли у моря.

«Москаль и другие думают, что я отстегивала значительную сумму Ильину, — улыбнулась она своей догадке. — Нетушки. Алексей не выдержал испытания. И как любого наркомана его ждет, в конечном счете, незавидная участь. Жаль, конечно. Подавал такие надежды...»

Вдали показалась кавалькада машин. Первой шла пятерка Лысого, затем «чероки» и замыкающей — «шестерка» Чеки. Больше на дороге никого не наблюдалось. Если бы она подняла голову наверх, то увидела бы вдали вертолет, который неотступно следовал за автомобилями.

Первый жигуль сбавил скорость и не спеша повернул направо. Лысый, зная что за ним наблюдают, улыбнулся и подмигнул Клеопатре. «Чероки» вел Климчук. Клеопатра несколько раз видела его издалека. А рядом с ним?! Рядом с ним сидел... Чернов. Живой и невредимый.

Кровь ударила Клеопатре в голову. Это провал! Она откинула голову на спинку сиденья, закрыла глаза и мысленно произнесла: «Вот и все». Потом встрепенулась: «Бежать, немедленно бежать».

Машина завелась с пол-оборота.

— К черту все! — заорала она и сама испугалась своего голоса. — Хочу в Испанию!

Группа захвата и отряд СОБРа окружили базу стройматериалов загодя. Руководил операцией заместитель начальника УБНОН полковник милиции Пушкарев.

Предварительная разведка объекта показала, что база тщательно охраняется. За кирпичным забором стояло два каменных здания. Одно оборудовано под склад, в другом, двухэтажном, — канцелярия и жилые помещения. Между строениями высилась водонапорная башня. На самой вершине ее, за стеклом, сидел наблюдатель с автоматом. У ворот в небольшом кирпичном домике постоянно находились три человека. По периметру территории базы бегали на поводках две овчарки.

Пушкарев и Ковалев заранее определили место для двух снайперов. Первый еще до рассвета занял позицию на копне сена, стоявшей в двухстах метрах от базы. Другой — на разлапистом дубе, который еще не сбросил листву. У них были две главные цели. Цель номер один — наблюдатель на водонапорной башне. Цель номер два — часовые у ворот и зданий.

Оперативники с минуты на минуту ожидали машины из Сочи, но вместо них к строительной базе подъехал выдавший виды джип «Ниссан». Из сторожевого домика выскочили трое охранников, но прежде чем они успели открыть ворота, из джипа вышли двое мужчин — плотный сутуловатый брюнет и щеголеватый парень. Судя по тому, как их встретила охрана, почтительно и даже подобострастно, это были не простые бандиты. Старший охранник доложил о чем-то брюнету, а потом оба сверили часы.

В это время из двухэтажного здания вышли двое молодых парней. Они были без оружия, в темных свитерах и черных вязаных шапочках.

— Ну вот. Теперь мы, товарищ полковник, знаем численность бандитского гарнизона, — сказал Ковалев. — Восемь человек.

— Но мы не знаем, сколько бандитов приедет еще, — хмыкнул тот.

— Зато знаем, что среди них будут и наши — два штыка.

— Посмотрим, посмотрим, — неопределенно проговорил полковник. — Что-то здесь сейчас произойдет.

Ковалев тоже понял, что неожиданное появление этих двоих мужчин с чем-то связано. Может, они приехали для контроля и помощи? А если нет? Значит — разбираться в случившемся на границе Краснодарского края. Тогда они сразу повяжут Чернова и Климчука. Но этого нельзя допустить. А что, если прямо сейчас начать захват бандитов?

— Не успеем, — сказал полковник, и Ковалев усмехнулся: заместитель начальника УБНОНа подумал о том же.

Москаль и Ямщик действительно прибыли на главную базу, чтобы опередить Клеопатру, лично допросить водителей джипа «Чероки». Но и не только для этого. Москаль получил от Баритона приказ, как можно быстрее доставить к нему Клеопатру, «живую или мертвую». Главарь московских мафиози предпочитал привезти ее мертвой. На всякий случай он обговорил это с Ямщиком. Но Москаль понимал, что Клеопатра — крепкий орешек и с ней два ее верных нукера — Лысый и Чека. С руководителем службы безопасности так просто не разделаешься. А вот убрать ее в поезде, когда она будет возвращаться в Москву и окажется одна, не составит труда.

— Идут три машины. Джип «Чероки» в середине, — доложили по рации с дальней точки.

На часах было 14.40 — колонна шла строго по графику.

— Значит так, Николай Николаевич, начнем, как только откроют ворота.

— Согласен, — кивнул Ковалев.

Полковник включил рацию и приказал:

— СОБР, пошел! Выдвигаетесь вдоль забора с двух сторон. Внимание, филины, один и два. Как только начнут открывать ворота, — нейтрализовать цель первую и вторую. — Потом он обратился к Ковалеву: — Твоя группа берет бандитов в машинах. Давай!

По плану Чернов и Климчук должны были, как только откроются ворота базы, развернуть джип так, чтобы перекрыть путь бандитам к отступлению и нейтрализовать водителя «жигулей», замыкающего колонну...

* * *

«Чероки» почти догнал пятерку.

— Не нервничай, — сказал Игорь другу. — Следи за дорогой. Держи дистанцию.

— Конечно, конечно! — волнуясь, ответил Климчук.

Когда ворота начали открываться и в глубине двора показались охранники, шедший впереди жигуль резко затормозил. Чернов догадался, что водитель «пятерки» увидел бежавших к воротам собровцев.

Водитель «жигулей» открыл дверцу и выставил автомат «УЗИ».

— Жми на газ! — закричал Чернов. — Тарань его, паскуду!

Климчук бросил джип вперед, и он с такой силой ударил в задний бампер «пятерки», что жигуль отлетел метров на двадцать и завалился на бок.

Чернов выскочил из джипа под автоматные очереди. К «жигулям» уже бежали Ковалев, Панкратов и еще двое в камуфляже. Оглянувшись, Игорь удивился: вторая «шестерка» была совсем рядом. Лысый пытался остановить машину. Но увидев нацеленный на него пистолет, бросил руль и поднял руки вверх. Автомобиль съехал в кювет.

Вытащить бандита из «шестерки» помог подбежавший Панкратов. К этому времени выстрелы прекратились. Когда Чернов подвел Лысого к воротам, там, у сторожевого домика, стояли лицом к стене, в наручниках, четверо бандитов. Трое раненых лежали здесь же. Игорь узнал среди них водителя «пятерки».

— Ищите восьмого. Холеного такого!.. — покрикивал на собровцев полковник, которого Чернов видел впервые.

— А женщина там была? — спросил Чернов Панкратова.

— Нет. Клеопатра, наверное, в объятиях Баритона, — ответил тот.

* * *

Наташа везла в Бутырку передачу для Ильина. Дорога из Ясенева до СИЗО занимала полтора часа. Потом столько же обратно. Сколько передумано за эти три часа, сколько осмыслено...

Она пыталась забыть мужа, но ничего не получалось. Об отце постоянно спрашивала Света. Почти ежедневно приходила мать Ильина и, обнимая внучку, с укором смотрела на Наташу. Несколько раз звонил отец Алексея и интересовался, нет ли от сына писем.

Перебирая в памяти всю свою неудавшуюся жизнь, она все больше сочувствовала Ильину, понимая, что во многом виновата его мать. Она никогда не интересовалась, чем живет Алексей. Пришел домой, принес деньги — хорошо. Где-то заночевал, выпил — плохо. А что у него на душе, что думает, к чему стремится — это ее не интересовало.

Любила ли Наташа мужа? Наверное, нет. Впрочем, и он отвечал ей тем же. В постели она всегда была холодна с ним. Как-то его это разозлило и он сказал, что видел у одного парня белую футболку с надписью «Женщина без ласки, что мотор без смазки». Она одернула его, заявив, что он циник и пошляк.

После этого случая они о сексе не говорили. Виновата ли она? Во всяком случае, перестроиться не могла. Не умела. И вскоре у мужа появились любовницы, проститутки. А ведь она способна на ласку и любовь и в сексе могла бы быть посмелее, раскрепощеннее. Но с Ильиным — нет, не могла себя пересилить! И он это чувствовал. Так шла тоскливо их жизнь. А вот теперь...

Следователь сказал, что Ильин стал наркоманом, что врачи сейчас борются за его жизнь. И Наташа готова была купить для него любые лекарства. Только бы выжил, вылечился. Сегодня она везла ему новые, очень дорогие препараты. Их достала мать Алексея. Наташа очень надеялась, что с их помощью ее муж вернется к нормальной жизни. Это для нее оказалось самым важным. А когда огласят приговор, пусть даже самый суровый, она будет его ждать, будет, как и теперь, носить ему передачи.

Подходя к Бутырке, Наташа увидела впереди мужчину и невысокую женщину, державшую мужчину под руку. В левой, свободной руке мужчина нес небольшую картонную коробку. Торопившаяся Наташа начала было обгонять эту парочку, но ее взгляд непроизвольно задержался на коробке: «Ильину А. П.» — размашисто было написано синими чернилами на картоне. Она сделала еще несколько шагов вперед и оглянулась... Перед ней был Игорь Чернов. Для него это тоже было неожиданно. Он тепло улыбнулся Наташе, поприветствовав ее легким кивком.

Его спутница — то ли не заметила внимания Игоря к встретившейся женщине, то ли сделала вид; однако теснее прижалась к бывшему Наташиному поклоннику...

Алексей вышел за железные ворота и с облегчением вздохнул, услышав, как тяжелый тюремный засов с лязгом и скрежетом накрепко закрыл противоположной стороны. Сколько раз он думал об этой минуте, мысленно старался представить ее себе, но вот она наступила — и Ильин растерялся.

Был обеденный час, и окраина Омска, где располагалась тюрьма, опустела. Рядом с полдюжины кур, предводительствуемых бравым петухом, деловито разрывали дорожный мусор и песок. Через дорогу в чахлах кустах одинокая коза, привязанная к колышку, лениво пережевывала листья.

Алексей сделал несколько шагов, поправил притороченный за спиной рюкзак, остановился. Еще раз внимательно огляделся. Вроде встретить обещали, как сообщил тюремный телеграф. Но никого не увидел.

Пройдя шагов десять, он обернулся. Железные ворота, выкрашенные в черный цвет, кирпичный забор — высокий, потрескавшийся и побуревший от времени, и даже вышка, на которой вечно маячила фигура автоматчика, уже не казались страшными.

Алексей жадно вдохнул воздух свободы, постарался пошире расправить плечи, но особой радости не испытал. Его внезапное освобождение было загадочным и вызывало тревогу.

...Заключение под стражу стало страшным ударом. Что он пережил — врагу не пожелаешь. Бесчеловечные издевательства сокамерников и надзирателей. И вот теперь — свобода, а два года заключения промелькнули как одно мгновение. Когда-то он слышал афоризм: долгое время — не время, если оно миновало. И теперь убедился в справедливости этих слов.

Первые четыре месяца своего заключения он провел в московском СИЗО. Эти стс двадцать дней были сплошным кошмаром. От ломки впору было наложить на себя руки. Зелье в СИЗО можно было купить, правда, за большие бабки. Но Алексей не стал делать этого, решив избавиться от пагубной привычки. И силы воли хватило.

Однако сколько ночей он провел без сна, вспоминая свою знойную искусительницу и всерьез подумывая о самоубийстве.

Правда, с воли в тот московский период ему здорово помогали. Присылали регулярно посылки и отец с матерью, и Наташа не забывала, кое-чего подбрасывал Игорь Чернов, друзья, а также сослуживцы по бизнесу. Молчала только Клеопатра...

Ну а потом, когда его перевели в омскую тюрьму, наступили совсем уж беспросветные дни. Сокамерники измывались над новоприбывшим, как хотели. Нередко избивали, требуя, чтобы просил у друзей на воле денег, посылок и травки. И все бы ничего, однако к этому времени поток благотворительности в адрес Ильина иссяк, неизвестно, по какой причине. Может, с глаз долой — из сердца вон, думал он, но на судьбу не сетовал, терпеливо сносил невзгоды.

Ситуация изменилась примерно через четыре месяца — снова стали приходить посылки

и деньги, и Алексей воспрянул духом.

Сокамерники его зауважали, признали своим, хотя наркоту он уже не употреблял. Да и тюремное начальство начало относиться благосклонно, поскольку Ильин вел себя примерно: был тише воды, ниже травы, работал от звонка до звонка.

Благоволение начальства оказалось весьма существенным — ему скостили год. Пообещали еще сократить, если будет умницей. Он старался. И вот она — воля. Но почему выпустили так внезапно? Это обстоятельство тревожило Алексея: что-то здесь не так.

Ильин стоял на улице, словно витязь на распутье. Распутный витязь — как обыграл бы острый на язык Игорь Чернов, его прежний телохранитель, оказавшийся на поверку порядочным человеком, в отличие от многих других.

Ильин прислонился плечом к старой яблоне. Может, махнуть к родителям? Заждались его, небось, особенно мама. Да и он по ним соскучился. А потом — к Наташе и Светке. Дочурка, небось, здорово вымахала за эти два года.

Из-за угла вышел человек, на ходу жуя бутерброд. Он окинул Алексея цепким взглядом, остановился.

— Оттуда? — кивнул на железные ворота.

— Угу.

— Алексей Ильин?

— Он самый.

— Ну, слава богу. А я думал — разминулись, — улыбнулся мужчина. В руке он держал потертый дипломат с новенькой ручкой. — Я тебя встретить должен, кореш, — и протянул для пожатия руку.

— Я догадался, — ответил Ильин.

— Амантай меня зовут.

— Отойдем подальше.

— Назад не заташат, не бойся! — сказал казах.

Они дошли до перекрестка, где была захудалая стеклянная кафешка. Сели за столик. Амантай приветливо помахал рукой знакомой официантке-казашке.

— Что будем заказывать? — поспешила она к их столику.

— Лапочка, сообрази нам два по сто пятьдесят и закусончик поплотней, сама понимаешь.

Она кивнула.

— Друг из дальнего похода пришел, — пояснил казах.

Алексей уселся поудобнее, рюкзак положил на свободный стул.

«Колхозник, — окинул его взглядом Амантай. — И за такую падлу шеф сто тысяч „зеленых“ отвалил. Не жирно ли? Впрочем, начальству виднее».

Против ожидания, закуска оказалась весьма приличной — так показалось Ильину, привыкшему к тюремной баланде. И от водки он отвык за два года. Тепловатая жидкость обожгла внутренности, и он сразу почувствовал зверский голод.

— Да ты там оголодал, брат, — заметил казах, уписывавший за обе щеки салат из помидоров. — Не торопись, здесь у тебя не отнимут.

Насытившись, Алексей откинулся на спинку стула. Мир, доселе казавшийся серым и унылым, быстро окрасился в розовые и голубые тона, и даже немолодая официантка, которую звали Селимхан, показалась ему симпатичной.

Амантай рассчитался с девушкой, отодвинул пустые тарелки, водрузил на стол

дипломат и подмигнул Ильину:

— Теперь, брат, за дело. — Казах приподнял крышку: — Вот тут тебе денег велели передать, на первое время...

Пачка пятисотрублевых банкнот выглядела столь же соблазнительно, как и яичница с салом, которую Ильин только что проглотил.

— Вот — билет на самолет до Москвы, рейс сегодня вечером, до регистрации четыре часа. Ксивы у тебя, Леха, в порядке?

— Да.

— До аэропорта я тебя подброшу.

— А это что?

— Письмо тебе велели передать.

Ильин взял запечатанный конверт, повертел в руках. Адреса на нем не было, только аккуратно выведено «Алексею Ильину» и дважды подчеркнуто. От письма пахло незнакомыми духами.

— Кто передал? — спросил Ильин.

— Шеф, кто же еще? — развел руками Амантай. — Небось, от зазнобы?

Алексей надорвал конверт. Письмо было от женщины. Незнакомка поздравляла его с освобождением, спрашивала о здоровье и выражала надежду, что теперь у Алексея все должно быть хорошо. Подписи не было.

Может, Наташа? Нет, она наверняка подписалась бы, подобного рода анонимки не в ее стиле. Может, Юля, его бывшая сексапильная секретарша, которая подарила ему в свое время столько сладких минут? Немного поразмыслив, он отверг и эту мысль: Юля — девушка с двойным, а то и тройным дном, у нее таких, как он, — наверняка косой десяток, она, небось, давно забыла неудачливого начальника. Но кто же тогда?

Казах искоса наблюдал за Ильиным, лениво ковыряясь в зубах.

Ближих женщин у Ильина было не так уж много, и он, перебирая их в памяти, отвергал одну за другой. И вдруг, как молния, пронзила мозг мысль: Клеопатра!.. Конечно Клеопатра. Как это сразу не пришло ему в голову? Но странная вещь: воспоминание о Клеопатре оставило его равнодушным, сердце не дрогнуло. А ведь раньше Алексей таял только от одной мысли о ней.

— Да... — невольно вырвалось у него, — дела давно минувших дней.

— Что-что? — спросил Амантай.

— Да так. Вспомнил одну знакомую, — неожиданно ответил Ильин. — Но, видно, сердце мое очерствело...

Торговая фирма «Эдем» занимала старинный трехэтажный особняк на окраине парка «Сокольники». Генеральный директор фирмы Игорь Юрьевич Банков слыл бизнесменом добропорядочным, налоги государству выплачивал полностью, без всякой там двойной бухгалтерии. И вряд ли кто мог подумать, что фирма «Эдем» — всего лишь прикрытие наркосиндиката «Эдельвейс». И уж тем более никому не могло прийти в голову, что этот трехэтажный особняк, окруженный кирпичной стеной, образно говоря, был всего лишь верхушкой айсберга, видимой всем. Главная же его часть, подводная, а точнее сказать, подземная, уходила на много этажей вниз, и никто из посторонних попасть туда не мог. Это был подземный микрогородок, способный в течение долгого времени жить автономно, независимо от внешнего мира. Здесь были достаточный запас продуктов, источник питьевой воды, даже своя небольшая электростанция, работавшая на дизельном топливе. Более того, отсюда был прорыт ход к ближайшей станции метро.

Среди руководства «Эдельвейса» ходили слухи, что отряд диггеров, проводивших подземные работы под особняком, был уничтожен по распоряжению хозяина синдиката, фигуры в некотором роде мифической, поскольку до сих пор никто его не видел. Общение с боссом происходило только в письменном виде, а распоряжения от него поступали на бланках с его фирменным знаком.

Тот, кому довелось побывать в подземных помещениях особняка, не мог не признать, что дизайном занимался человек не только с отменным вкусом, но и с воображением.

Центральное место в главном подземном этаже занимал так называемый рыцарский зал с четырьмя каминами. Когда в них пылал огонь, трудно было понять — настоящие это поленья горят, потрескивая и разбрасывая тающие на лету искры, или это искусная имитация, хитрая работа электронщиков. Название залу дали фигуры средневековых рыцарей, стоящие в нишах. Причем доспехи были подлинными. Они были закуплены в университетском музее одного немецкого городка.

Знатоки живописи или искусствоведы, попади они в рыцарский зал, были бы безмерно удивлены, увидев на стенах полотна известных мастеров, которые считались безвозвратно утерянными.

Очередное заседание руководства «Эдельвейса» по традиции было назначено на полночь.

— Наш шеф чересчур романтичен, — заметил по этому поводу Александр Терентьевич Громада, высокий, широкоплечий мужчина, с лицом, изрезанным шрамами. Поговаривали, что он был преподавателем высшего учебного заведения и воровским авторитетом.

— Да здесь, под землей, один хрен, что полночь, что полдень, — ответил его собеседник Ерохин, по прозвищу Ероха.

— Оно так, а все же полночь — самое время чертей и ведьм.

— Насчет чертей — правильно, а вот ведьм, то бишь баб, у нас в правлении, слава богу, нет, — сказал Ерохин.

К ним подошел Зураб Сихашвили, красивый, статный грузин.

— Вы, кажется, говорите о дамах, господа? — высоким звонким голосом спросил Зураб, уловив последнюю фразу.

— Да вот, говорю, хорошо, что баб в правлении нет.

— А может, «Эдельвейсом» заправляет женщина?! — сказал Громада.

— Глупости, — усмехнулся Ероха.

— Почему?

— Баба не смогла бы так закрутить гайки.

— А ты как думаешь, Зураб? — посмотрел Громада на Сихашвили.

Грузин задумался;

— Все может быть.

— Только не в нашем деле.

— Именно в нашем деле! — произнес Громада. — Баба такое может придумать, что нам, мужикам, сроду не догадаться.

— А ведь ты, Александр Терентьевич, прав, — сверкнул глазами Зураб.

— Ладно, хватит травить, — оборвал разговор Громада, и все трое посмотрели на старинные напольные часы.

До совещания оставалось пятнадцать минут. В зал по одному входили члены правления.

К беседующим присоединился Бармен — так все звали начальника службы безопасности, настоящего его имени не знал никто.

— Наверное, и на этот раз мы не увидим нашего генерального, — сказал Бармен.

— Похоже на то, — кивнул Громада.

— А какая нам разница, увидим — не увидим? — произнес Зураб. — Лишь бы дел шло, а командует пускай циркулярами.

— Да в том-то и дело, что все пошло через пень-колоду, — ответил Ероха. — Прокол за проколом.

— Может, менты лучше работать начали, — сказал Зураб.

— Ага, и в нашу среду внедрили ментовскую суку. Вот он и продает нас с потрохами, — добавил Громада.

— А может, настоящего шефа давно ликвидировали, а «Эдельвейсом» командует какая-нибудь конкурирующая группировка, которая хочет прибрать к рукам синдикат, — предположил Бармен. — Отсюда и все наши провалы.

— А провалы-то наши им, конкурентам, зачем? — спросил Зураб.

— Молодой ты, Зураб. Как червь яблоко пожирает? Пробирается внутрь и лишает его жизненных соков. Яблоко падает, и тогда червь догрызает его до конца. Так же и с синдикатом. Предприятие обесценивают, а потом и прибирают к рукам. За копейки. Это называется искусственное банкротство.

— Но если шефа нет — кто же нам циркуляры присылает? — не отставал Зураб.

— Кто, кто! Почем я знаю, кто? Может, тот самый мент, который внедрился в синдикат, — ответил Бармен.

Посреди рыцарского зала, прямо под люстрой, стоял круглый дубовый стол. Вокруг него — семь стульев, а членов правления собралось, как всегда, шесть. Каждый знал свое место. Седьмой стул, расположенный спинкой к большому центральному камину, должен был остаться пустым — таинственный хозяин «Эдельвейса», судя по всему, не появится и на этот раз.

Согласно ритуалу, без пяти двенадцать все шестеро членов правления встали вокруг стола. Наконец часы пробили двенадцать, и с последним ударом часов ожил динамик, вмонтированный в дубовую панель над входом в зал.

— Александр Терентьевич Громада... — произнес гнусавый голос и перечислил его должность, регион и дела, которыми тот занимается, после чего Громада сел за стол.

— Бармен... — Тут голос сделал паузу, словно поперхнулся. Однако все и так знали, что этот человек, имя которого неизвестно, возглавляет службу безопасности «Эдельвейса».

Бармен сел рядом с Громадой и положил на стол папку.

— Саркис Погосович Саркисян, — продолжал представление собравшихся голос. — Ведает общаком, главный бухгалтер фирмы...

Толстый седой человек в роговых очках с достоинством занял свое место напротив Громады.

— Артем Сидорович Ерохин, отвечает за Сибирский регион, — бубнил монотонный голос.

Едва дождавшись конца длинной фразы, Ероха по-хозяйски расположился на стуле.

— Черный Беркут, — продолжал вещать динамик, — отвечает за Сочи...

Имени, фамилии и должности рябого громадного азербайджанца голос не назвал. Все поняли: не положено.

Последним голос представил Зураба Сихашвили, и тот занял место рядом с пустующим председательским.

* * *

Неведомый хозяин «Эдельвейса» имел веские основания созвать внеочередное совещание правления. Слишком много в последнее время появилось проколов, и в самой их зловещей последовательности чувствовалось что-то угрожающее и неотвратимое.

Прежде всего члены правления должны были обсудить проблемы внутреннего свойства — по России и СНГ, в основном по Казахстану, а также Украине и Таджикистану. А кроме того, рассмотреть предложение одного известного в криминальных кругах международного консорциума совместно осуществлять транспортировку наркотиков из стран-производителей и осваивать новые рынки сбыта.

С одной стороны — предложение заманчивое: у западной наркомафии несравненно больший опыт. С другой — западный спрут несравненно могущественнее. Может сожрать «Эдельвейс» с потрохами. Возможно, так и задумано.

— Господа, у меня в депеше написано, чтобы я вел сегодняшнее заседание, — произнес

Громада.

— Ну и веди, если велено, — сказал Зураб.

— У меня есть список вопросов, которые необходимо обсудить, — продолжил председательствующий, оставив слова Зураба без внимания. — Начнем работу. Пожалуйста, Саркис Погосович!

Финансист «Эдельвейса» поправил роговые очки и встал из-за стола.

— За последний месяц мы недополучили около двенадцати миллионов долларов. Больше всего потеряли в центре — в Санкт-Петербурге и в Поволжье. Неплохо обстоят дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Ни шатко, ни валко идут дела на Урале и юге России. Предлагаю ужесточить контроль за доставкой и реализацией зелья — раз. И второе — сократить время, отпускаемое на реализацию товара до одной недели.

— Но тем самым мы отпугнем распространителей, — сказал Ерохин. — Надо четче планировать работу. Могу поделиться опытом.

— Поддерживаю Ероху, — поднял руку Бармен. — Надо эффективней и жестче работать, как это делают в Омске, искать новые рынки сбыта и надежную крышу. А сокращать время на реализацию товара нельзя.

— Согласен, — кивнул Громада. — Решение принято. Что еще у тебя, Саркис?

— Большая растрата наличности у гендиректора фирмы «Эдем» Банкова. Из «черной» кассы исчезли полтора миллиона «зеленых».

— Ясно, — нахмурил брови Громада. — Бармен, поручаю тебе провести расследование с пристрастием и доложить мне лично.

— И правлению, — добавил Зураб.

— Да, конечно, и правлению, — поморщился Громада.

— У меня все, — сказал Саркисян и сел.

— Прежде чем перейти к главному вопросу, я хочу посоветоваться с вами, как поступить с Амантаем, который попал в поле зрения омской милиции.

Это сообщение Громады прозвучало как гром среди ясного неба. Омск, как и Павлодар, считался одним из самых сильных звеньев в наркоцепочке. Опытный наркокурьер до сих пор не прокалывался.

— Надырова взяли?

— Пока нет, но могут взять не сегодня завтра, — сказал Громада.

— А откуда у ментов данные на него?

— Из Крыма прислали фотку вместе с цидулькой. Пока еще не выяснил, кто именно. Да это теперь и не суть важно.

— Значит, там и наследил.

— Что с Надыровым решим? — спросил Громада.

Члены правления многозначительно переглянулись.

— Убрать его надо, пока не повязали...

— Согласен, — кивнул Саркисян, до сих пор молчавший. — Он слишком много знает.

— Если запоет в ментуре — дело табак.

— Амантай — парень крепкий, так просто его не расколешь, — попытался вступить за наркокурьера Черный Беркут.

— Найдут у него слабое место, — сказал Саркисян. — Он в бабах своих завяз, как муха в банке с медом. Нажмут на его баб — и расколют.

Зураб Сихашвили, дождавшись, пока все высказались, возразил:

— Надыров — опытный работник. Стоял у истоков нашего «Эдельвейса».

— Мало ли что, — бросил Бармен.

— Такими кадрами не разбрасываются, — ответил Сихашвили.

— Что ты предлагаешь, Зураб? — спросил Громада.

— Не надо спешить, убрать всегда успеем. Надо отозвать его, изменить внешность...

— А если его загребут?

— Если понадобится — и в ментуре его пришьем!

Странно, но эта простая мысль никому до сих пор не пришла в голову.

— Сихашвили дело говорит, — сказал Черный Беркут. — Я поддерживаю его предложение.

Споры разгорелись с прежней силой.

— Шеф, если ты слышишь нас, выскажи свое мнение! — комически воздел руки к потолку Бармен.

Совещание длилось больше часа. Все выдохлись. Громада потянулся к пустующему председательскому креслу, нашел на пульте кнопку с надписью «кофе» и нажал ее.

Через несколько минут в зал вошел высокий охранник в камуфляжной форме. Это был Гримо — руководитель охраны подземелья. В руках он держал поднос с шестью чашками кофе.

— Расслабимся, — произнес Саркисян, сделав глоток.

Зураб к своей чашке не притронулся. Он сидел, вытянув под столом ноги и устремив взгляд в потолок, на люстру.

— А наверху-то благодать, небось, — мечтательно произнес Черный Беркут. — Прохладно, соловьи поют на все Сокольники...

— К Марусе бы под теплый бочок закатиться, — вздохнул Бармен. — Слышь, Зураб, пойдём со мной? — толкнул он в бок Зураба.

— Куда? — не понял Сихашвили.

— Гнездышко, говорю, есть у меня. Девки там — закачаешься! Высший пилотаж. И для тебя товарищ найдется, по дружбе.

— Женщины меня не интересуют, — сухо произнес Сихашвили и зевнул.

— Ох, темнишь, парень. Такого красавчика — и не интересуют? Может, брезгуешь?

— Я сказал.

— Ладно, была бы честь, — ответил Бармен.

После небольшого перерыва члены правления перешли к самому сложному вопросу — о вступлении в международную организацию. Когда каждый член правления высказал свое мнение, разгорелись жаркие споры. В горячке досталось и незримому хозяину: много средств уходит неизвестно куда, деньги тратятся неэффективно, евроналички в кассе и общаке явно недостаточно.

— Да вот хоть бы это подземное царство! — разглагольствовал Бармен. — Столько бабок сюда вбухали. А на хрена, спрашивается?

— Не твоего ума дело, — оборвал его Зураб.

Приступили к голосованию. Но и оно не дало результата: Громада, Бармен и Ероха были за объединение с западной организацией, другие — против.

— Ничья — три-три, — констатировал Громада. — Но я решил, и это будет правильно...

Саркисян, Черный Беркут и Зураб переглянулись, словно ждали чего-то. Дверь

скрипнула, в зал вновь вошел высокий охранник и протянул Громаде конверт с оттиском трехглавой кобры.

«Повременить с объединением», — прочел Громада при всеобщем молчании и побледнел...

Алексей старался не вспоминать о пережитом. Старики — так он мысленно называл отца и мать, которые год назад стали пенсионерами, не выказали особой радости, когда он вернулся из тюрьмы, но и не указали ему на дверь, — как говорится, и на том спасибо.

А ведь раньше они гордились сыном. И зарабатывал вроде прилично, и дела в гору пошли... И вдруг связался с дурной компанией... Теперь вот пришел, как ободранная кошка. Вроде бы дружки помогли раньше выйти на волю. Если и впрямь дружки, то где они теперь, почему не помогают, хотя бы первое время.

С деньгами у Алексея было не густо, а источников дохода не было и не предвиделось. Фирма его отошла в чужие руки, вчерашние друзья отвернулись от него, в упор не видели.

Первые дни Ильин с утра до ночи бродил в поисках хоть какого-нибудь заработка. Но руки человека с волчьим билетом не требовались нигде, да он ничего толком не умел делать этими самыми руками.

«Хоть в дворники иди!» — подумал он однажды. А что, работа здоровая, все время на воздухе. Он даже сгоряча подумал было пойти в ДЭЗ и предложить свои услуги, но потом одумался. Во-первых, дворник уже был — Ильин почти каждый день встречал во дворе угрюмого рябого дядю Шамиля, татарина с угреватым носом, вечно либо пьяного, либо с похмелья. Во-вторых, в самом ДЭЗе его наверняка еще помнят, причем совсем в другом качестве — как богатого процветающего «нового русского», приезжающего иногда навестить родителей на шестисотом «мерседесе», с охраной, да еще с умопомрачительной красоткой...

Видя, что его жалкий капитал съезживается как шагреновая кожа, Алексей решил пойти на вокзал, чемоданы подносить пассажирам, — силенок в руках вроде хватало. Однако тут же выяснилось, что и здесь имеется своя корпорация, и чужака, пытавшегося примазаться, немедленно изгнали из носильщиков — спасибо, морду не набили.

...Бродя без толку по городу, который стал чужим и враждебным, Алексей несколько раз проходил мимо своего бывшего офиса — ноги сами несли туда. Теперь там даже вывеску сменили. Спрятавшись за деревьями на противоположной стороне улицы, он поглядывал на окна — не мелькнет ли там знакомое личико, тоже, наверное, ставшее чужим... Личико не мелькало.

В эту пятницу Алексей поднялся, как всегда, поздно. А куда спешить? И потом, больше валяешься — меньше есть хочется. Стариков дома не было. Наверное, уехали на дачу — он слышал обрывки их разговоров. Сына даже не сочли нужным поставить в известность. Что ж, тем лучше. По крайней мере, шпынять будет некому, намекать на лишний рот.

Алексей выпил стакан чаю. От чая остался во рту неприятный привкус — чай был дрянной, не сортовой, грузинский, раньше он и не взглянул бы на такое пойло. Початую пачку он обнаружил в кухонном шкафчике — спасибо, мать не забрала на дачу.

После чая встал вопрос — чем теперь заняться? Если ты не будешь убивать время, оно убьет тебя — кажется, так сказал какой-то мудрец. А что, правильно сказал.

Время, время...

Алексей подошел к окну, выглянул во двор. Две липы чахли в вечной тени, в песочнице возились ребятишки, две няньки сидели на лавочке, одна вовсе не дурная. Пацан лихо

прокатил на велосипеде. А вон и дворник Шамиль показался, в оранжевом фартуке и с метлой в руках...

Опять потянуло к своему офису. Но он отогнал эту мысль. Даже сплюнул, проговорив: «Черт, так и свихнуться недолго».

Мельком глянул в зеркало — ну и харя! Может, побриться? В это время раздался звонок в дверь.

Кого еще черт принес? Ну, не к нему же пришли, в самом деле? Наверное, к отцу, сосед-преферансист. Может, открыть, стрельнуть у него десятку на пиво? Так ведь не даст, сволочь. А не даст, так и открывать нечего.

Алексей снова принялся изучать свою физиономию в зеркале. Звонок повторился, долгий и настойчивый. Менты, что ли? Но ведь он ничего не нарушал, отметился в райотделе вовремя. А ежели этот сосед, можно и в самом деле попытаться перехватить десятку.

— Кто там? — спросил Алексей.

— Это квартира Ильиных?

Нет, это не сосед. Голос незнакомый.

— Кто вам нужен?

— Алексей Павлович.

Ильин приоткрыл дверь, не сняв цепочку. За дверью стоял молодой человек в модной куртке, с золотой сережкой в ухе.

— Ну, я Алексей Ильин.

Гость окинул его цепким взглядом:

— Похож, хотя видок тот еще... У меня для вас письмо.

Молодой человек сунул в щель узкий голубой конверт и исчез.

Ильин закрыл дверь и вернулся в комнату. Конверт был девственно чист, на нем не было ни адреса, ни фамилии. Алексей даже понюхал его — повеяло чем-то давно знакомым.

Он надорвал конверт, из него выпал сложенный вдвое листок бумаги, на котором было написано: «Алексей, дорогой! Ты вернулся, поздравляю. Я знаю, что тебе нелегко. Нам необходимо встретиться. Жду тебя завтра, в семь вечера, в ресторане „Прага“. Клеопатра».

Листок благоухал «Елисейскими Полями» — ее любимыми духами. Сердце Алексея учащенно забилося. Нахлынули волнующие воспоминания: скорый поезд Москва — Сочи, прекрасная незнакомка, вспышка страсти... И дурманящий аромат странных сигарет, аромат, который поначалу придал ему богатырские силы и самоуверенность, а впоследствии принес столько страданий...

Опять невыносимо захотелось глотнуть наркоты. Но он знал: еще разок хлебнешь — уже не вылезешь. Да и нет ее, к счастью, наркоты...

Тревожные мысли оттеснила сумасшедшая радость: Клеопатра здесь, она помнит, она ждет его! И не далее как завтра они встретятся!

Алексей перечитал записку, сунул ее в карман, походил по комнате, стараясь унять волнение и привести мысли в порядок. А должен ли он идти на эту встречу? Какое может она иметь продолжение? Клеопатра и он ведь такие разные, и за время его заключения стали совсем чужими. Что его ждет? Опять наркота и, как следствие, тюрьма? Только не это. Он завязал с зельем. Навсегда.

Меряя шагами комнату, машинально снова взглянул на себя в зеркало платяного шкафа. Ну и образина! Волосы выцвели, появились большие залысины. Глаза впали, под глазами

мешки... Хорош, ничего не скажешь. Если бы увидела его в таком виде Клеопатра, не назвала бы «дорогой».

Еще толком ничего не решив, Ильин начал лихорадочно приводить себя в порядок. Для начала принял холодный душ, чтобы в голове прояснилось, и побрился. Героические усилия Алексея не пропали даром — он молодец на глазах. И к концу процесса омоложения на него смотрел из зеркала человек, похожий на прежнего Алексея Ильина, каким он был до ареста: вальяжный, ухоженный, с самоуверенным взглядом, который, если и боялся чего-то в жизни, так это разве что летать самолетом. Правда, сильно исхудавший, но это дело поправимое.

Пронзительная трель телефона отвлекла его от мыслей о Клеопатре.

«Наташа!» — подумал он, бросаясь к трубке. Предчувствие его не обмануло.

Разговор получился долгим, но безрадостным. Жена сказала, что устала его ждать, что он, в сущности, разрушил ее жизнь, что она долго думала об их отношениях и пришла к выводу, что они теперь чужие. Бросила туманную фразу, что жизнь не стоит на месте.

— Ты о чем, Наташа? — спросил Алексей.

— Время все уносит, Леша. И наша жизнь оказывается иногда короче, чем кажется...

— Послушай, а Светлана?! — почти выкрикнул он.

— Вспомнил-таки, — с горечью произнесла Наташа.

— Наташа!

— Я уже почти тридцать пять лет Наташа. А о том, что у тебя есть дочь, ты вспоминаешь только тогда, когда тебе выгодно.

— Неправда!

— Неправда, говоришь? Так вот тебе правда. Света тебя, считай, забыла, ты стал для нее чужим. И для меня тоже...

Ильин в сердцах бросил трубку. Опять посмотрел на себя в зеркало. Вроде есть еще силы в пороховницах и не все потеряно. Теперь он окончательно решил пойти завтра в «Прагу». Надо вот только галстук у отца поискать поприличнее, да костюм свой почистить в срочной химчистке. Тот, в котором прибыл из Омска, — другого не было.

...Алексей узнал Клеопатру сразу, как будто только вчера расстались. Она сидела в углу за столиком, недалеко от эстрады.

Народу в зале было немного.

Клеопатра несколько не изменилась, лишь чуть похудела и даже помолодела. Длинные темные волосы уложены в высокую прическу, платье с глубоким декольте, бриллианты в ушах и на пальцах.

Ильин подошел к ней и остановился, не в силах произнести ни слова. Сказочная фея протянула ему руку для поцелуя и произнесла:

— Ну, здравствуй, любимый...

Алексея будто окатила горячая волна. Пошатнувшись, он плюхнулся на стул.

Стол был уставлен закусками, в серебряном ведерке со льдом стыло шампанское, но у Алексея почему-то сразу пропал аппетит.

Похоже, Клеопатра тоже потеряла аппетит. Они жадно смотрели друг на друга и не могли наглядеться.

— Вид у тебя усталый, — наконец сказала Клеопатра.

— Вышел вот на волю и очутился у разбитого корыта, — вздохнул Ильин. — Столько воды утекло, столько времени прошло... Может, я упустил свое время? Знаешь, как говорится: «Дорого вовремя время. Времени — много и мало...»

— Знаю, знаю, — улыбнулась Клеопатра. — Надпись на песочных часах. — И закончила: — «Долгое время — не время, если оно миновало».

— Точно, а я не мог вспомнить.

— Давай вместе подумаем, как тебе, Леша, жить дальше. Скажу откровенно: у меня для тебя есть большое и интересное дело.

Алексей вздрогнул:

— Клеопатра, я хочу тебя предупредить — я никогда больше не буду ни перевозить наркоту, ни пробовать эту гадость.

— Об этом нет и речи, милый, — успокоила его Клеопатра. — Я рада твоей решимости.

— Так что ты предлагаешь?

Она неожиданно привстала и погладила его лицо. Алексей поцеловал ее благоухающую ладонь.

— Спасибо. — На глазах Ильина самопроизвольно навернулись слезы.

— У меня есть влиятельный друг, он даст тебе рекомендацию. Будешь управлять большой финансово-промышленной компанией, — будто не заметив этих слез, проговорила она. Потом открыла пачку незнакомых Ильину сигарет, достала одну, щелкнула дорогой зажигалкой, закурила, выпустила струйку дыма. Увидев, как вытянулось у Алексея лицо, улыбнулась: — Нет, это не то, что ты подумал. Я тоже завязала с наркотой. Это обычная сигаретка, египетская. Я курю, только когда очень волнуюсь. Слушай, поедem ко мне в коттедж? — неожиданно предложила она.

Ильин замешкался с ответом.

— Знаю, ты о Наташе своей думаешь, — улыбнулась Клеопатра. — Зря. — Она порылась в сумочке, достала видеокассету и протянула ее Алексею.

— Что это?

— Полнобуешься на досуге, как твоя Наташа забавлялась с фирмачом Глобовым. Она его любовница. И скажу тебе, довольно квалифицированная...

В который уже раз Алексей поразился ее пронизательности. Он действительно подумал в этот момент о Наташе и дочери. Слова Клеопатры ударили по его самолюбию. Как мужа, хоть и бывшего, отца семейства, его не покорило известие о неверности Наташи. Более двух лет она жила одна и давно могла завести любовника. В его душу особенно сильно запали ее слова о сексуальном мастерстве жены, потому что, сколько он помнит, в постели с ним она всегда была холодна.

Взяв кассету, Алексей вдруг уронил ее на стол — показалось, что она ударила его разрядом тока. Только сейчас он отчетливо понял, что потерял семью. Безвозвратно. Навсегда.

Клеопатра молча за ним наблюдала.

Наконец он сказал охрипшим вдруг голосом:

— Я верю тебе и без кассеты. Поедем к тебе. Устал я от всей этой грязи.

...Алексей уснул под утро. Он лежал, раскинув руки в стороны, и на лице его застыла улыбка.

Клеопатра тоже устала. Слишком горячими были ласки любимого человека. А в том, что он покорило ее сердце, она уже давно не сомневалась.

Более двух лет она постоянно думала о нем ночами, терзалась мыслью, что виновата в его падении. Именно она втянула его в преступное сообщество, приучила к наркотикам.

Создавая новое дело, новую организацию, она подыскивала место и ему, Алексею.

Умному, верному, но слабому, как ей тогда казалось, человеку. Но он выжил, вынес все испытания, не согнулся, никого не предал, не затаил злобы и ненависти. У него даже остались нежные чувства к ней. В порыве страсти он называл ее «родненькая», «единственная». А когда в изнеможении упал, вымолвил:

— Я навеки твой и никому не отдам тебя!

Клеопатра понимала, что женщины любят ушами, принимая порой лесть за признание в любви. Знала она и о том, что Ильин два года жил без женщины и в момент блаженства мог наговорить множество любезностей, а через час и не вспомнил бы, что шептал своей подруге. Но она отмела эти сомнения, решив, что Алексей — тот мужчина, который нужен ей и любит ее. Со своей стороны она должна ответить ему любовью, позаботиться о нем, сделать все, чтобы их совместная жизнь была светлой и радостной.

Зазвонил телефон. Клеопатра поспешно сняла трубку, сказала:

— Минуточку...

Стараясь не разбудить Ильина, она поднялась с постели и подошла к большому, от потолка до пола, зеркалу, нашла сбоку кнопки, нажала на них. Вся панель съехала в сторону, и Клеопатра скрылась в Зазеркалье.

Телефон разбудил и Алексея. Приоткрыв глаза, он видел, как Клеопатра скрылась в потайной комнате. Сквозь дремоту он слышал ее слова: «Вход со стороны „Эдема“ зацементировать... Бармена — нейтрализовать...» Ильин вновь сомкнул веки. Он очень устал.

* * *

Работа захватила Чернова. Он теперь частенько засиживался до рассвета, читая допросы задержанных и сидящих в СИЗО и тюрьмах наркодельцов. Постепенно перед его глазами выстраивалась общая картина, сложенная из пестрой мозаики частных показаний. Изучая по преимуществу Сибирский регион, капитан Чернов понял главное: Сибирь — лишь одно из щупалец спрута, имя которому — «Эдельвейс».

Чернов запросил из архива уголовное дело на Черного Беркута, который действовал в Сочи до того, как бесследно исчез, на Баритона — московского наркобарона и на оставившего следы в Смоленске лысого Бармена — его поиски до сих пор не увенчались успехом. Анализируя все эти дела, Чернов в какой-то момент пришел к выводу, что все эти люди также входят в корпорацию «Эдельвейс».

Теперь надо было прощупать старые связи Бармена. По всей цепочке, до места разрыва с той и другой стороны. То же самое с Черным Беркутом. Его фото было растиражировано и разослано во все органы внутренних дел.

Было еще одно белое пятно — Амантай Надыров. Он исчез, словно растворился. В Омске его не оказалось, согласно данным местной милиции, он улетел в Москву. «Москва — не заграница — найдем!» — думал Чернов.

Оставался Алексей Ильин.

Сразу после посещения родителей Алексея и беседы с его отцом Чернов позвонил в отделение милиции «Ясенево».

— Он регулярно у вас отмечается?

— Да, товарищ капитан.

— У меня большая просьба. Когда он придет отмечаться, задержите его под благовидным предлогом и сообщите мне, я тут же подскочу.

И вот они встретились.

Чернов обратил внимание — Алексей одет со вкусом. Видно сразу — не бедствует. Держится уверенно: встрече с Черновым рад — так по крайней мере показалось Игорю.

— Поздравляю с освобождением. — Чернов протянул бывшему сопернику руку.

— Спасибо, Игорь.

— Не хочу копаться, как тебе удалось так быстро освободиться, — сказал Чернов, когда они остались в комнате одни. — Хочу просто спросить: как думаешь жить дальше?

— С наркотиками я завязал навсегда, — ответил Ильин.

— А с преступным миром?

— Тем более. Вот моя жизненная программа вкратце: женюсь, нарожаю детей, буду работать. Как все простые люди...

— Где работать?

— Предложили руководить одной торговой фирмой, вполне добропорядочной. Какой — пока не скажу, чтобы не сглазить.

— А с Наташей — полный разрыв?

— Она предала меня, — потупил глаза Ильин. — Есть доказательства...

— Хорошо. Спасибо за откровенный разговор. — Игорь протянул ему свою визитную карточку. — Если что — звони. У тебя есть женщина?

— Есть, живем гражданским браком. Скоро оформим брак официально.

— Телефон свой, кстати, дашь?

— Нет у меня телефона, — соврал Ильин. — Пока нет. Если что — звони родителям.

Глава 11

Клеопатра

Жарким летом 1980 года на горной дороге Батуми — Тбилиси остановился запыленный уазик. Водитель машины, тридцатипятилетний детина, развернул карту. Ему надо было где-то заночевать, и он выбрал деревушку, расположенную в стороне от трассы, в горах.

Уазик свернул с дороги и медленно поехал вверх по петляющей тропинке. Минут через пятнадцать он въехал в селение, состоящее всего из одной длинной улицы. Причем дома стояли только с одной стороны — они лепились к подножию горы, вершину которой скрывали облака.

Улица словно вымерла — водитель уазика не заметил на ней ни души. Между тем следовало где-то остановиться, поесть горячего — он целый день питался в дороге всухомятку, да и о ночлеге позаботиться, ведь уже стали сгущаться сумерки, а в горах темнеет быстро. Может, постучаться наугад в любой дом? Но мало ли на что нарвешься. Со всех сторон из-за заборов доносился разноголосый лай — так псы реагировали на появление в деревне чужака.

На счастье водителя, в конце улицы показалась девушка. Она спускалась по тропинке с горы, неся громадный, прямо-таки ведерный медный чайник. На ней было короткое ситцевое платье без рукавов, и мужчине она показалась весьма привлекательной.

Он остановил машину и, высунувшись в окно, крикнул:

— Здравствуй, красавица!

— Здравствуйте, — ответила она.

— Ты живешь здесь?

— А вы, наверное, заблудились?

— Нет, в гости приехал.

— К кому?

— К тебе.

— Я вас не приглашала!

— Очень жаль, что не приглашала.

Девушка поставила огромный чайник на землю и потерла онемевшую руку.

— Воду несешь? — кивнул он на чайник.

— Да.

— У вас в деревне воды, что ли, нет?

— Почему? У нас есть колонка, в школьном дворе. Но вода там нехорошая. Железом сильно отдает. А я воду беру из источника. Она чистая как слеза.

— И куда же ты воду тащишь, домой?

— В школу.

— А далеко школа?

— Вы ее проехали, она на том конце улицы.

Мужчина прикинул: улица растянулась на добрый километр.

— Садись, подвезу, — предложил он.

— Но вы же в другую сторону едете.

— А я развернуться могу. — Он открыл переднюю дверцу. — Садись, чайник на пол поставь.

Она покачала головой.

— Расплещется. — Девушка устроилась на сиденье, а чайник взгромоздила себе на колени. — А вы езжайте осторожно, пожалуйста, дяденька...

— Зови меня просто Гоша.

Он довез ее до школы, она вышла из машины и направилась в дом.

— А ты где живешь?

Она обернулась:

— Тут.

— В школе?

— Ну да.

— Почему?..

Через несколько минут Гоша знал, что девочку зовут Зулейка, что от роду ей пятнадцать лет, что она круглая сирота. Отец и мать погибли позапрошлой осенью во время селя — страшного грязевого потока, который случился после затяжных дождей. Пошли они в горы и не вернулись... Их изуродованные тела нашли четверо суток спустя в долине. А сама Зулейка работает в школе уборщицей и вообще, что называется, «прислугой за все». Здесь же, при школе, и живет.

— У меня своя комната! — с гордостью сообщила она.

— А откуда в школе ученики? — поинтересовался Гоша. — Разве у вас в деревне много детей?

— К нам ходят дети из пяти соседних селений, — сказала Зулейка.

— А классов сколько?

— Один.

— Как это — один?

— Один первый, один второй, один третий и один четвертый, — пояснила она.

— А пятый?

— Будет на будущий год.

— Так ты окончила четыре класса?

— Семь. Когда были родители. А теперь некогда мне учиться. Работать надо. Но все равно, я в каждом классе, когда есть время, немножко слушаю, что учитель объясняет. На будущий год и пятый класс слушать буду.

— А ресторан тут у вас есть? — спросил он и сразу понял, что сморозил глупость.

— Ресторан? — Брови у нее поползли вверх. — Это вам, дяденька, в Тбилиси надо.

— Да не ресторан, черт, а столовка какая-нибудь, харчевня, шашлычная, — пообедать надо. Вернее, поужинать.

— Ой, я сама умею шашлык готовить. Меня папа научил. Только у меня мяса для шашлыка нет...

— Купить нельзя?

— Конечно, можно! Дядя Зураб вчера зарезал барана, у его сына был день рождения...

Гоша дал ей денег, и уже через полчаса на школьном дворе, безлюдном ввиду каникул, пылал мангал. У хозяйственной Зулейки нашлись и помидоры, и репчатый лук, и все приправы, необходимые для шашлыка.

Дразнящий запах жареной баранины вызвал у молодого человека зверский аппетит. Он жалел только, что в узике не осталось ни одной бутылки спиртного.

— У тебя вина нет? — спросил он на всякий случай.

— Я вино не пью, — покачала она головой.

Ужинали в комнате, которую Зулейка гордо именовала своей. Комнатка была крохотная, но чистая. Деревянный пол недавно вымыт и еще хранил влажность. Грубо сколоченный стол, две деревянные лавки да узкая железная кровать — вот и все убранство, если не считать цветов в горшках, которые стояли и на подоконнике, и на столе, и даже на полу.

Вкуснее шашлыка Гоша в жизни не едал. Он наворачивал мясо за обе щеки, запивая ароматным чаем.

Не отставала от него и Зулейка.

— Этот кактус я привезла из Тбилиси, — показала она на подоконник, когда они поели.

— Ты была в Тбилиси?

— Один раз. Дядя Зураб ездил в гости к старшему сыну, он там учится в университете, и взял меня с собой. У него, между прочим, «Нива», — добавила она.

— Долго ты была в Тбилиси?

— Неделю.

— И что видела?

— Ничего. Все время провела в библиотеке, читала книги про Клеопатру.

— Чего? Про Клеопатру? — изумился Гоша.

— Я только про нее и люблю читать. И все мои книги, — Зулейка кивнула на полку, на которой теснилось несколько растрепанных книг, — только про нее.

— Ну, ты даешь! — присвистнул Гоша. — А кто она — богиня?

— Клеопатра — это знаменитая египетская царица, — ответила Зулейка, и глаза ее заблестели. — Она была красивее всех, и ее любили самые знаменитые люди.

Она долго и увлеченно рассказывала ему о любовных приключениях царицы, словно та была ее близкой подругой. И о том, как Клеопатра, попав в безвыходное положение, покончила с собой, возложив на свою прекрасную грудь ядовитую змею.

— Молодец баба! — сказал Гоша. — Не побоялась. Хороший бы из нее курьер вышел.

— Какой курьер?

— Ничего, это я так... А давно она жила, эта самая Клеопатра?

— Еще до нашей эры.

Гоша встал, прошелся по комнатке:

— Ну что, подруга, как вечер проведем? Танцульки тут у вас есть?

— Танцульки в Тбилиси.

— Поедем со мной в Тбилиси! Работы все равно у тебя сейчас никакой, каникулы.

— А обратно?

— Я тебе такси найму, оплачу.

Девушка покачала головой:

— Я с чужими мужчинами так далеко не езжу.

Гоша пожал плечами:

— Дело хозяйское.

Зулейка удивилась, почему этот сильный парень сразу надулся, как сыч.

— У нас здесь есть очень красивые места, дядя...

— Я же сказал: зови меня просто Гоша.

— Есть в горах площадка, с которой виден весь Кавказ.

— Ну уж весь, — усомнился он.

— Точно вам говорю! — оживилась Зулейка. — Я, когда за водой хожу, если есть время, всегда на ту площадку сворачиваю. Правда, это далековато, но зато когда залезешь... Такая красотища — дух захватывает.

Девчонка ему нравилась все больше. Он смотрел жадными глазами, как она легко перемещалась по комнате.

Они вышли на школьное крыльцо и сели на скрипучую ступеньку. Гоша пристроился слишком близко, Зулейка отодвинулась. Над ущельем висела полная луна, похожая на плохо пропеченный блин, и светло было так — хоть иголки собирай.

— Послушай, можно, я буду звать тебя Клеопатрой? — спросил Гоша.

— Меня все в селе так зовут, — улыбнулась она, блеснув зубками. — Я даже имя думаю поменять.

— Это как?

— А через год буду в милиции паспорт получать и запишусь Клеопатрой. Как выдумаете, разрешат?

— А почему нет? Должны разрешить, — произнес Гоша, правда, без особой уверенности. — Каждый человек имеет право выбрать себе имя, которое по душе.

— Вы сейчас уезжаете, Гоша? — спросила Зулейка.

— С чего ты взяла? Я здесь заночую.

— Где?

— Да хотя бы у тебя.

— У меня нельзя, сами понимаете, — покачала она головой. — Хотите, я с дядей Зурабом договорюсь? У него просторно, и он добрый...

— Да нет, ни к чему, — махнул рукой Гоша и потянулся. — Я в машине перекантуюсь. Привычный.

— А хотите — на смотровую площадку сходим! — предложила Зулейка. — Сейчас светло, полнолуние. Все видно даже лучше, чем днем.

Последний раз Гоша выкурил «сигаретку мечты» по дороге сюда, в селение, и только теперь почувствовал знакомое сосущее чувство под ложечкой. Он достал портсигар, щелкнул зажигалкой, затянулся.

— Какой странный запах у вашей сигареты, Гоша! — Зулейка поморщилась и замахала ладошкой, отгоняя дым.

— Закуришь?

— Не люблю.

— Много ты понимаешь! — усмехнулся Гоша. — Это не простая сигарета. Она дает человеку силу и уверенность в себе...

— Наркота, что ли? — догадалась Зулейка. — В нашу школу тоже проникла эта зараза. Так директор сказал: тем, кто будет курить, он головы поотрывает.

— А ты попробуй, — предложил Гоша.

— Не буду и вам не советую, — произнесла Зулейка. — Привыкнешь — погибнешь.

— Глупости все это. Предрассудки. И потом, если я захочу, всегда смогу бросить это. — Он докурил и втоптал окурки в землю. — Послушай, Клеопатра, ты, кажется, обещала сводить меня на смотровую площадку, с которой весь Кавказ виден.

— А вы умеете ходить по горам?

— Всю жизнь ходил, — усмехнулся Гоша, — я ведь азербайджанец. — На самом деле о горах он имел весьма отдаленное представление, поскольку вырос в Баку, на берегу моря.

...Они вышли из деревни, по еле заметной тропинке направились в горы. Гоша старался не отставать от своей спутницы. С непривычки он быстро взмок, хотя вечер был довольно прохладный.

— Далеко еще? — спросил он, тяжело дыша.

— Устали?

— Немножко, — признался он, остановившись, чтобы перевести дух.

— Тогда можно срезать путь. Полезем напрямки, тут недалеко, метров двести. Я всегда так делаю, когда без чайника.

— Погоди чуток, — взмолился Гоша. Дрожащими руками он достал заветную сигаретку и выкурил ее под осуждающим взглядом девочки.

Может, силенок у него и не прибавилось, но мышцы расслабились, по телу прошла блаженная волна. Все чувства обострились.

Гоша огляделся, словно видел все впервые. Черное небо, на котором зажглась первая звезда. Круглая, как сковородка, луна, изливающая на окрестности холодный свет. Сладкий и терпкий воздух. И восторженная девчонка с голыми коленками, исцарапанными, как у мальчишки.

Он схватил ее за руку. Зулейка попыталась вырваться, но парень держал крепко.

— Ну, вперед, на штурм высоты! — скомандовал он и первым шагнул к почти отвесной стене, поросшей мхом и лишайником.

Девушка испугалась этого порыва:

— Если упадете — и косточек не соберете. Идите лучше за мной. И не смотрите вниз.

Гоша послушно пошел за ней, ставя ноги в те углубления, которые выбирала она, цепляясь за выпирающие из земли корни. На полпути Гоша покачнулся и инстинктивно ухватился за плечи Зулейки. Девочка вскрикнула, однако сумела удержаться.

— Отдохнем, — сказала она.

Он послушно замер, не разжимая рук.

— Я говорила — не смотрите вниз, — прошептала она. — Голова закружится — тогда конец.

Волна желания захлестнула все его существо. В эти мгновения он, казалось, отдал бы все на свете, чтобы овладеть этим чистым и юным существом.

— Что вы так смотрите?

— Я не смотрю, — отвел он в сторону глаза.

— Осталось совсем немножко, — произнесла она, неверно истолковав его взгляд. — Последний бросок — и мы на месте.

...Площадка и впрямь оказалась великолепной. Ровная, покрытая мягкой шелковистой травой.

Зулейка опустилась на траву, Гоша примостился рядом. Рука его легла ей на грудь. Девочка попыталась сбросить ее.

— Перестань!

— Клеопатра, — пробормотал он, весь во власти желания, — будь моей женщиной!

— С ума сошел?!

Она наконец сумела вырваться и отбежала на край площадки.

— Сошел, — ответил он.

— Оно и видно.

— Клеопатра, не мучь меня. Я... Я все для тебя сделаю...

Он метнулся к ней, обнял и поцеловал. Губы девочки оказались нежными и пахли молоком.

— Пусти! — вырывалась она.

Гоша чуть ослабил объятие. Голова у него кружилась, как от вина.

— А знаешь, мне кажется, точно на такой площадке дрались Печорин и Грушницкий... — Зулейка попыталась переключить его внимание.

— Слышал краем уха, что они насмерть подрались... Это из сочинской группировки, что ли?

— Какой группировки? Обалдел? — возрилась на него Зулейка.

Гоша понял, что ляпнул что-то невпопад.

— Ну, не сочинской, значит, омской, — пробормотал он и снова обнял ее. — Нам-то с тобой какая разница?..

— Отойди, дурак! — с сердцем произнесла Зулейка, вырвавшись из его цепких и потных рук. — Надоел ты мне со своими нежностями. — Она отошла на шаг и добавила: — Как кобель дяди Зураба!

Гоша почувствовал себя оскорбленным: какая-то дрянь, ничтожество, девчонка смеет его оскорблять! Его, которого сам Черный Беркут считает одним из лучших наркокурьеров, которого ценит даже Баритон...

Он схватил ее за руку и дернул с такой силой, что она едва удержалась на ногах.

— Ты что, белены объелся? — Голос ее от обиды зазвенел.

— Не мели что попало! — зло сказал Гоша. — И не обзывай старших.

— Дурак!

Тут он отвесил ей звонкую пощечину. Зулейка неожиданно влепила ему ответную и укусила за руку до крови.

Мамедов разозлился не на шутку, опрокинул ее на землю и навалился всем телом.

— Ну, образумилась? Будешь кусаться еще?

— Чего тебе надо?

— Чтобы ты была послушной. Понятно? — Он, придерживая ее одной рукой, второй достал сигаретку и сунул ее в рот Зулейки:

— Кури!

Она с ненавистью посмотрела на него и выплюнула сигарету. Он снова ударил ее по лицу и снова воткнул сигарету. Зажег.

— Затягивайся, как следует, — велел он, — если хочешь остаться живой.

Зулейка поняла, что он не шутит. Этот зверь на все способен. Затянулась, закашляла. Он не отставал, пока она не докурила сигарету до конца.

— Так-то лучше.

— Ты мне губы до крови разбил.

— Я тебе не только губы разобью, если будешь фордыбачиться. Все ребра переломаяю. Раздевайся, быстренько.

— Нет.

Он с силой дернул за платье, и оно разорвалось сверху донизу. На Зулейке не было бюстгальтера, только узенькие трусики. Девушка изловчилась и снова укусила его за руку. Гоша отшатнулся, хотя боли в состоянии аффекта не почувствовал.

— Сбрось эту тряпку, — показал он на плавки.

— Не дожدهшься. — На нее тоже начал действовать наркотик: теперь она говорила

медленно, глаза ее подернулись поволокой. Ей стало ужасно жаль себя, жаль свою юную жизнь, так глупо опоганенную этим подонком. Клеопатра, ее героиня, наверное, покончила бы с собой, прыгнув с площадки в пропасть. Но она не Клеопатра. Лишиться жизни? И из-за кого? Из-за этого тупого кретина, который даже Лермонтова не читал.

Улучив момент, Гоша сковал ее руки своей громадной пятерней, второй рукой сорвал трусики. Желание распирало его. Зулейка сумела вывернуться.

— Вот что, египетская царица, — произнес он со злостью. — Я не стану заниматься французской борьбой. Если ты будешь сопротивляться, я брошу тебя в пропасть.

Голос его дрожал от гнева. Зулейка поняла, что он окончательно остервенел и совладать с ним ей не под силу. А так хотелось жить.

* * *

...Та ночь на смотровой площадке высоко в горах врезалась в память Зулейки на всю жизнь. Первая «ночь любви» была мучительной и бесконечной. Зулейка задыхалась от боли и бессилия.

От первой близости она не испытала ничего, кроме омерзения. Неужели это то, что воспето в бесчисленных любовных романах? Кровь, кровь, ярость и тоска, какая-то звериная, неумная.

После короткого отдыха Гоша опять принялся за свое.

— Лучше сразу сбрось меня со скалы, — стонала Зулейка.

— Дурочка, теперь будет лучше, — успокаивал Гоша.

Раннее утро застало их, вконец обессиленных, лежащих рядом у самого края пропасти.

— Доброе утро, красавица, — сказал Гоша.

Зулейка с трудом открыла глаза. Она всю ночь проплакала, забылась только на рассвете тревожным, кошмарным сном. Глянула на Гошу и, молча, стыдливо прикрылась руками. Голова была тяжелой и гудела, как колокол.

— Что, головка бо-бо? — понимающе усмехнулся он. — Это после дозы, с непривычки. Сейчас подлечим.

Он достал сигарету, сделал три-четыре затяжки и протянул ее Зулейке. Та с жадностью затянулась и выкурила сигарету до конца, пока окурки не обжег ей пальцы.

— Полегчало? — спросил Гоша.

Она кивнула.

— То-то. Теперь не запускай, — произнес наркокурьер то ли в шутку, то ли всерьез.

— А где их достать, эти сигареты? — несмело поинтересовалась она.

— Твои проблемы, Клеопатра, — грубовато отрезал он. — В школе у ребят и поинтересуйся.

Он привел себя в порядок: причесал волосы, застегнул рубашку, отряхнул с брюк травинки и пыль.

— Ну, двинулись?

— Как же я пойду? Ты мне все платье разорвал.

— Ане надо было выкобениваться.

С помощью зулейкиных заколок для волос платье кое-как подремонтировали, и они отправились в обратный путь.

Селение уже проявляло признаки жизни.

Кое-где из глубины дворов поднимался дымок — это хозяйки разожгли тандыры, чтобы испечь на завтрак лепешки.

— Привет, дочка, — послышалось из-за распахнутой калитки.

— Привет, дядя Зураб, — слегка замедлила шаг Зулейка, придерживая рукой платье, чтобы оно не сползло.

— У тебя гость?

— Да, он в Тбилиси едет, сюда заскочил. Я его на смотровую площадку водила.

— Понравилось?

— Очень, — подал голос Гоша. — Никогда в жизни такого удовольствия не получал.

— Ну и славно, джигит, — улыбнулся дядя Зураб. — Остановиться можешь у меня.

— Он сейчас уезжает, дядя Зураб.

— Ну, тогда — счастливый путь.

Во время этого короткого разговора Зулейку обуревали противоречивые чувства. Можно, конечно, все рассказать дяде Зурабу. Найдутся в селении еще несколько крепких мужчин, которые как следует намнут бока этой мрази. А может быть, даже убьют и в пропасть скинут. Ну а дальше что? Ее честное имя будет запятнано... Нет, пусть уезжает. А у нее еще будет возможность отплатить ему сполна. Неизвестно почему, но Зулейка в этом была уверена.

То, что девушка ничего не рассказала соседу, Гоша понял по-своему — не питает к нему враждебных чувств. И разоткровенничался.

— Ты девушка умная, сообразительная, — разглагольствовал он, прихлебывая из кружки свежесваренный чай. — Я дам тебе хороший совет — благодарить будешь. Попадешь в Тбилиси, — позвони вот по этому телефону. — Он протянул ей клочок бумаги с телефонным номером. — Скажешь Черному Беркуту, что от Гоши Мамедова. Нам курьерь нужны, особенно в Грузии. Из Турции поступает первосортный товар, а распространять его некому... Ну, это тебе не интересно. В общем, денег заработаешь. Да и для себя травка все время будет под рукой.

— А мне поверят?

— Говорю же, сошлись на меня. Вот в школе у вас есть потребители — им и будешь продавать. Доход — триста процентов. Ничего?

Она промолчала.

— Ты тово... Не держи на меня зла, — проговорил Мамедов.

— У меня одна к тебе просьба.

— Да? — насторожился он.

— Оставь мне сигаретки.

Он выложил ей весь свой запас и уехал.

Зулейка долго стояла у школьных ворот и смотрела вслед узику, повторяя как пароль имя человека из Тбилиси — Черный Беркут.

Много с тех пор воды утекло. Получив паспорт, Клеопатра уехала в Тбилиси и стала наркокурьером. Она оказалась способной ученицей. Попала под начало к Баритону, опираясь при этом на Черного Беркута. Сумела привлечь на свою сторону Саркисяна, держателя общака. У нее было много любовников, но душа оставалась пустой.

Потом она встретилась с Алексеем Ильиным. Ночь, проведенная с ним в поезде Москва — Сочи, пошатнула ее жизненные устои. Нежное чувство к этому простоватому, белокрысому старшему лейтенанту прокралось в ее, казалось, огрубевшее сердце совсем незаметно. Клеопатра почувствовала, что близость с ним делает ее лучше, чище. Ненависть, злоба, черствость, жестокость — все это постепенно уходило на второй план. Усилием воли

она подавила в себе тягу к наркотикам.

Но потом произошел провал. Крупный. Из-за самого Баритона, его привязанности к малолеткам. Взяли и Алексея Ильина.

Переждав лихие времена в Испании, она начала создавать новую организацию. Более могущественную и более законспирированную. Вытащила из дерьма старых приятелей. Пригрела Гримо, по сути, спасла ему жизнь. Но он не разбудил в ее сердце никаких эмоций. Несмотря на огромную власть, она чувствовала себя бесприютной, одинокой. Так продолжалось два года. Пока не пришло озарение. Только Алексея Ильина полюбила она по-настоящему. Но ей не хотелось делать его наркобароном. И она решила, что он должен возглавить легальную часть фирмы, благо место директора стало вакантным.

Что же касается наркокурьера Гоши Мамедова, то, став полновластной хозяйкой «Эдельвейса», Клеопатра отдала приказ разыскать его и привезти к ней.

Они не виделись около пятнадцати лет, и Гоша, разумеется, не узнал Зулейку. Перед ним в кресле сидела красивая, как богиня, женщина в роскошном платье с большим декольте. На груди у нее был необычный медальон — с изображением трехглавой кобры.

Гоша только понял, что перед ним властная особа. Приложив руку к груди, он весело произнес:

— Приветствую тебя, прекрасная царица, желаю тебе тысячу лет счастливой жизни и оставаться такой же молодой и красивой.

Но царица комплимент не приняла, глаза ее негодуя блеснули. Она встала с кресла, подошла к нему и со всей силы дала две пощечины.

Гоша опешил. Хотел было возмутиться, но справа и слева к нему вплотную подступили Гримо и Гий.

— Это в знак приветствия, — пояснила Клеопатра. — Еще за мной должок. Помнишь? И он вспомнил. И побледнел.

— Ну и что, все так же продолжаешь насиловать малолеток? — строго спросила Клеопатра. — Отвечай!

Гоша промычал, как баран перед закланием:

— Не-е, — похожее больше на «ме-е».

— Врешь. Я все о тебе знаю. — И Клеопатра ударила его ногой в пах. — Больше ты не будешь поганить детей своей грязной кочерыжкой. — И обратилась к охранникам: — Кастрируйте его. Яйца собакам бросьте. — И снова к нему: — Попробуешь пожаловаться кому, под землей найдем.

Легкий взмах руки, и охранники, подхватив Гошу с обеих сторон, поволокли его к выходу.

Готовясь к новой встрече с Ильиным, Чернов размышлял, как вызвать на откровенность бывшего сослуживца и соперника. В прошлый раз Алексей показался ему неискренним. Но, увы, и эта встреча не оправдала его надежд.

Чтобы смягчить сердце Ильина, Игорь, как бы невзначай, спросил о Наташе:

— Не встречаетесь?

Тот отрицательно помотал головой.

— Жаль только Светку, — вздохнул Ильин, — будет расти безотцовщиной.

— Когда родители расходятся, в первую очередь страдают дети, — вздохнул Чернов.

Честно говоря, его удивило и даже слегка покорило спокойное отношение Алексея к измене Наташи. Он понял, что Ильин к ней остыл. Отболело.

Они пили кофе. Разговор не клеился. И тут у Ильина зазвонил мобильник. Алексей нажал на кнопку, услышал ответ, голос его потеплел:

— Да, любимая. Хорошо, через два часа. Нет, в «Праге», в нашем зале. Через два часа. Целую. — Ильин повеселел. — Старик, обещаю держать тебя в курсе, — сказал он Чернову. — Ничего не утаю. — И, помолчав, вдруг спросил: — Игорь, что это за препарат — фенциклидин?

Чернов опешил.

— Это синтетический наркотик, сильнее героина, — ответил он.

От этих слов у Алексея буквально отвисла челюсть. Он хотел что-то сказать, но передумал и поспешно начал прощаться.

Вернувшись в управление, Чернов вызвал Лену Голубеву и Николая Смирнова:

— Через два часа будьте у ресторана «Прага», выясните, с кем там будет ужинать Алексей Ильин. Только незаметно, не засветитесь!

В ресторан Ильин ехал с тяжелым сердцем. Клеопатра не ночевала дома. Это его весьма сильно взволновало. Нет, он не ревновал, хотя и это чувство нет-нет да и теребило душу. Алексея мучили сомнения другого рода: кто на самом деле его любимая, чем занимается, почему не раскроется перед ним, если уж они решили жить гражданским браком? Предчувствие подсказывало Алексею, что его вновь втягивают в сети наркомафии. И кто? Его Клеопатра — самая достойная из женщин, которых он встречал. «Надо сегодня же все выяснить», — решил он. Но чем ближе подъезжал к ресторану, тем учащеннее билось сердце. Вот сейчас он ее увидит, поцелует, и все тревоги рассеются.

Он сразу ее увидел. Она приветливо помахала ему рукой, улыбнулась. Так улыбаться могла только она, Клеопатра.

— Здравствуй, родная. — Он поцеловал ее щеку, Клеопатра благоухала «Елисейскими Полями».

— Ты прости меня, любимый, что не ночевала дома. Проблем было много. Я тебе все расскажу, но не сейчас. Ладно?

— Я тебя так долго ждал, — только и смог проговорить Алексей. «Ладно, все вопросы мы обсудим потом», — решил он.

Они пили французское вино, смеялись, не замечая вокруг никого.

Когда подали кофе, Клеопатра вдруг спросила, пристально глядя ему в глаза:

— Скажи, любимый, ты заходил в потайную комнату?

Алексей выдержал этот долгий и тяжелый взгляд. Нет, не уйти ему от этого разговора. «Что ж, может, и к лучшему», — решил он.

— Да, заходил, — ответил он.

— И что?

— Я понял, что ты опять создала какую-то организацию и собираешься производить фенциклидин.

— Тише! — Она прикрыла ему рот теплой нежной ладонью. — Дурачок, разве об этом говорят вслух?

— Зачем тебе это, родная? Ведь нам так хорошо вместе, без наркотиков, без постоянных тревог и переживаний...

— Все. — Голос ее стал властным и жестким. — Поехали домой! — Она резко встала и направилась к выходу.

Всю дорогу они молчали. Так же молча приняли порознь душ и легли спать. Алексей — в гостиной на диване. Она — в спальне.

Оба не могли заснуть. Далеко за полночь Ильин не выдержал и, взяв подушку, поплелся в спальню. Присел на край постели, потом залез под одеяло. Как только он дотронулся до плеча Клеопатры, она крепко обняла его и стала осыпать поцелуями.

— Прости меня, идиота, — прошептал он.

— Бог простит, а я тем более. — Поцелуй ее был долгим и сладостным...

Потом они долго молчали.

— Ну и как мы будем жить? — наконец спросил Алексей.

— Как и раньше жили. — Она приподнялась на локте, положила голову ему на грудь. — Я люблю тебя и не хочу втягивать в свои дела. Да, может, это и противозаконно, но оглядись вокруг, Алексей, кто сейчас живет по закону. Везде коррупция, обман, проституция... Где эта великая нация? От русских осталась безропотная горстка людей. Разве не так?

— Нет, не так. Россия есть и будет. Народ переживет лихолетье, стряхнет с себя всю грязь.

— Очнись, Алеша. Ты много видишь на улице беременных женщин? — Она посмотрела ему в глаза и сама ответила: — Нет. А знаешь, что за последние десять лет численность русских сократилась на десять миллионов человек?

— Вот-вот, — перебил он ее. — Если мы будем пичкать людей наркотиками, то все скоро вымрем.

— С тобой трудно говорить. — Она вновь положила свою голову ему на грудь. — Повторяю: я не хочу тебя втягивать в грязные дела. Это, видно, моя доля. Но поверь, я делаю меньше из зол, по сравнению с другими... И знаешь, давай перенесем этот разговор на утро. Я очень устала.

* * *

Подполковник милиции Ковалев долго изучал схему преступного сообщества «Эдельвейс».

— Всплыл-таки любвеобильный Амантай. Ну что же, надо его брать.

— К Милочке уже выехал Панкратов с группой захвата, — сказал Чернов.

— Хорошо. Давай теперь проработаем твою операцию «Подстава». Внедрим туда Андрея Голобородько. Он изучал дело Гоши Торчка, наладившего выпуск фенциклидина. Виталий весьма похож на Фому — подельника Гоши — и по возрасту подходит. Для них уже есть легенда, они изучили формулы и технологические процессы изготовления этого наркотика. В общем, Голобородько готовится. Кстати, а как Ильин? Готов он к сотрудничеству? — спросил Ковалев.

— Колеблется Алексей, — вздохнул Чернов. — Любит он Клеопатру и не хочет подставлять ее, считает, что она не имеет никакого отношения к «Эдельвейсу».

— Что-то я не вижу Клеопатры в этой схеме.

— Клеопатра — птица высокого полета, — ответил Чернов. — В ближайшее время все прояснится. Я вам сразу доложу.

— Идет. Готовьте Голобородько. О задержании Амантая сообщите немедленно.

— Николай Николаевич, с Ильиным я работаю лично, у нас с ним доверительные отношения. Ему я верю и буду отстаивать его непричастность к преступному сообществу.

— Разумеется, — кивнул Ковалев.

* * *

Звонок генерала застал полковника Ковалева врасплох: только пять часов тому назад ему доложил свои соображения по захвату «Эдельвейса», и на тебе...

Ковалев допоздна засиделся в кабинете, уточняя детали по «Эдельвейсу» и набрасывая общий план мероприятий на завтра. Спыхватился, посмотрел на часы, — уже на сегодня... Взять под особый контроль привокзальный рынок — оттуда поступило несколько тревожных сигналов. Приблудная мафия, что ли, пытается подмять местных торговцев под себя? Проверить гостиничную высотку, особенно — правила заселения. Регистрация приезжих в районе вызывает серьезное опасение. Слишком много иногородних появилось в последнее время.

Безусловно, большинство из них — честные люди: кто приезжает к родственникам, кто на заработки. А вот девицы горизонтального промысла — этих пруд пруди среди приезжих, хотя и здешних достаточно.

Наркомания — особая статья. Один «Эдельвейс» опутал всю Россию. Башковитый мужик, небось, его возглавляет. Уже сколько информации собрали о нем, сколько наркодилеров выловили, а взять все не могли. И вот сейчас дело сдвинулось. Удалось связать информацию, полученную из разных регионов — из Крыма, Смоленска, Омска и других. Наиболее ценные сведения были получены от Амантая. Его допрос пролил свет на очень важные вещи. Главное, удалось связать «Эдем» с «Эдельвейсом». Теперь вот внедрили Фому в это преступное сообщество... А внедрили или нет? Может, его раскусили? Нет, прав Чернов, надо немедленно разрубить этот клубок.

Наркотики — это тема была самая болезненная для Николая Николаевича Ковалева. Несколько дней назад он узнал, что его сын Васька, ученик седьмого класса, — наркоман. Причем со стажем. Употребляет таблетки «Экстази». Ковалев сумел «расколоть» сына, когда жена отсутствовала — уехала на два дня к заболевшей сестре.

Васька рассказал, что в школу приходил какой-то дядька, с некоторыми из ребят вел долгие разговоры, шушукался по углам. В их числе был и Васька. Дядька говорил, что это —

чудесное средство, вроде лекарства: оно делает человека сильным и храбрым, уверенным в себе.

— Вижу, ты славный парень, — сказал он Ваське. — Кем хочешь стать?

— Космонавтом.

— Ну вот, для космонавта храбрость — первое дело. Да и сила не помешает. Бери, бери «колесо», не бойся.

— Какое «колесо»? — не понял сын.

— Таблетку, чудак! — улыбнулся незнакомец. Он сразу понравился, и не только Васе, но и остальным ребятам: белозубая улыбка, сам легкий, спортивный. Солнце на турнике крутит, как гимнаст первого разряда. Приходил в школу несколько раз, и с преподавателем физкультуры хорошо знаком: тот, собственно, его и пригласил.

Однажды, когда дядька предложил пацану таблетку, Васька осторожно спросил:

— А сколько она стоит?

— Ничего не стоит! — рассмеялся незнакомец. — Говорю же — дарю ее тебе!

Василий оглянулся, но учитель физкультуры — это происходило в спортивном зале — не смотрел в их сторону и вообще не обращал на гостя никакого внимания. И Васька решился... Уж очень хотелось попробовать эту таблетку, о которой столько говорили пацаны во дворе. Да и название у нее клевое — «Экстази»! Ясно же, что дерьмовую штуку так не назовут! Приняв первую таблетку, он был разочарован. Думал, сразу же почувствует себя героем, но ничего не произошло. Только в животе образовалась странная пустота, а мысли стали вялыми, хаотичными.

— Ковалев, ты спишь сидя, что ли? — услышал он голос химички. — К доске!

— Я не слышал.

— В третий раз вызываю.

Все ребята уставились на него.

И тут к горлу подступила тошнота. Васька выскочил из класса. Еле до туалета добежал. Его долго рвало.

Когда прозвенел звонок и химичка вышла из класса, объяснил ей, что, видимо, отравился грибами. Ковалев-младший был настолько убедителен, что учительница пожалела его и пообещала зачеркнуть двойку.

Васька в душе ликовал: никогда еще он не чувствовал себя так раскованно и уверенно. Но такое состояние продолжалось недолго. Уже через день он почувствовал неопределенную тоску и странное ощущение под ложечкой: организм требовал дозы. И он получил ее — незнакомец теперь бывал в школе регулярно.

Ну а дальше — пошло-поехало. И очень скоро чудодейственные «колеса» стали для него платными. Теперь приходилось изворачиваться, чтобы любым способом раздобыть деньги.

Ковалев-старший выяснил, что дворовому скупщику были проданы двенадцать серебряных ложек, которые жене достались в наследство от родственницы. Теперь предстояло рассказать о семейном несчастье супруге...

Невеселые мысли Ковалева прервал телефонный звонок.

— Привет, Николаич! — услышал он.

— Здравия желаю, товарищ генерал.

— Не забыл дорогу домой?

— Работы много, товарищ генерал.

— Это верно, работы у нас хватает.

— И вы-то, небось, не из дому?

— Верно, со службы. Мы тут с министром посоветались... — Генерал не любил тянуть. — В общем, утвердили твой план. С некоторыми изменениями, но в основном все принято. Штурмуй «Эдельвейс»!

У Ковалева был свой счет к синдикату — то, что случилось с сыном — дело рук наркодельцов. В школу, правда, в тот же день, когда подполковник узнал о «чудодейственных» таблетках, наведалась милиция, но добренького дяденьку как ветром сдуло — он больше не появлялся. Преподаватель физкультуры от всего отрекся: никакого дяденьку, приходившего в школу, он не знает, все это фантазии подростка — переходный возраст, знаете ли. И вообще, в школу посторонние проникнуть не могут — вы же видели охранника на входе?..

...Итак, начальник ГУВД утвердил план захвата подземелья. Группу захвата поручили возглавить полковнику Ковалеву. В операции должен был участвовать отряд ОМОНа, которым командовал майор Павел Павлович Демидов, друзья называли его просто «Палыч». В операции были задействованы также капитаны милиции Чернов, Панкратов и старший лейтенант милиции Смирнов.

План был разработан на основе показаний Амантая. Тот сообщил о двух выходах из подземелья. По ним и решили проникнуть внутрь. Но существовал еще третий ход, секретный, который вел на станцию метро «Сокольники». Об этом ходе Амантай не знал...

Одно направление штурма — со стороны летнего кафе, расположенного в парке «Сокольники». Отсюда было метров сто до здания фирмы «Эдем». Здесь должны были действовать группа Чернова и отряд ОМОНа во главе с майором Демидовым. Другую группу оперативников возглавил сам Ковалев. Связь между группами осуществлялась по радио. Позывные: «Сокол-1» — это Ковалев, «Сокол-2» — Чернов, «Сокол-3» — ОМОН.

* * *

Кухня кафе была пропитана прогорклым запахом подгоревшего масла. Чернов и Панкратов вежливо попросили толстую перепуганную повариху временно покинуть помещение, после чего вскрыли железный люк, закрытый линолеумом. Они оказались в тамбуре перед железной дверью. За ней был туннель, ведущий в «Эдельвейс».

Предварительно разбив видеокамеру, которая висела над входом, Чернов повел омовцев по узкому проходу. Через пятьдесят метров им встретилось первое препятствие: решетка. Они справились с ней с помощью клещей-резаков. Через сто метров появилось другое: дверь, на этот раз бетонная. Здесь помогла пластиковая карточка, изъятая у Амантая. Дверь открылась сразу, и тут же раздалась очередь из автомата. К счастью, никого не задело — омовцы укрылись за бетонными притолоками. Кто-то выстрелил в ответ, и охранник упал.

Следующий отрезок пути казался бесконечным, хотя занял несколько секунд. Омовцы оказались на перекрестке. Здесь был уже не один охранник, а несколько. Завязался настоящий бой.

Чернов почувствовал, как обожгло левую щеку. Он провел по ней ладонью — рука была в крови. К счастью, пуля прошла по касательной. В этот момент его толкнул в плечо кто-то из омовцев. Чернов отшатнулся, и тут же над ухом просвистела пуля.

— Спасибо, брат, — прохрипел капитан.

Зураб, Гримо и Гий застыли у экрана, наблюдая бой, происходивший в тоннеле.

— Менты пронюхали про наше логово, — сказал Гий и сплюнул. — Видно, Амантай раскололся или за Фомой была слежка.

— А может, это Ильин навел милицию? — проговорил Гримо.

— Похоже, — согласился Зураб. Немного помолчав, добавил: — Приказ всем! Всем! Уходим по секретному каналу.

— А как с кнопкой? — спросил Гримо, указав на красную точку на панели управления.

Зураб уставился на кнопку и замолчал. Гримо и Гий ждали. Нажатие кнопки приводило в действие взрывное устройство на вилле, где сейчас находился один человек...

— Нет, я не могу, — прошептал Зураб и обратился к Гримо: — Вот переносной пульт, будет совсем плохо — нажмешь!

— Понял, — он положил пульт в правый карман. — Вчера Саркис вывез картины. Как в воду глядел.

— Это я ему приказал, — сказал Зураб.

Гримо выключил рубильник электропитания. Стало совсем темно, горели лишь редкие лампы вдоль стен.

Зураб, Гримо и Гий поспешили к потайному ходу, располагавшемуся в рыцарском зале. Дверь закрывала огромная шкура белого медведя. Здесь Гий поставил растяжку с гранатой РПГ.

Через несколько минут послышался глухой взрыв: это омовцы подорвали последнее препятствие — массивную железную дверь. Одновременно сработала растяжка. Два взрыва разделили всего несколько секунд.

Суммарный взрыв оказался настолько мощным, что потайная дверь в секретный ход немного перекосилась. Гримо и Гий навалились на нее, но тяжелая плита не поддавалась. В этот момент в рыцарский зал ворвались Чернов, Панкратов и омовцы. У них на пути вырос Гий.

Омовцы навалились на Гия.

— Десант не сдается, — рычал Гий, кусая и царапая милиционеров.

— Бандит, а не десантник, — Панкратов обхватил его голову и начал ее сжимать.

— Десант не сдается, — прохрипел Гий и разгрыз зубами стеклянную ампулу.

Тело его дернулось и обмякло. Из рта выступила пена.

В этот момент Гримо удалось приоткрыть потайную дверь и он с силой толкнул в проход Зураба, тут же захлопнул дверь и навалился на нее спиной.

Автоматная очередь, выпущенная омовцем, вспорола гранитную плиту, насквозь пробив железного рыцаря. Гримо отскочил в сторону и, спрятавшись под дубовый стол, дал прицельную очередь из УЗИ.

— Сдавайся! Ты окружен! — крикнул Чернов, не зная, что Гримо глухой и понимает речь только по губам.

Игорь броском достиг противоположной стены зала.

— Прикрой меня, — услышал он голос Панкратова.

Игорь не успел предупредить товарища, а тот уже метнулся к дубовому столу и навалился на бандита. Но Гримо ловким приемом остановил нападавшего и резким ударом в челюсть опрокинул навзничь.

Выстрелить Гримо не успел. Чернов оглушил его пистолетом. Теряя сознание, бандит

что-то забормотал. Игорь прислушался. Гримо отдавал кому-то, а может, сам себе команду: «Нажми кнопку, нажми кнопку...»

Чернов включил рацию и сообщил «Соколу-1»:

— Крысоловка захлопнулась. Подземелье взято под контроль.

* * *

На станции метро «Сокольники» никто не обратил внимания на блеклую женщину в черных брюках и рубашке навыпуск. Правда, овальная сумочка из полированной кожи совсем не соответствовала ее весьма посредственному наряду.

Выйдя из метро, Клеопатра неспешно направилась к стоянке машин. У белых «жигулей» пятой модели остановилась, отключила автосигнализацию, села за руль и посмотрела в зеркало.

— Ну и красotka, — вырвалось у нее.

Достав из бардачка карту дорог, нашла на ней трассу Москва — Киев. «Часов за десять — двенадцать доберусь», — подумала она.

Вот и все. Организация, которую она создавала почти три года, понесла невосполнимые потери. Громаду и Ероху убрали по ее приказу. Бармена застрелил Амантай. Гримо и Гий не сдадутся живыми. В этом она не сомневалась. Турсункул наверняка сбежит. Остались лишь преданные ей Саркис и Черный Беркут. Эти залягут на дно и будут ждать ее команды. Значит, не все еще потеряно.

А что же Ильин?.. Самый близкий ей человек? Она слышала взрыв. Значит, Гримс выполнил ее приказ. Жаль Алексея. Очень. Не заслужил он такой смерти...

Слезы навернулись у нее на глаза.

Не отдавая себе отчета, Клеопатра достала мобильный телефон и набрала номер Ильина.

— Слушаю вас. — Она узнала его голос, и телефон выпал из ее рук.

Молодая женщина, сидевшая за рулем белого «пежо», еле дождалась, когда в потоке машин появится просвет, и ловко вклинилась в колонну. Потом посмотрела в зеркало заднего вида. Ни одна из двух машин, следовавших за ней, не смогла вклиниться в колонну.

— Вписались! — сказал удовлетворенно ее пассажир, сидевший рядом с ней.

Дорога шла вдоль берега, затем резко свернула в горы.

— Дыши глубже, главбух, — посоветовала женщина и чуть сбросила скорость.

— Фу-у, — с шумом выдохнул мужчина и вытер платком потное лицо. — Полегчало.

— Поднимемся выше в горы — еще лучше будет, Саркис, — сказала женщина. — Там воздух такой обалденный — просто пьянею от него. Каждый день в горах бегаю, а привыкнуть не могу.

Саркис искоса посмотрел на нее:

— А ты в хорошей форме, мать.

— Стараюсь.

— Это все благодаря бегу?

— Нет, карате, восточные единоборства.

— Оно и видно. — Саркис провел рукой по ее бедру. Женщина, не отрываясь от руля, довольно чувствительно двинула его локтем в бок.

— Бес в ребро, — меланхолически констатировал Саркис.

— Сбрось сначала с десятков килограммов, — дружески посоветовала Клеопатра.

Здесь было пустынно, изредка попадалась встречная машина, и тогда приходилось быть осторожной вдвойне.

Это место она выбрала давно. Для последней контрольной проверки. Поднявшись на высоту, можно было наблюдать, какие машины едут за ней. Сейчас хвоста, слава богу, не было.

Саркис вздохнул:

— Пробовал я сбросить эти чертовы килограммы...

— И что?

— Никакого толку. И бегал, и прыгал, и в сауне сидел до седьмого пота.

— Похудеть — это тебе не общаком распорядиться. Ну, ничего, мы тебе другую парилку припасли...

— Не скучаешь тут одна? — спросил Саркис.

— Во-первых, я не одна. Во-вторых, скучать некогда, — сказала Клеопатра.

Сказала неправду. Конечно, она скучает по России. Ее тянет домой. Разве можно сравнить полнокровную жизнь в Москве с тихой, сытой и размеренной жизнью в Испании. Здесь она задыхается от бездействия и тоски. Особенно в последнее время. Полгода назад покинув Россию, она радовалась, что благополучно пересекла границу, избежала ареста. Она боялась милиции и Интерпола, хотя была уверена, что нигде не засветилась. Потом в спокойной обстановке анализировала, почему произошел провал. Кто стоит за разгромом ее,

казалось бы, могущественного и непотопляемого наркосиндиката. Анализировала и делала выводы...

Вскоре и это надоело. Ну, обожглась, ну, потерпела фиаско, но ведь жива, полна сил. Значит, пора взять реванш за поражение, подумать о завтрашнем дне, о том, как возродить организацию. Она уже строила новые планы, искала друзей и соратников, временно легших на дно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Есть задумки? — спросил Саркис.

— О делах потом, когда доберемся до места, — ответила она. — Ну, как там Греция?

— Не Греция, а Кипр.

— Это одно и то же.

— Клевая страна.

— Всю жизнь мечтала там побывать. — И Клеопатра мечтательно продекламировала:

— Страна героев и богов...

— Чего-чего?

— Это Пушкин так Грецию назвал, — пояснила она.

— А, ну да, — кивнул Саркис.

После разгрома «Эдельвейса» не только Клеопатра, но и Саркис, Черный Беркут, другие главари наркосиндиката сумели улизнуть из России. Затаившись, они ждали сигнала Клеопатры. И он поступил.

— Черный Беркут у тебя? — спросил Саркис.

— Завтра прилетает.

— Откуда?

— Из Тбилиси.

Горная гряда кончилась, дорога стала снижаться.

Движение на дороге становилось оживленнее.

— Ты первый раз в Испании? — спросила Клеопатра, снова вливаясь в поток машин.

— Сама знаешь.

— Тогда я тебе кое-что покажу, потому что когда прилетит Черный Беркут, будете сидеть на вилле, как суслики.

Порт произвел на Саркиса, человека сухопутного, неизгладимое впечатление. Причал, который назывался миллионерским, уходил, казалось, в бесконечность. Здесь швартовались яхты богатых людей со всего света. Ни одна из них не походила на другую. Одни белоснежные, другие черные, как ночь, третьи переливались всеми цветами радуги. Казалось, легкое дуновение ветерка — и все они тотчас взлетят, словно стайка птиц.

Город, против ожидания, не вызвал у бывшего главбуха интереса. Ну, дома. Ну, музеи. Ну, парки. А вот грандиозный памятник на набережной привлек его внимание. Здоровенный несуразный мужчина с кривой ухмылкой на лице двумя поднятыми руками приветствовал кого-то.

— Это кто, король какой-то? — спросил он.

— Темнота! Это европеец приветствует красоту и могущество моря, — произнесла Клеопатра фразу, не далее как третьего дня услышанную на этом же месте от гида.

— Евреец?

— Европеец, серость! — захохотала Клеопатра, смех подхватил Саркис.

— А кто скульптор?

— Зураб Церетели.

— Наш, что ли?

— Другого не бывает.

— Похоже, этот мужик под кайфом. Дозу хватанул. Вишь, как тупо лыбится.

— Эту скульптуру Церетели Испании подарил.

— Бесплатно, что ли?

— Ну да. Но перевозка и установка стоили миллионы.

— Баксов?!

— Ну не рублей же. Испанцы шутят — лучше бы ее разбили по дороге.

Затем Клеопатра показала Саркису роскошный дворец, принадлежащий королю Саудовской Аравии, виллы некоторых губернаторов, мэров и миллионеров из России, в частности, виллу Гусинского, расположенную на отшибе.

— Ну, видел, как живут богатые люди?

— Неплохо живут.

— Вот и мы так должны жить, — улыбнулась Клеопатра, подъезжая к собственной вилле.

Убежище красавицы было огорожено трехметровым забором.

У калитки висела табличка «Частная собственность ЗУЛЕЙКИ ИЛЬИНОЙ».

Внешне дом выглядел скромным, однако внутри царила роскошь. Дом на три этажа уходил вниз. Еще не совсем стемнело, и Саркис успел разглядеть шикарный парк, разбитый на английский манер, бассейн и искусственные водопады.

На следующий день прилетел Черный Беркут. Он разминулся с Клеопатрой — прилетел из Тбилиси в Барселону по турпутевке и оттуда добирался на такси.

Они сели втроем за роскошно накрытый стол, и Клеопатра за коллекционным вином, которое обожал король Фердинанд, начала излагать свой план. Говорила она медленно и убедительно, чтобы коллеги оценили широкомасштабность ее намерений.

— Первое, — она загнула палец на левой руке, — открыть в Москве русско-испанокипрский банк — такой смеси еще не было. Второе, под прикрытием банка в Подмосковье и в Парголово, — это местечко в Ленинградской области и там уже есть зацепка, — развернуть подпольные лаборатории по производству биостимуляторов типа «Виагры». Это — дело для Турсункула. Он уже работает. Надо найти Громаду, который застрял в Сибири, Ямщика, промышляющего в Санкт-Петербурге. Люди на местах остались и жаждут сигнала. Кстати, Гримо не погиб — он сейчас в тюрьме. И наша задача — вызволить его. Это я поручаю тебе, Саркис. Не жалея денег. Выходи на ГУИН, там работает полковник Кардан. Хорошо бы найти Ильина. Он, по моим данным, бомжует. — Клеопатра вздохнула.

— Фому-то как нам подсунули, а?! — сделал недовольную мину Черный Беркут.

— И все-таки они нас не уничтожили. Мы возродим «Эдельвейс»! — воскликнула она, сверкнув глазами. — И сделаем это быстро. Обещаю! А с Фомой менты просчитались. Он сейчас работает на нас.

— Ты уверена? — обеспокоенно спросил Черный Беркут.

— Мои люди его проверяли. — Клеопатра допила вино из бокала, и бесшумно выросший за ее спиной дворецкий снова его наполнил. — К тому же он оказался наркоманом...

— Старший лейтенант милиции? — удивился Саркисян.

— Да, старший лейтенант Голобородько стал перебежчиком. Но мы его контролируем.

И еще у меня для вас новость. В Подмоскowie вскоре начнется избирательная кампания в областную думу, и я решила выставить свою кандидатуру. Звание депутата дает много привилегий, возможностей. Это — деньги, связи, безопасность...

— Неприкосновенность, — подсказал Черный Беркут.

— Крыша, — вставил Саркисян.

— Правильно, — улыбнулась Клеопатра. — Я подготовила некоторые документы для регистрации меня кандидатом в областном избиркоме. Не забудь, Саркис, забрать эти бумаги и передать Турсункулову.

— План мне нравится, — сказал Саркис. — Давно пора иметь свой банк, и это я беру на себя. Поддерживаю и профинансирую поход во власть. Как это мы раньше недодумались?! Теперь о производстве. Делать собственный биостимулятор — значит не зависеть от поставщиков. Все мы знаем, что на них, да еще на всяких наркокурьеров уходит львиная доля доходов, да и слишком опасным это дело становится...

— И хорошо бы сделать новый эффективный стимулятор, с новыми свойствами, простым в обращении, к примеру, без запаха, и дать ему прекрасное имя, скажем, «Амур» или «Любовь», — сказала Клеопатра.

Черный Беркут решительным жестом отстранил дворецкого, который хотел вновь наполнить его бокал.

— Коллеги, хватит пить. Дело слишком серьезное, решать надо на трезвую голову.

Все согласились, но Клеопатра отодвинула свой почти полный бокал с явным сожалением.

Глава 14

Возвращение

Выпитое вино, вкупе с усталостью от всего нынешнего нескладного дня с вынужденной поездкой до Бронниц и сложным обратным путем, подействовало на Алексея Ильина так, что он, как был одетый, рухнул на койку и проспал почти до вечера. Проснувшись, он привел в порядок стол, сунув остатки еды в холодильник.

Выгребая из карманов остатки денег, наткнулся на две бумажки. На одной округлым почерком был выписан список продуктов, которые необходимо купить в магазине, и он, скомкав его, бросил в помойное ведро. На второй был записан какой-то телефон, он долго не мог сообразить — чей. Но тут в памяти всплыли Бронницы, привокзальная площадь, огромные предвыборные щиты и портрет женщины, похожей на Клеопатру. Неужто она?!

Позвонить из Золовки было проблемой. Ближайший телефон находился в клубе, где в этот вечер должно было состояться собрание избирателей, которое проводила его новая знакомая Люсинда. «Да и вряд ли кто придет на это дурацкое мероприятие», — думал он, торопливо идя по улице.

Однако около клуба он увидел оживленные кучки людей. И в фойе, и в буфете народу было полно. Ильин с трудом пробился в закуток своего приятеля-директора, гордо именуемый кабинетом. Директор к этому ответственному моменту успел полностью протрезветь, был при галстуке и — такое Ильин наблюдал впервые — в отутюженных брюках.

— На фильм пришел? — спросил он Алексея. — Тогда беги в зал, а то места не найдешь.

— Нет, мне позвонить надо.

— Ну, звони. А я в зал пойду, за порядком нужно последить. А потом в президиум сяду, так Люсинда сказала, — произнеся последнюю фразу, приятель отвел глаза в сторону. Эти мелочи, впрочем, Алексея не интересовали.

Он лихорадочно набрал номер избирательного штаба, едва за директором закрылась дверь. В ответ послышались протяжные гудки.

Алексей набирал номер снова и снова, но ему никто не отвечал. Через тонкую перегородку, отделявшую директорский кабинет от зала, доносились шум, выкрики, затем все затихло. Алексей понял, что началось собрание избирателей.

Он снова и снова, как заведенный, набирал номер штаба, впопыхах записанный в Бронницах, но ответа не было. Может, записал неправильно?!

Он уже совсем решил было бросить телефон и пойти в зал, чтобы хоть из дверей послушать, о чем говорит кандидат, но в этот момент сняли трубку.

— Слушаю вас, — сказал приятный женский голос.

И тут с Ильиным случился конфуз: он напрочь забыл имя кандидатши в депутаты под портретом в Бронницах.

— Это избирательный штаб? — спросил он.

— Слушаю вас внимательно, молодой человек, — повторил голос.

— Мне... необходимо... Я хотел бы встретиться с кандидатом...

— С нашим народным кандидатом? — Голос в трубке заметно потеплел.

— Ну да.

— Она очень занята.

— Знаю... Но мне нужно совсем немного времени.

— Видите ли, товарищ, она не ведет прием населения. Ведь ее еще не выбрали депутатом.

— Но как же быть?

— А очень просто. Сегодня в Золовке состоится собрание избирателей. Приходите на него и сможете задать ей любые вопросы.

— Сегодня... В Золовке? — пробормотал ошарашенный Алексей и осторожно, словно боясь спугнуть кого-то, положил трубку. И вдруг его будто ударило молнией. Ильин бросился в зал.

На сцене, за столом президиума сидело местное начальство. Не так давно и он был таким же благополучным, как эти мужики, — спокойным, солидным, уверенным в себе, в дорогом костюме и при модном галстуке. А посреди сидела... Она или не она?

Он вглядывался до боли в глазах, но так и не мог определить — Клеопатра это или нет? То, что посвежела и помолодела, — это еще можно понять. Но... черты лица?! И она, и вроде не она. Ильин слышал, конечно, про чудеса, которые делает пластическая хирургия.

Между тем первая часть собрания подходила к концу. Люсинда на все лады расхваливала кандидата. Алексей пропускал ее слова мимо ушей, он следил только за Клеопатрой, как мысленно стал называть главную в этом зале женщину.

Клеопатра — или женщина, столь поразительно напоминающая ее, — держалась спокойно, естественно, улыбалась, о чем-то перешептывалась с членами президиума. На полу, у края сцены, стояла большая корзина, куда избиратели клали записки.

Неожиданно женщина поднялась с места. Зал замер.

— Дорогие друзья! — произнесла она, и Алексей вздрогнул: это был ее голос! В конце-то концов можно изменить все: внешность, прическу, даже пол, черт возьми! Но голос — голос изменить нельзя.

— ...Дорогие друзья! — продолжала Клеопатра. — Я иду во власть с одной-единственной целью: сделать вашу повседневную жизнь более сносной. Я уже говорила вам об этом. Нет, я не сулю вам золотые горы. Но твердо могу обещать одно: если вы мне окажете доверие, проголосуете за меня — я свою жизнь посвящу вам, и только вам. И это не пустые слова. Вот вы задаете мне сейчас вопросы, — указала Клеопатра на корзину с записками. — Пишите обо всем, что у вас наболело. Обещаю, что отвечу на все вопросы.

— Для этого придется здесь сидеть до утра!.. — крикнул кто-то с места.

— Если надо — будем сидеть до утра! — ответила Клеопатра.

Алексей пошарил по карманам, но нашел только клочок бумаги с телефоном избирательного штаба Клеопатры. Он нацарапал на нем, стараясь, чтобы рука не дрожала: «Дорогая Клеопатра! Любимая! Я верю, что это ты — так говорит мое сердце. Нам о столь многом нужно переговорить... Не ищи меня взглядом. Я нахожусь в зале, но так изменился, что, боюсь, ты меня не узнаешь».

Он попросил девушку, сидевшую перед ним, передать записку и проследил взглядом, как его сложенный вчетверо клочок благополучно пропутешествовал через весь зал и упал в корзину.

Между тем Клеопатра начала отвечать на вопросы, и Ильин ждал, когда дело дойдет до его записки.

А вопросы были интересные: о засилье криминала в районе, о коррупции, о произволе

местных начальников, о других кандидатах — соперниках Клеопатры.

Она отвечала четко, уверенно, не боясь острых углов и не пытаясь сгладить их. Ворох записок быстро таял, как и сердце Алексея. Похоже, его послание все же затерялось, растворилось в общей массе записок. Многие из ее ответов приходились не по вкусу сидящему в президиуме начальству.

Сердце Ильина забилося — он увидел в руках у Клеопатры свое послание.

— Автора этой записки прошу подойти ко мне после собрания, — попросила она, кладя ее в карман. — Этот вопрос надо обсудить тет-а-тет.

Тут Алексея ждало еще одно потрясение: на сцену вышла Люсинда. Она что-то прошептала Клеопатре на ухо.

— Нет, на сегодня все встречи отменяются, — громко ответила Клеопатра. — Я занята.

Ильин, спотыкаясь и пошатываясь, медленно приблизился к Клеопатре. Ее приветливое лицо будто источало солнечный свет. А глаза как бы говорили: «Ну что же ты, смелее». Но ноги Алексея предательски подкашивались, не слушались.

Клеопатра поразила внешнему виду Ильина: худой, какой-то потерянный. Чем ближе он подходил к ней, тем сильнее сжималось ее сердце. От жалости или от любви? Неужели она все еще любит его?

Увидев, что губы у Алексея дрожат, она опередила его:

— Не надо слов, Леша. Еще наговоримся.

Люсинда смотрела на них удивленно и испуганно: «Ну и ну, я знала, я чувствовала...»

В местном кафе им отвели укромный уголок за пыльным фикусом. Они молча смотрели друг на друга. Потом она приложила свою теплую, нежную, пахнущую «Елисейскими Полями» ладонь к его щеке и начала свой рассказ. История Клеопатры потрясла Алексея, хотя он вроде бы отвык удивляться. Слушал ее, затаив дыхание, радуясь, что вновь видит это дорогое и милое лицо, внемлет тихому, певучему голосу. Во время скромного ужина Клеопатра несколько раз прерывала свой рассказ и поглядывала на часы. Наконец объявила:

— Сейчас появится один человек. С того света.

— Это как?

— Увидишь.

Ровно в половине десятого к ним подошел... Гримо. Отлично одетый, улыбающийся.

— Но ведь он погиб в тюрьме?! — вырвалось у Ильина.

— Погиб не он, а другой, — прошептала Клеопатра ему на ухо. — Подставное лицо. А воскрешение Гримо обошлось мне в полмиллиона баксов.

В отличие от Клеопатры, которая была «совой», Ильин являлся типичным «жаворонком». Когда бы ни ложился спать, хоть глубокой ночью, он просыпался рано, ни свет ни заря. И в их возобновившейся семейной жизни (теперь они брак зарегистрировали) это обстоятельство способствовало гармоничности отношений.

Ильин по старой армейской привычке проснулся рано. Клеопатра еще спала. Полюбовавшись ее прекрасным лицом, Ильин тихонько сполз с кровати, чтобы не потревожить любимую, и отправился на кухню. Там он сварил кофе по-турецки, налил по рюмке коньяку из запасов, привезенных Клеопатрой из Испании, нарезал квадратами сыр маасдам, поломал на кусочки плитку шоколада, поместил все на поднос и понес в спальню.

Они уже заканчивали завтракать, когда зазвонил мобильный телефон. Ильин никогда не брал первым трубку ни мобильного, ни квартирного телефонов — таков был у них с Клеопатрой негласный договор. Клеопатра поставила чашку с кофе, взяла трубку.

— Да... — И Алексей сразу уловил в ее голосе тревогу. — Как это случилось?.. Ага, понятно. А когда?.. Так. Хорошо, еду в штаб.

Она стала быстро одеваться.

— Что случилось?

— Милый, мы немедленно едем в избирком.

— Ты можешь объяснить?

— Потом, потом, в машине, — сказала она, причесываясь у зеркала.

Когда они в вишневом «мерседесе» мчались в Бронницы, Клеопатра рассказала, что произошло.

— С Пал Палычем беда...

— Нашим конкурентом?

— С нашим конкурентом и другом, — поправила Клеопатра. — Ты же знаешь, у него рабочая смена начинается затемно... Он ехал туда на своих «жигулях». КамАЗ притер его к обочине и опрокинул в кювет.

— И что Пал Палыч?

— Он в тяжелом состоянии. Серьезная травма черепа.

Ильин присвистнул:

— Не жилец.

— Думаю, да, — согласилась Клеопатра.

— Заказаха?

— Не исключено.

— А что может быть еще?

— Например, сам не справился с управлением.

Они помолчали. Клеопатра о чем-то сосредоточенно думала, даже считала на пальцах. Наконец заговорила:

— Понимаешь, Леша, тут как в шахматах. Когда с доски исчезает какая-нибудь фигура, позиция меняется... После гибели Пал Палыча, — а я думаю, что можно говорить о его гибели, — позиция Ромашова резко усиливается.

— И эта пешка вполне сможет пройти в ферзи, — продолжил ее мысль Ильин.

— Вот именно, — кивнула Клеопатра. — Этого допустить нельзя.

— И что делать?

— Эту пешку надо заблокировать.

— Может, Ромашов и сделал заказ?

— Может быть, — сухо ответила Клеопатра. — Но это дело милиции.

У избиркома уже собралась большая толпа — когда только успели? — с красными флагами и транспарантами, славящими Пал Палыча. Митинг разворачивался по всем правилам агитационного искусства. На грузовике с откинутыми бортами стояли доверенные лица Пал Палыча. Выступая по очереди, они требовали от властей найти и наказать бандитов.

Опустив окно, Ильин прислушался к очередному оратору:

— Мы все вместе должны добиться элементарной справедливости. Конечно, нужно найти убийц, хотя все мы надеемся, что Пал Палыч выздоровеет. Но, для того чтобы найти бандитов и заказчиков, необходимо время. На этом, я думаю, и строится весь расчет наших противников.

— Что же делать?! — послышался крик из толпы.

— Обратиться к министру внутренних дел!

— Отправить делегацию к губернатору!

— А как сам Пал Палыч? — раздался женский возглас. — В больницу пойдете! Может, ничего страшного?

— К сожалению, дело плохо, — произнес оратор. — Поэтому я вношу предложение: отменить выборы или, по крайней мере, перенести их, пока не решится вопрос с нашим кандидатом.

Собравшиеся на площади громко поддержали его предложение.

— Я в избирком, — сказала Клеопатра.

— Я с тобой? — спросил Ильин.

— Нет, жди меня в машине.

— Ты надолго?

— Нет, я скоро, — ответила Клеопатра и вышла из машины.

— Ну, дела... — неопределенно протянул водитель «мерседеса», протирая тряпкой левое боковое зеркало.

— Ты когда узнал о несчастье? — спросил его Алексей.

— Так по радио передавали. В семь тридцать утра.

— По местному радио?

— Ну.

Клеопатра вернулась через четверть часа.

— В больницу, — бросила она водителю.

Машина развернулась и помчалась на окраину Бронниц, где располагались корпуса новой больницы.

— Что узнала? — не выдержал Ильин.

— С Палычем худо, — ответила Клеопатра.

— А что митинг?

— Сотрясение воздуха, — махнула рукой она, — выборы состоятся. Жди здесь.

Клеопатра направилась к центральному корпусу.

В коридоре, еще пахнущем масляной краской, было многолюдно. Люди, разбившись на

кучки, тихо шушукались, ожидая известий. Клеопатра подошла к ним, выразила соболезнования родным и близким.

— Я убеждена, эта беда произошла неспроста, — убежденно сказала она. — Конечно, это дело рук бандитов.

— Как это могло произойти? — возмущался пожилой мужчина с седой бородой. — Ведь на виду у всех...

— Только из-за слабости и попустительства властей! — ответила Клеопатра.

— Значит, их можно рассматривать как пособников? — спросил кто-то из родственников.

— Более того — как соучастников! — припечатала Клеопатра.

— Ну а милиция куда смотрела?

Проведя этот короткий импровизированный митинг в коридоре больницы, Клеопатра возвратилась к ожидавшей ее машине.

— Давай обратно, в штаб-квартиру, — бросила она водителю и обратилась к Алексею: — В связи с последними событиями нам необходимо выработать новую тактику. Девочки должны обзвонить всех...

— И Люсинда? — неожиданно вырвалось у Ильина.

— Конечно, и Люсинда, она моя надежная помощница, — подтвердила Клеопатра. — Разве ты ее знаешь?

— Видел на собрании избирателей.

— Хорошая девочка. Только экспансивная немного.

— Мне тоже так показалось, — кивнул Алексей.

В штаб-квартире, как пышно именовалась скромных размеров комнатка, яблоку негде было упасть. Люди сидели даже на подоконниках.

При виде Клеопатры все встали. На лицах было написано тревожное ожидание. Бесперывно звонил телефон. Дежурная растерянно отвечала: «Не знаю. Ничего не знаю».

Клеопатра коротко, на сей раз без эмоций, проинформировала собравшихся о происшествии, о состоянии здоровья Пал Палыча.

— Наша главная задача остается прежней, а вот тактика меняется, — произнесла Клеопатра.

Ильин скромно притулился в уголке, недалеко от входа. Он оказался неподалеку от Люсинды, которая бросала на него недоуменные взгляды.

— Прежде всего необходимо максимально усилить агитацию, это понятно само собой. Но вот главные тезисы из предвыборной программы Пал Палыча мы должны включить в свою программу.

По комнате прошел шепоток удивления.

— Я не оговорила, — произнесла Клеопатра. — В программе Палыча много ценного, немало людей ее поддерживают, и грех этим не воспользоваться.

«Да, Клеопатра — баба не промах», — подумал Алексей.

— Будем ковать железо, пока горячо, — говорила Клеопатра. — Буду диктовать вам тезисы. Записывайте, не полагайтесь на память.

— И текст предвыборной листовки меняется? — спросил кто-то.

— Обязательно.

Она принялась громко диктовать текст новой листовки.

«Боже мой, что за чушь она несет», — мелькнуло у Алексея. Потом понял, что она

говорит как бы от лица Пал Палыча, причем его же языком. Получалось, что она как бы приняла из его рук знамя КПРФ и от его имени призывает избирателей голосовать за Зулейку Ивановну Ильину. Но ведь это подлог. Как можно делать такое?

Кончив диктовать, Клеопатра приказала одному из помощников:

— Доставь листовку Турсункулову. Пусть срочно отпечатает в типографии. А вас всех, дорогие друзья, прошу разнести эти листовки по домам избирателей в почтовый ящик каждой квартиры.

* * *

Не зря говорится: у победы много друзей, а у поражения — ни одного.

Справедливость этой истины Зулейка Ивановна Ильина почувствовала уже на следующий день после выборов, когда был опубликован официальный отчет областной избирательной комиссии. Она вновь и вновь с волнением, которого давно не испытывала, перечитывала этот отчет, в котором, собственно, ее интересовала только одна цифра: З. И. Ильина — пятьдесят два процента.

И сразу же появились они — друзья победы. В ее избирательном штабе телефон трещал не умолкая, — так же, как и ее мобильник. Звонили не только друзья — совсем незнакомые люди поздравляли с победой, иные предлагали различные прожекты, набивались в помощники.

Клеопатра решила отметить свою победу сразу же, как только стали известны результаты выборов... Пир она закатила знатный, аборигены долго его потом вспоминали. Шампанское лилось рекой, водки было — море разлитое. А закуска — чего душа пожелает.

Когда Чернов зашел в кабинет Ковалева, тот разговаривал по телефону.

Чернов уселся за приставной столик, открыл папку и один листок из нее протянул полковнику.

— Вот донесение Голубевой. Она называет два адреса, где может находиться лаборатория.

— Ну-ка, ну-ка. — Ковалев внимательно прочитал донесение. — Твои соображения?

Прежде чем ответить, Игорь достал из папки другой лист бумаги.

— Это анализ наркотика, изъятого в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Состав этого зелья несколько отличается от того, что распространяется в Подмосковье, а теперь и в столице.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, что мы имеем дело с преступной организацией, имеющей разветвленную сеть лабораторий. Мне думается, что в листовянском пионерлагере «Дружок» — своя лаборатория, в Парголово — своя. Где-то есть еще одна, которая производит совершенно новый наркотик под названием феня.

— Хорошо, разрабатывай эту версию дальше, — сказал Ковалев. — А что по Фоме?

Чернов ждал этого вопроса и боялся его. Прежде всего потому, что сам еще толком не разобрался, что произошло со старшим лейтенантом Андреем Голобородько. Сообщение Елены Голубевой о том, что Фома жив, здоров и занимает высокую должность на базе труда и отдыха «Странник», которая располагается на территории бывшего пионерлагеря «Дружок», его обрадовало и насторожило. Хорошо, что жив, плохо, что переметнулся в стан наркодельцов. Хорошо, что не сдал Лену, плохо, что не объяснил, как оказался в лагере, где действует наркомафия...

— Выводы пока делать преждевременно, — ответил Чернов. — Но кое-что уже можно объяснить.

— Слушаю.

— По-видимому, Голобородько провалился и его пытали. Не выдержав пыток, стал работать на мафию...

— Значит, переметнулся?

— Выходит, что так. Но что-то человеческое в нем еще осталось...

— Не выгораживай предателя, Игорь. Давай по существу.

— Можно и по существу. — Чернов протянул начальнику еще один лист. — Здесь отзыв на Андрея Голобородько из Кировского УВД. Парень уже там был замечен в употреблении наркотиков. Видимо, эта страсть и привела его в стан врага.

— И что дальше?

— Голубева вспугнула его, и он попытается исчезнуть из нашего поля зрения. У него родня в Запорожье. Может податься туда. Может скрыться и в дальнем зарубежье. Скажем, на Кипре, где он отдыхал два года назад...

— Логично, — кивнул полковник. — Представьте мне план действий по задержанию Голобородько-Фомы.

— Пока он находится в пионерлагере. Врываться туда сейчас никак нельзя. Можем все

дело загубить. Если Фома сам выйдет из него — задержим.

* * *

На обратном пути из пионерлагеря в машине Клеопатры долгое время царило молчание. Сидя на переднем сиденье, она перебирала в памяти неотложные дела. А дел у нее накопилось, как говорится, выше крыши. Депутатские дела. И вот что ее удивляло: так называемые общественные дела, которые казались прежде неинтересными и бесполезными, вдруг начали все больше увлекать ее. Ей стало нравиться помогать конкретным людям, своим избирателям. Кому квартиру пробить, кому помочь с ремонтом, кому с пенсией. Но особенно близко к сердцу она, лишенная радости материнства, приняла судьбу детдомовских детишек... Как знать, может быть, кто-то из них когда-нибудь назовет ее мамой?

Утром на другой день Клеопатре позвонил Саркисян по телефону, номер которого был известен только избранным.

Звонок Клеопатру удивил: по договоренности Саркисян мог выходить на нее только в самом крайнем случае.

— Ну, чем порадуешь? — спросила она.

— Плохие вести, хозяйка.

— Говори, не томи.

— Последние сведения из ментовки, куда захапали Севу и Эльвиру.

— Ну?

— Фому отравил Сева.

— Он сам раскололся?

— Нет, Сева пока держится, но менты провели расследование.

— Ладно, детали потом, — прервала его Клеопатра. — Как Эльвира?

— С Эльвирой плохо. Дает признательные показания. Несет на всех подряд.

— Но она знает немного.

— Зато много слышала от Фомы.

— В сведениях ты уверен? Может, обычная ментовская деза?

— Это сообщил источник, который...

— Только никаких фамилий по телефону, — опять прервала его Клеопатра. — Что предлагаешь?

— Дело пахнет керосином.

— Это я и без тебя знаю.

— Решать, конечно, тебе, хозяйка, — сказал Саркисян. — Но я думаю, надо рвать когти.

— Пожалуй, ты прав.

Клеопатра сразу же приняла решение, о котором пока не сообщила даже Саркисяну: немедленно, не теряя ни минуты, перебазироваться из пионерлагеря в Битцевский парк, на резервную базу, которую было велено в строжайшей тайне подготовить Турсункулу.

После разговора с Саркисяном Клеопатра позвонила Турсункулу. Тот долго не отзывался — видимо, дрых после очередной попойки.

— Слушаю, — раздался наконец в трубке его сонный, хриловатый голос.

— Рассол пьешь?

— Я был в ванне, хозяйка, а мобильник в комнате, — начал оправдываться он.

— Слушай меня внимательно. Немедленно приступай к эвакуации на резервную базу в Битцевский парк.

— Всех, что ли? — мгновенно протрезвел Турсункул.

— Начни с ученых и лаборатории.

— Слушаюсь. Разрешите действовать?

— погоди. Ты вот что, Турсункул, — сказала Клеопатра, — сделай так: ученых и лабораторию пусть быстренько перебазировать, как я и сказала, а все остальное в лагере надо быстро перепланировать. В освобожденных помещениях организуй что-то вроде гостиницы или общежития.

— Для кого?

— Для подростков.

— Да где я их наберу, подростков?

— Ребятишек к тебе доставит Черный Беркут, сейчас я отдам ему распоряжение. Наберет на любом московском вокзале штук двадцать беспризорников — это и будут твои постояльцы.

— Понятно.

— Ты там только проследи, чтобы был порядок. Отмой их, покорми.

— Сделаем.

— Да, и еще одно. У нас там большие авторемонтные мастерские. Они будут пустовать, это нехорошо.

— Конечно, нехорошо, — поддакнул Турсункулов, хотя пока не понимал, куда клонит хозяйка.

— Сделаем так. Днем тебе пригонят несколько машин, нуждающихся в ремонте, а ты организуй, чтобы все было не понарошку, а по-настоящему.

— Откуда машины-то?

— Из автопарка Пал Палыча. Он просил меня помочь ему с этим делом. Выполним его волю и заодно сделаем доброе дело.

— Много автомашин-то?

— Пал Палыч говорил, неисправных штук двадцать, так что работы хватит. И еще, — развивала свою идею Клеопатра. — Рвань, которое будет на беспризорниках, сожги к чертовой бабушке. А их оденешь в униформу, которую носят ребята в ПТУ.

— Где я ее возьму?

— Униформу и все такое прочее тебе Гримо подвезет. А ты проследи.

— Вроде к показухе готовимся, — проворчал Турсункулов.

— В яблочко, Турсункул! В ближайшее время жди гостей.

— Ментов, что ли?

— Менты не гости. Они должны убедиться, что у тебя база труда и отдыха.

— А кто же приедет?

— Через два дня сама нагряну к тебе с телевидением.

Турсункул удивился:

— С телевидением?

— Ага. Репортаж будем делать. Может быть, даже на всю Россию.

— Здорово.

— Если подведешь — голову оторву, — пригрозила Клеопатра.

Турсункулов отлично знал, что у хозяйки слова не расходятся с делом.

— А куда потом их девать? — спросил Турсункул.

— Кого?

— Детей.

— Никуда девать не нужно, — усмехнулась она, — пусть живут и здравствуют. Разве ты, Турсункулов, не хочешь быть воспитателем?

Турсункул что-то пробурчал.

— Не ворчи, я пошутила. Между прочим, я лично взяла шефство над одним из детских домов. Так что по прошествии времени ребят можем передать туда.

Наконец после долгих и ничем не объяснимых, как казалось Ковалеву, проволочек областная прокуратура дала «добро» на обыск в пионерлагере.

Группа Чернова и автобус с омовцами подъехали к лагерю труда и отдыха «Странник» в полдень.

Омовцы нейтрализовали охрану, ворвались на территорию и устремились в зал, где, согласно показаниям Эльвиры, находилась нарколаборатория. Однако не обнаружили там ничего похожего. Вломившись в зал, они растерянно переглянулись: в зале было полно подростков. Они онемели, увидев людей в камуфляже и с оружием.

— Здесь же столовая! — воскликнул кто-то из омовцев. — Может, мы не туда попали?

Взгляды их обратились к Чернову, который и сам растерялся.

— Мы не ошиблись, — сказал он. — Все верно.

Омовцы сгрудились у входа в зал и стали наблюдать. Подросткам было лет двенадцать-тринадцать. Каждый из них был одет в новенькую синюю униформу. Дежурные разносили тарелки и ложки.

В помещении, помимо подростков, находились и... телевизионщики, возившиеся возле трех работающих телекамер. Чернов обратил внимание на респектабельных людей в штатском. Некоторые лица показались ему знакомыми. Немного позже он узнал, что это представители центральных средств массовой информации, а также важные персоны из местных органов власти.

Когда первый шок, вызванный внезапным появлением незваных гостей, прошел, дети загалдели и повскакивали с мест. Облавы на вокзалах им были не в диковинку. Подростков с трудом уgomонили несколько пожилых дядек.

Взрослые подошли к омовцам. Один из подошедших представился заместителем губернатора Московской области. Рядом с ним стояла молодая красивая женщина. Чернову показалось, что она была единственной, кого внезапный приход омовцев не удивил.

— Вы наши гости? — осведомилась она, как показалось Чернову, иронично. — Очень приятно. Только непонятно, почему вы с оружием. Здесь вам некого бояться, вас встречают друзья.

И тут капитан вспомнил, где он ее видел — на предвыборных плакатах. Да, это была Зулейка Ивановна Ильина.

Между тем Зулейка с улыбкой предложила:

— Знакомьтесь! Все эти ребята — бывшие беспризорники, их подобрали на вокзалах и улицах Москвы. Здесь они не только нашли кров, но и обучаются, приобретают под руководством опытных мастеров специальность автослесаря.

Чернов не знал, как реагировать.

К счастью для него, Зулейку довольно бесцеремонно прервал солидный господин, сделавший шаг вперед:

— Я — мэр этого города. Кто вы такие и что вам здесь надо? По какому праву вы ворвались на территорию учебной базы?

Чернов отвел раскипятившегося мэра в сторонку и показал документы, включая

разрешение областной прокуратуры на обыск. Пока мэр изучал предъявленные бумаги, Чернов с тревогой озирался. Дети за столом шумели, визжали, переговаривались — все радовались тому, что монотонное течение жизни на базе прервалось столь занятным приключением.

Солидные граждане, державшиеся отдельной кучкой, сдержанно обменивались репликами, ожидая, чем закончатся переговоры мэра с начальником странной группы, ворвавшейся в столовую.

Однако самым неприятным Чернову показалось то, что телевизионщики нацелили все три камеры на него и его группу.

Запись делают? А что, если она в ближайшее время попадет в эфир?!

А может быть, не приведи Господь, вообще ведется прямая трансляция?..

Мэр вернул ему бумаги.

— Попросите, чтобы отключили трансляцию, господин мэр, — потребовал Чернов.

Мэр дал распоряжение помощнику, тот подошел к телевизионщикам и стал о чем-то с ними договариваться. Но операторы продолжали снимать. Лишь когда Ильина что-то сказала высокому худому парню, видимо, старшему, они отключили аппаратуру.

Чернов подошел к Ильиной и поблагодарил ее. Эта женщина его чем-то притягивала. Он видел Зулейку Ивановну впервые, хотя много слышал о ней. И хорошего, и плохого...

— Капитан, капитан, улыбнитесь! — негромко произнесла Зулейка и взяла его под руку. — Знаете, это здорово, что милиция всерьез заинтересовалась тем, какая помощь оказывается администрацией Подмосковья юным беспризорникам. Сам президент страны неоднократно подчеркивал, что проблеме беспризорных общество должно уделять больше внимания.

Чернов не нашелся, что ответить.

— Вижу, вижу, что это вас всерьез интересует. — Глаза ее блеснули. — В таком случае, капитан, милости прошу в детский дом, над которым я взяла шефство. Это здесь недалеко.

Чернов против воли пожирал ее глазами. Он не мог не признать, что Зулейка Ивановна Ильина оказалась опытной и достойной соперницей и в данном раунде переиграла его.

«Сказалась проволочка в два с половиной дня, которую устроила прокуратура, — думал он, прикидывая, как выйти из сложившейся ситуации. — Эту передышку Ильина использовала блестяще».

Он понимал, что потерпел неудачу, но не думал ретироваться. Раз такое дело и они умудрились перебазировать лабораторию, надо потянуть время. Может быть, омовцы обнаружат что-то в других помещениях базы.

— К нам поступила информация, господа, что здесь эксплуатируют труд несовершеннолетних, — сказал он стоявшим перед ним мэру и Ильиной первое, что пришло в голову. — Мы прибыли проверить этот сигнал.

Мэр и Зулейка переглянулись.

— Но ведь в документах, капитан, что-то говорится о лаборатории? — сощурилась она.

— Нам сообщили, что здесь находится лаборатория, работающая с вредными веществами, а техники безопасности нет.

— А кто сообщил, позвольте полюбопытствовать? — спросила она.

— Милиция свои источники не раскрывает.

— Я депутат!

— Не имеет значения.

— Я напрямую с прокурором свяжусь!

— Ваше дело, — пожал плечами Чернов. Он начал успокаиваться, поняв, что нашел правильный выход из сложившегося положения.

Успокоились и ребяташки. Потеряв всякий интерес к происходящему, они с аппетитом принялись есть.

— Послушайте, товарищ капитан, — сказал мэр, — вы находитесь в лагере труда и отдыха для беспризорников. Вы это, впрочем, видите и без меня.

— Вижу, — кивнул Чернов.

— В Москве и области, к вашему сведению, числится до семидесяти тысяч беспризорных, — продолжал мэр, почувствовав себя хозяином положения. — И это только официальная цифра, а фактически их намного больше. Ну а во всей России их более двух миллионов.

— Знаю.

— А если знаете, как же вы можете вставлять нам палки в колеса? Мы любую свободную копейку вкладываем в это благородное дело, находим спонсоров, которые нам помогают... Вот Зулейка Ивановна, не жалея времени и сил, занимается обустройством лагеря.

— Похоже, вам не нравится, капитан, что мы приобщаем этих обездоленных ребят к труду! — вмешалась Ильина. — Что же вы молчите? Или, может, милиция решила тоже взять шефство над лагерем? Если так, то мы только приветствуем это.

Чернов прислушивался к каждому шороху за дверью, ожидая, когда появится хоть кто-то из его отряда.

— Лично я не против, Зулейка Ивановна, — сказал он.

— И на том спасибо, — с иронией поклонилась Зулейка.

В это момент в дверях столовой появился Панкратов. Он подошел к Чернову и отозвал его в сторонку.

— Ну, как там? — спросил шепотом капитан.

Панкратов покачал головой:

— Ничего.

— Все проверили?

— Обшарили все закоулки. Лабораторией и не пахнет. И потом это не иголка, ее не спрячешь.

Вошел Смирнов и тоже доложил, что в спальнях ничего не обнаружил.

Да, такого фиаско от женщины, к тому же прекрасной, Чернов еще не терпел. Противник был достойный, но и он сдаваться не собирался. Их схватка еще впереди.

* * *

Игорь Чернов давно заметил: если с утра не заладится, целый день неприятности будут. Так случилось и на этот раз. Едва прибыл на службу, вызов к начальнику.

Полковник Ковалев принял его недружелюбно. Холодно поздоровался и кивнул на стул напротив.

— Слышали, что вчера произошло в Королёве? — спросил он.

— Слышал, что ученик, переехавший туда из Бронниц, сошел с ума от передозировки

наркотиков, — ответил Игорь.

— Я сегодня разговаривал с врачом. Ученик девятого класса Туманов употреблял наркотики. Какие, пока не выяснено. Похоже те, с которыми мы уже встречались, — вызывающие сексуальное возбуждение. Вполне вероятно, что передозировка именно этого наркотика вызвала нарушение психики. Никакие лекарства не помогают привести его в чувство. Вот уже вторые сутки он бросается на всех с кулаками и требует какую-то Феню. Что вам удалось выяснить по наркотикам, что сообщает Голубева?

— Пока немного, Николай Николаевич, — вздохнул Игорь. — Но то, что лаборатория находится в нашем регионе, — на девяносто процентов.

— С «Эдельвейсом» мы в лужу сели, с лабораторией, которая у нас под носом зелье производит, тоже. Чем вы занимаетесь, капитан Чернов? И почему до сих пор не женитесь? Слышал я, еще с одной чужой женой шашни завели. Что это у вас за пристрастие к замужним? Девушек вам мало?

Игорь почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, как гулко застучало сердце. Он ждал крутого разговора с полковником, — дела по борьбе с наркотиками действительно идут хуже некуда, — но чтобы Ковалев, в общем-то деликатный мужик, стал упрекать его в распущенности, не ожидал. И не сдержался. Голос его задрожал от несправедливого обвинения:

— Вот что, товарищ полковник: в том, что я плохо работаю, вы вправе меня упрекать и можете уволить, но давать указания, кого любить, с кем спать, не ваше дело. Разрешите идти?

— Не разрешаю! — Полковник встал и заходил по кабинету, видимо, подавляя раздражение. Остановился напротив Игоря. — А теперь вот что я скажу тебе, товарищ капитан. Слишком ты еще молод, чтобы выставлять свои амбиции перед старшими по возрасту и званию напоказ. Я побольше тебя прожил и побольше тебя истратил нервов в борьбе с преступностью, и мне, старику, в какой-то мере простительна несдержанность. Хотя, признаюсь, не делает чести. — Достал сигарету, нервно прикурил. Несколько раз глубоко затянулся. — И я виноват в том, что до сих пор не разобрались с наркобизнесом. Дело это оказалось непростое, а опыта у нас — кот наплакал. При советской власти и проблемы такой не существовало. А теперь... Но все равно это наши издержки, и никто за нас эту работу делать не станет. Так что хватит нам разводиться антимионом, пора за дело браться. Возьми помощников и дуй в Королёв. Разберись с друзьями этого девятиклассника: кто-то из них наверняка знает, у кого тот покупал наркотик. И свяжись с Голубевой. Уж больно вольготно живется ей под крылышком депутатши. А твое предположение, что наркологическое гнездо свито именно там, по-моему, верно.

Хотя полковник фактически извинился, Чернов вышел из кабинета начальника не в лучшем настроении. Злился на себя — не сдержался. А Ковалев-то прав: долго, очень долго ищет он, Чернов, начальник отдела по борьбе с наркотиками, лабораторию. Целый наркосиндикат под носом орудует, а он никак подступы не найдет. И с женщинами... Что-то действительно его на замужних потянуло: то Наташа, теперь вот Тамара. Она очаровательная, чудесная женщина. И разве он виноват, что судьба свела их после замужества Тамары? Как она могла полюбить такого садиста? Стоп! Ведь до недавнего времени Станислав не был садистом, так утверждает сама Тамара. Все началось год назад, когда ее благоверный стал употреблять наркотики. И снова стоп! За что, почему Станислав избивал жену? Именно этот семейный конфликт свел Игоря с Тамарой. Он возвращался со

службы, когда на четвертом этаже услышал женский крик и грохот разбиваемой посуды. Игорь жил на третьем этаже, и ему не составило труда подняться на четвертый. Он увидел в квартире обезумевшего от злости молодого мужчину, одной рукой державшего за волосы женщину, второй избивавшего ее и причитавшего: «Дай феню, дай феню».

Так вот что тогда произошло! А врачи посчитали, что Станислав сошел с ума, и держат его в психиатрической лечебнице. И вот второй случай — с учеником девятого класса... Надо ехать в Королёв. И, наверное, не на один день. А он договорился вечером встретиться с Тамарой.

Симпатия друг к другу, а затем и любовь закружила их неожиданно-негаданно. После того как Станислава отправили в лечебницу, Игорь зашел справиться, как чувствует себя соседка. Он только тогда рассмотрел ее и поразился ее красоте: большие, прямо-таки васильковые глаза, опущенные длинными ресницами, чуть вздернутый очень симпатичный носик, чистое, как яичко, лицо с пухлыми губами. Темно-русые волосы, волнами спадавшие на плечи, тонкий, безукоризненно стройный стан, красивые стройные ноги.

Все это Игорь охватил одним взглядом и смутился: вчера перед ним была другая женщина. Но она узнала его, приветливо улыбнулась и пригласила в комнату.

— Спасибо, что пришли на помощь, — сказала она приятным мягким голосом. — Извините, что так получилось.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Игорь.

— Не очень, — призналась соседка. — Голова еще побаливает. Хотите чаю?

Ему очень хотелось побыть с ней, познакомиться поближе и узнать, что за человек ее муж, как может мириться она с такими садистскими наклонностями. Но разговор начал с другого.

— Я вас раньше не видел. Вы, видимо, переехали в эту квартиру недавно?

— Да, мы живем здесь всего месяц. Да и дома бываем только ночью. Днем — на работе. Так как насчет чая?

— Не откажусь. И где вы работаете?

— Не интересное занятие, — смутилась соседка. — Помогаю в фирме мужа производить напитки.

— На этой почве и конфликт?

— Нет. Стас заболел. В последнее время он стал раздражительным, вспыльчивым. А вчера вообще с катушек съехал. Не знаю, что с ним произошло. Врачи говорят — нервный срыв. Когда он кончится?

Пока она рассказывала, закипел чайник.

— Вам чай или кофе? — спросила Тамара, ставя на стол фарфоровые чашки.

— Все равно, с чем вам легче возиться.

— Тогда выпьем кофе...

Вот за кофе он и узнал кое-что из жизни Тамары и Станислава.

Они учились в одной школе. Станислав на два года старше. Он был отличником, примерным парнем. Многие девчонки, в том числе и Тамара, были влюблены в него. После десятилетки Станислав по настоянию матери — она была актрисой — поступил в консерваторию. Но проучился там недолго — ушел со второго курса, а после службы в армии при содействии родственника занялся бизнесом. Это было два года назад. Тогда они и поженились.

О том, что Станислав стал увлекаться наркотиками, Тамара узнала намного позже,

когда мужа из больницы не выписали ни через месяц, ни через два. Дружба Игоря с Тамарой переросла в любовь, и ни он, ни она не жалеют об этом. Договорились, как только Станислав поправится, Тамара подаст на развод.

«И тут полковник Ковалев прав — пора кончать с холостяцкой жизнью», — пришел к окончательному выводу Чернов.

Глава 18

Подруги

Депутатская деятельность Клеопатры закружила ее, завертела. Она не ожидала и не думала, что есть такое дело, которое может так захватить ее, увлечь, заставить вкладывать всю свою энергию и душу. Встреча с избирателями, их рассказы о своих нуждах и бедах, внимание к ее советам так поднимали ее значимость, что Зулейка Ивановна готова была выкладываться до дна, чтобы этим людям жилось лучше. Ее любили. А это, оказывается, высшая оценка твоей деятельности, твоей жизни! Что видела она раньше? Ничего интересного. Только своих подельников, которых интересовали лишь деньги. Нет слов, без денег и она не достигла бы того, что имеет теперь. К сожалению, многие вынуждены в первую очередь заботиться о хлебе насущном, растрачивать силы, энергию и даже чувства на выживание; какие уж тут мечты! Вот и она билась как рыба об лед, чтобы выкарабкаться из нищеты: и девочкой в прислугах работала, и наркокурьером моталась по городам и селам, и своим телом расплачивалась. И охладела она к людям, стала рациональной и предприимчивой. Ничто не радовало ее, не увлекало. И чем взрослее становилась, тем увереннее в себе. Уже в семнадцать лет поняла, что красива, не глупа. Вокруг нее закружились мужчины. Но она знала им цену, никому не верила и всерьез не воспринимала. А некоторых даже ненавидела...

Случайное знакомство с Алексеем Ильиным будто разбудило ее сердце. Это, можно сказать, была ее первая любовь. И в постели он доставил ей такое удовольствие, которого раньше она не испытывала. Может, потому она до сих пор и привязана к нему, не ищет, как это делают многие состоятельные женщины, других сексуальных утешителей. Да и зачем? Что нового они ей дадут? Говорят, что секс — это та же пища. А любая пища требует разнообразия. В этом-де и вкус. Возможно. Клеопатре в молодости довелось испробовать разные «блюда». Нет, она не в восторге. Ее больше удовлетворяет постоянный партнер, которого она хорошо знает, не стесняется, который чист и делает все так, как ей нравится.

Алексей отвечал всем ее требованиям. Правда, годы притупляют чувства, и последнее время узаконенный муж меньше стал уделять ей внимания, но она понимала — ответственная работа в банке серьезно утомляет его; да и она со своими депутатскими делами устает не меньше. Завтра вот снова надо ехать в Подольск, посетить школы, больницы. На последнем совещании у губернатора она немало озадачила своим выступлением администрацию области. Да и действительно, как можно мириться, когда в некоторых школах учителям по несколько месяцев не платят зарплату, в классах холодно, в больницах не хватает лекарств, питание такое, что больные скоро от истощения умирать начнут.

Кое-кому из администраторов очень не понравилось выступление шустрой бабенки, но губернатор поддержал ее, попросил проверить состояние дел в других школах и больницах.

После выступления Ильиной сразу потекли необходимые суммы в школы и больницы. Конечно, не в полном объеме, но что поделаешь, губернаторская казна не очень-то богата. Вот она, Зулейка Ивановна, сколько потратила своих средств то на предвыборную кампанию, то на спонсорскую помощь, то на подарки-взятки чиновникам. И ее казна заметно «похудела». На трикотажный комбинат, созданный для «крыши», надежды никакой. Он не только не дает прибыли, еще больше опустошает карман. И если бы не лаборатория...

Как там идут дела? Некогда самой вникнуть. Правда, Турсункул опытный организатор, но глаз да глаз за ним нужен. При первой же возможности надо заглянуть на его предприятие и проверить, не о нашей ли «фене» говорили вчера по радио, что какой-то ученик девятого класса от передозировки сошел с ума. Хотя вряд ли. Речь шла о каком-то сильнодействующем наркотике, а «феня», по существу, даже не наркотик, а допинг. Жаль, что нельзя запатентовать это изобретение. Вон сколько всевозможных половых биостимуляторов продается в аптеках, а эффект от некоторых, как от козла молока. И все-таки «феню» надо проверить получше. Не дай бог если от ее передозировки тяжелые последствия. Мужчины и женщины пусть трахаются хоть до посинения, а вот если пацаны наглотаются... Надо Турсункула предупредить, чтобы ни в коем случае не распространяли ее в школах.

* * *

Перед совещанием Чернову удалось связаться с Голубевой. И расследование происшествия с учеником девятого класса в Королёве дополнилось существенными данными. Лена подтвердила, что лаборатория по производству наркотиков существует и заправляет ею непосредственно Турсункул. Кто подлинный ее хозяин, установить пока не удалось. Причастна ли к этому делу Зулейка Ильина, депутат облдумы, твердой уверенности нет. Турсункул изредка встречается с Ильиной, но разговоры они ведут либо о текстильном комбинате, у которого азиат закупает трикотаж, либо о бартерной поставке овощей и фруктов.

Выяснила кое-что Лена и о частичном провале операции «Эдельвейс», и о полном фиаско с налетом на пионерский лагерь: да, Турсункула кто-то предупредил. Кто? Ищите в своей конторе. «Крот» у вас под носом.

Полковник Ковалев, внимательно выслушав доклад, удовлетворенно покивал головой:

— Все именно так, как мы и предполагали. Остается одно — исправить прежние ошибки. Внеочередная задача — обезвредить «крота». Параллельно искать подпольную лабораторию Турсункула. Надо взять азиата на месте преступления. Но, думаю, он не главная скрипка в этом оркестре. Потому надо установить все его контакты и выявить, кто же так ловко и хитро всем заправляет. Не удивлюсь, если им окажется все тот же Зураб Сихашвили, которого мы упустили в прошлый раз.

* * *

В облдуме Клеопатре нравилось, особенно приятное впечатление производил буфет — чистый, аккуратный, со множеством напитков.

Разочаровывали секретарши. Вместо смазливых девчонок, которых она собиралась с ходу приручить, оказались умудренные жизнью дамы зрелого возраста, которых, как говорится, на кривой не объедешь. Впрочем, Клеопатра надеялась, что и к таким особам она со временем подберет ключик.

...В буфете Клеопатра познакомилась с милой дамой в роговых очках. Та, испросив разрешения, села к ней за столик. На ее подносе был салат из крабов и стакан апельсинового

сока.

— Худеем? — кивнула Клеопатра на скудное содержание подноса. Она обладала счастливой способностью быстро завязывать знакомства.

Дама приветливо улыбнулась:

— Вы угадали. Хотя это, как видите, у меня не очень получается.

«Да уж точно», — подумала Клеопатра, оценив пышные формы дамы.

— Скажите, вы депутат областной думы? — спросила Ильина.

— Нет. Я вице-мэр города Королёва.

— Вот как. А я так запросто разговариваю с вами! — смутилась Зулейка Ивановна.

— Ну, не такая уж я большая шишка... А вы, насколько я понимаю, новенькая? Как говорится, новорожденный депутат?

— Угадали.

— У меня глаз наметанный.

Выходя из буфета, они уже чувствовали себя приятельницами. Для продолжения беседы устроились на уютном диване.

— Нам остается познакомиться, — сказала дама. — Алевтина Тихоновна Подзольникова. — Ее ладонь была пухлой и влажной, но рукопожатие по-мужски крепким.

Представилась и Клеопатра.

— Вы работаете? — поинтересовалась дама.

Ильина улыбнулась:

— Без работы нынче не проживешь. И я, и муж — экономисты.

— А муж у меня химик, доктор наук, работает в одном НИИ там же, в Королёве.

— Алевтина Тихоновна, а как вы определили, что я депутат?

— Можно Алевтина. Или просто Аля. — Вице-мэр поправила очки. — Знаете, есть такой анекдот. Шерлок Холмс инкогнито приехал в какую-то гостиницу. Портье помог ему перенести саквояж в номер. Получив на чай, он поблагодарил: «Спасибо, мистер Холмс». — «Откуда вы узнали мое имя?» — изумился Шерлок Холмс, уверенный, что о его приезде никто не знает. В ответ портье начал рассказывать длинную историю в духе самого великого сыщика о том, как он исследовал форму чемодана, как рассматривал ремни и пряжки на них и прочее в том же духе, потом скромно добавил: «А еще мне помогло вот это», — и показал на наклейку, на которой было написано: «Шерлок Холмс».

Несколько уязвленная Клеопатра спросила:

— Какую же наклейку вы обнаружили на мне, Алевтина?

— А вот, — кивнула вице-мэр на папки, которые Клеопатра не выпускала из рук.

— Вы прижимаете их, будто боитесь потерять. Я сразу догадалась, что вы взяли документы по работе облдумы, и всячески одобряю вашу предусмотрительность. Знаете, в чем основной недостаток наших депутатов?

— В чем?

— В непрофессионализме. Многие — хорошие, порядочные люди. Но хороший человек — это ведь не профессия.

— Это верно.

— Хорошо, что в политику, во власть идут люди дела, люди бизнеса, не побоюсь этого слова. Такие, как вы. Но власть, как и любое дело, имеет свою специфику. И ее необходимо изучать, набираться опыта, как изучаешь, например, токарное или слесарное дело.

— Значит, правильно я делаю, что взялась изучать эти документы?

— Абсолютно! Но знаете, милочка, этих бумаг для вашего образования недостаточно.

— А что же еще?

— Чтобы понять, как действует механизм областной власти на практике, вам необходим полный устав какого-нибудь из городов Московской области.

— Где же его взять?

— Зря, что ли, свел нас Господь? — С этими словами собеседница достала из своего дипломата папку и протянула Клеопатре.

«Устав города Королёва Московской области», — прочла Ильина на обложке. — Принят решением собрания представителей города Королёва. Дата и подпись главы местного самоуправления — главы городской администрации. Фамилия Клеопатре ничего не говорила. Она полистала папку. Любопытно.

— Вы даёте мне этот материал? — спросила она, закрывая папку.

— Дать его я вам не могу. Но мы можем сделать ксерокопию.

Они зашли в машбюро и сняли ксерокопию с «Устава города Королёва» — Подзольникову всюду приветствовали как свою.

Обменявшись визитными карточками, они распрощались. Ильина сказала, что у нее еще кое-какие дела в облдуме, а Подзольникова направилась к выходу, предварительно позвонив своему шоферу по сотовому. Верная своей манере вызнать о заинтересовавшем ее человеке все до конца, Клеопатра решила немного пронаблюдать за своей новой знакомой.

Алевтина подошла к «мерседесу». Молоденький водитель выскочил из машины и предупредительно распахнул для нее переднюю дверцу. «Лет на двадцать моложе Алевтины», — отметила Клеопатра. Они обменялись короткими репликами, и Клеопатра без труда определила, что между Алевтиной и ее подчиненным интимные отношения. «Молодец, баба. Своего не упустит», — подумала Клеопатра, возвращаясь в здание.

* * *

Наживка, подброшенная капитаном Черновым лейтенанту Хлоповскому, сработала безотказно: в день охоты на наркоторговцев в Королёве ни один из них не вышел в свои зоны. Да и разговор лейтенанта со своей пассией в ресторане, записанный на пленку, изобличал сотрудника милиции в предательстве. Можно было без проволочек надевать на Хлоповского наручники. Но полковник Ковалев, выслушав капитана, высказал свои соображения:

— Торопиться с арестом нам теперь ни к чему. Пусть перевертыш на нас поработает. А мы тем временем по ниточке от него постараемся весь клубок раскрутить. Надо установить за ним и за его девицей слежку.

— Людей у нас маловато, — проговорил Чернов.

— Собровцев попросим, и мои отставные учителя, надеюсь, помогут нам. А тебе придется выехать в Королёв и организовать там работу. Владимир Юрьевич обеспечит тебя всем необходимым. Советую познакомиться с биографией Хлоповского. Очень интересная. Как мы прохлопали, что нам его подсунули? Демин удружил: на тебе, Боже, что нам негоже. А вероятнее всего, деньги сработали.

Заседание областной думы закончилось рано, и Алевтина Тихоновна предложила Зулейке Ивановне заехать к ней.

— Познакомлю тебя с мужем и сыном. Они у меня оригиналы: муж — доктор наук, химик, сын заканчивает десятилетку, неплохой музыкант, мечтает поступить в консерваторию, по классу фортепьяно. Увлекается спортом. В общем, вундеркинд, и я горжусь им.

— А мужем? — лукаво усмехнулась Клеопатра.

Алевтина пожала плечами:

— И муж вполне положительный человек. Но мужей не хвалят — можно сглазить или соперниц занять.

— Ты суеверная?

— Да нет. Но чем черт не шутит.

— Он не изменяет тебе?

— Пока не замечала. Он у меня — мужчина умственного труда. У таких секс на последнем месте.

— И тебя это устраивает?

Алевтина испытующе глянула на подругу: что это — простое любопытство или желание поближе узнать друг друга, пооткровенничать? Решила — последнее, ответила с улыбкой:

— Умею обходиться. Мужей надо беречь, — и рассмеялась. — А твой тебя устраивает? Слышала, ты недавно вышла замуж, отбила у какой-то разини?

— Не отбивала. Мы познакомились с ним, когда он был уже в разводе.

— Позвони ему, пусть и он приезжает к нам. Посидим, по рюмке выпьем.

— Нет, я ненадолго. Дома дел полно. В другой раз посидим.

Квартира у Подзольниковых оказалась далеко не роскошная: две комнаты по восемнадцать квадратных метров и кухня метров семь. Не кухня, а кухонька. Обстановка тоже не блистала: давно вышедший из моды польский гарнитур «Ганка» с двумя односпальными кроватями, простенький сервант, диван... И шторы на окнах не отличались оригинальностью — широкие полотнища из синтетической ткани с яркими цветами. А вот муж Алевтины буквально приковал внимание Клеопатры: высокий, стройный, с правильными чертами лица, если не считать несколько широковатый лоб с большими залысинами. Но это плюс тронутые серебром виски придавали лицу особое обаяние. Евгений Евгеньевич, как представился муж Алевтины, напомнил Клеопатре одного из известных испанских тореадоров, с которым ее познакомили однажды на корриде. У них даже завязался короткий роман, прервавшийся внезапно из-за серьезной болезни тореадора — он подхватил то ли какой-то южный вирус, то ли СПИД, и Клеопатра порадовалась, что их отношения не зашли так далеко.

— Женя, накрывай стол. — Алевтина протянула мужу пакет с шампанским и продуктами. — А мы пока приведем себя в порядок.

Евгений Евгеньевич безропотно повиновался жене и поспешил на кухню.

— Прощу, подруга, в ванну, там есть кое-какие косметические причиндалы. Наверное, не такие, как у тебя, но брови подвести, губы подкрасить есть чем.

Когда Клеопатра вышла из ванны, в комнате находился еще один человек, юноша лет

семнадцати. Не трудно было догадаться, что это сын Алевтины и Евгения Евгеньевича. Похож он был на отца.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуй. — Клеопатра с улыбкой протянула ему руку. — Ты, значит, и есть Игорь? А меня зовут Зулейка Ивановна. Я уже наслышана о тебе. Говорят, ты прекрасно играешь на фортепьяно. Надеюсь послушать тебя.

— Сыграй, Игорек, пока мы своими делами будем заниматься, — попросила Алевтина.

Сын смущенно пожал плечами:

— Мама как всегда преувеличивает. Мне еще далеко до настоящих мастеров. — Но подошел к пианино и, помассировав пальцы, заиграл. Полились прямо-таки волшебные звуки вальса Штрауса, черный, полированный ящик будто выводил вместе с чарующими мелодиями слова: «Гуляли мы с тобой в лесу, трава и роща пьют росу...»

У Клеопатры душа запела. Так хотелось обнять этого красивого талантливую юношу, расцеловать. Права Алевтина: он гордость семьи — скромн, красив, послушен, вежлив. «А ведь и у меня мог быть такой сын или дочь, — с завистью подумала Клеопатра. — Что еще нужно для семейного счастья?»

И позже, когда они сидели за столом и пили шампанское, эта мысль не выходила у нее из головы.

Турсункул во всем любил основательность. Но не спокойную, лишенную всякого риска. Так, на лезвии ножа, он проводил грандиозные аферы, ставя на кон сотни тысяч баксов. Такого же стиля он придерживался в любых делах и вообще в жизни. Его восточная внешность, вроде простоватая, часто вводила в заблуждение партнеров.

В Королёве, куда Турсункулов прибыл для ревизии наркокурьеров и устроился в колледж тренером по фехтованию, он освоился быстро и сразу почувствовал себя как рыба в воде.

Ксивы на фамилию Акчурин не вызывали никаких подозрений. Рядовые распространители наркотиков трудились добросовестно. Правда, их работа имела один недостаток: они торговали в основном среди школьной и студенческой молодежи. Возможно, боялись среди взрослых нарваться на переодетых сотрудников правоохранительных органов.

Поначалу Турсункулов решил было побеседовать с каждым один на один и дать нахлобучку. Но потом рассудил, что боязнь агентов имеет под собой определенное основание: каждый боится за собственную шкуру и имеет на это право.

Да и раскрывать себя раньше времени ему, честно говоря, не хотелось.

Что же касалось его подопечных, учеников колледжа, где он теперь работал, то тут почва для внедрения «фени» была наилучшая. На занятия по фехтованию записалось много желающих. Возможно, их привлек экзотический, малоизвестный в Королёве вид спорта, возможно, — слухи о том, что преподаватель — мастер спорта, участник престижных соревнований.

Турсункул знал, что поначалу новички налетают, как мухи на мед, а потом происходит отсев. Так произошло в Королёве. Он был жестким и требовательным тренером, и это не все выдерживали. Но зато, приобретя верного и трудолюбивого ученика, тренер мог вить из него веревки. В данном случае он рассчитывал использовать и «феню».

На первых же тренировках он выделил Игоря Подзольникова, рослого юношу с неплохой общефизической подготовкой, сына вице-мэра и известного инженера-химика. Родители этого симпатичного юноши могли пригодиться...

Внимательно присмотревшись к Игорю, Турсункулов отметил его нервность и впечатлительность, болезненное честолюбие — он очень переживал, когда проигрывал товарищу. Парень не на шутку увлекся рапирой и с первых занятий проникся доверием к тренеру.

Игорь не скрывал, что с детства грезил о благородных рыцарских поединках на шпагах и рапирах, о мушкетерах и рыцарях.

После первых успехов в поединках Игоря начали преследовать неудачи. Их искусно и незаметно подстраивал Турсункулов. Игорь срывался, снова и снова бросался в бой с напарниками, но его противник оказывался сильнее.

Однажды после тренировки, войдя в душевую, Турсункулов обнаружил там Игоря, вытиравшего слезы. «Парень дозрел», — решил он.

Вечером за кофе он сказал своему помощнику Саньку:

— На следующем занятии дай Подзольникову «феню». Скажи, что допинг.

— И денег не брать?

— Само собой. Потом он с лихвой расплатится.

Игорь на очередной тренировке победил соперника, но Турсункул не увидел на его лице радости.

— В чем дело, Игорек? — участливо спросил он. И Игорь сознался, что принял допинг.

— Расстроился из-за этого? — усмехнулся тренер. — Ну и зря. Да сейчас многие спортсмены принимают допинг. Главное, делать это незаметно. Главное ведь превзойти своих соперников.

— Но ведь это обман, Анатолий Анатольевич, — ответил Подзольников.

— Если человек близорук, он пользуется очками. Разве мы осуждаем его за это?

— Пожалуй... — задумался Игорь. — Но почему же тогда не все спортсмены пользуются этим средством?

— По двум причинам. Во-первых, далеко не все о нем знают. А во-вторых, это очень дорогая штука, и не всем она по карману.

— А вы пользовались этим средством?

— Могу тебе признаться: пользовался! — не моргнув глазом, соврал Турсункулов.

— И каков результат?

— Результат, как говорится, налицо.

Игорь с уважением окинул взглядом мускулистую фигуру тренера.

— Ладно, что говорить, — вздохнул Игорь. — Все равно такая штука мне не по карману: у моих родителей не найдется столько денег.

Тренер лишь пожал плечами. А однажды он сказал Игорю:

— Сегодня сразишься со мной: я покажу тебе некоторые секреты фехтования.

Игорь только что проглотил таблетку. Тело начало наливаться силой. Вместе с тем он чувствовал легкость, будто выросли крылья!

Бой оказался скоротечным. Турсункул, поначалу решивший для пользы дела сыграть в поддавки, столкнулся с необычайным упорством, раззадорился и стал сражаться в полную силу. Не тут-то было! Подзольников теснил его по всем правилам фехтовальной науки. Все, кто находился в зале, окружили помост, следя за поединком.

Турсункулов в конце концов выбился из сил. Игорь одержал чистую победу!

Домой он летел как на крыльях. Чувство удивительной легкости, невесомости и вместе с тем желания подвига не покидало его.

Торжествовал и Турсункул. Рыбка заглотнула наживку.

Алевтина Тихоновна заметила нечто необычное в поведении сына:

— Что с тобой произошло, Игорек? Ты словно живой воды напился.

— Так и есть, — засмеялся Игорь.

— Гормон играет. Парень наш вступил в полосу возмужания, — сказал отец.

Между тем Игорь и не заметил, как потребность в допинге стала постоянной. Без препарата он чувствовал себя слабым и вялым.

Однажды друг сказал, что препарат кончился. Для Игоря это было потрясением. В тот день все у него валялось из рук. Он даже умудрился схватить — неслыханное дело! — двойку по математике. К вечеру началась ломка. Все тело покрылось потом. Казалось, его выворачивает наизнанку. Всю ночь Игорь метался в кровати, не в силах заснуть. Сбежал на кухню, достал из холодильника початую бутылку шотландского виски, которая осталась от недавних отцовских именин. Однако алкоголь только усугубил состояние. Еле дождавшись

утра, он побежал к другу.

Тот встретил его в трусах и майке — делал утреннюю зарядку. Увидев запыхавшегося, еле держащегося на ногах Игоря, приятель догадался, в чем дело.

— Зернышки кончились, — сказал он сочувственно и внимательно посмотрел на Игоря. Тот в отчаянии опустил голову, готовый разрыдаться.

— Осталось, правда, несколько шпучек, — продолжил приятель после томительной паузы, — но я оставил их для себя, на соревнования в Санкт-Петербурге.

— Санек, — взмолился Игорь, — Я... Я сколько хочешь заплачу.

— Ладно, — вдруг согласился Санек. — Где наша не пропадала. Ну, не займу я первое место, это не трагедия.

Через полминуты Игорь принял «феню», и преобразование свершилось. Щеки его порозовели, плечи расправились. Взгляд прояснился.

— Ну, что? Готов к бою, хвост трубою? — спросил Санек.

Игорь благодарно улыбнулся:

— Готов!

* * *

Встреча с активистами профсоюзного движения в сфере обслуживания и социальных услуг была назначена на субботу.

Клеопатра многого ожидала от этого мероприятия, тщательно к нему готовилась, написала тезисы выступления.

Алексей собирался в банк. Работа его увлекла. Оказалось, что банк — мощный рычаг экономической и политической деятельности общества. Финансовые потоки — это кровеносные жилы организма, именуемого государством.

Алексей пытался рассказывать жене о своей работе, но ей это быстро наскучило.

— Друг мой Леша, — сказала она однажды, когда Алексей достал ее своими разговорами, — ты знаешь, что начертал один умник на воротах концлагеря?

— Что?

— Каждому свое. У тебя своя работа, у меня — своя.

— Между прочим, за три тысячи лет до этого умника эту фразу произнес Соломон.

— Тем более.

После ядовитого замечания супруги Алексей уже не решался говорить с ней о своей работе. Вот и в это утро они вели беседу на нейтральные темы. Они уже кончали завтракать, когда в столовую вошел Гримо.

— Есть срочное сообщение, хозяйка, — произнес он.

— От кого? — подняла на него глаза Клеопатра.

— Ну... это... от нашего друга... — замялся Гримо.

Клеопатра мигом сообразила, что речь идет об их информаторе из УБНОНа. Но она строго-настрого запретила говорить о нем при ком бы то ни было.

— Проходи ко мне в кабинет, я сейчас, — сказала Клеопатра.

Ильин удивленно посмотрел ей вслед.

— Извини, Лешенька, чисто служебный разговор, — на ходу бросила Клеопатра.

Гримо сообщил: в городе Королёве сегодня вечером ожидается облава на наркоторговцев.

— Надо предупредить наших распространителей, — сказала Клеопатра. — Отправляйся к Турсункулову. Поставишь перед ним две задачи. Первая — упредить удар милиции. Вторая — сохранность «фени». Может быть, эта задача даже более важная, чем первая. Нельзя, чтобы в руки ментов попал наш наркотик. А у Турсункула, судя по последним отчетам, еще приличный запас имеется. Надежно ли он спрятан — вот вопрос. В любом случае — пусть перепрячет.

Когда дверь за Гримо захлопнулась, Клеопатра ласково проворковала:

— Прости, милый. Все дела да дела. Кофе попить не дадут.

Ильин не раз слышал слово «феня», даже от сотрудников банка.

— Ты опять за старое взялась? — сказал он с упрёком.

Клеопатра пожала плечами:

— Мы же с тобой уже обсуждали эту тему: «феня» — не наркотик.

— А что же это?

— Лекарство!

— Но по радио я слышал другое. Говорят...

— Говорят, говорят, — раздраженно перебила Клеопатра. — Говорят, в Москве курдят. Поменьше слушай, что говорят.

«А может, и в самом деле „феня“ — особое такое лекарство, — мелькнуло у нее в голове. — Эдакое психотропное средство сильного действия...» Ведь пресловутую «феню» никто толком не исследовал. Вот героин поначалу считался лекарством и применялся в лечебных целях, это впоследствии выяснилось, что он один из самых сильных наркотиков. Конечно, научное исследование «фени» влетит в копеечку, но если окажется, что она может влиять на расстроенную психику, на разные болезни, то это принесет не только выгоду, но и славу.

По дороге Клеопатра обдумывала сложившуюся ситуацию.

Лаборатория по синтезу наркотиков переехала на новое место, в Битцевский парк, но Клеопатра понимала, что это позволило лишь на время ускользнуть от ментов. Через месяц-другой Чернов обнаружит лабораторию. Клеопатра затылком чувствовала его дыхание — на эти вещи у нее был нюх. Надо было срочно искать новое место для производства препарата. Лучше всего в области.

И здесь ей на помощь пришла Подзольникова. Она порекомендовала под трикотажную фабрику (именно так объяснила Зулейка свою проблему) прелестное местечко в урочище Коровьем, в двадцати четырех километрах от Королёва.

— Нам, Аля, нужно годика два побыть за глухой стеной, чтобы окрепнуть, избавиться от конкурентов, встать на ноги.

— А как финансовые документы? — поинтересовалась вице-мэр.

— С документами будет все в полном ажуре. Копии я предоставлю. Налог в городскую казну будем платить без проволочек.

Последний аргумент оказался решающим.

Место это было труднодоступным — лесной массив, болото. Как раз то, что надо. Так как существовавшая здесь когда-то дорога заросла чертополохом и пришла в негодность, оборудование, контейнеры с сырьем, приборы пришлось доставлять на армейских вездеходах — Клеопатра договорилась об этом с командованием расположенной неподалеку воинской части. Остальное довершили работяги синдиката под неусыпным оком двужильного Турсункула.

Конечно, передислокация вновь обошлась в копейчку, но доходы, особенно от «фени», потребление которой росло, с лихвой перекрыли затраты.

Алевтина была рада, что сделала доброе дело не только для подруги, но и для родного города: Клеопатра исправно платила в городскую казну налог, который составлял ощутимый довесок к местному бюджету.

В комиссии по социальной защите, которую Клеопатра возглавляла в Мособлдуме, она тоже применила свои методы работы, и результаты не замедлили сказаться. Если раньше, при прежнем руководителе, работа шла ни шатко, ни валко, многие бездельничали, а работа оценивалась по дутым, частенько липовым отчетам, то теперь все изменилось.

Прежде всего Клеопатра ввела строжайшую отчетность, затем взаимный контроль. Тем, кто отлынивал от работы, устраивала выволочку на пленарных заседаниях, невзирая на лица и чины. Поначалу ее методы были встречены в штыки, но она сумела настоять на своем. И во время очередного совещания губернатор положительно оценил ее работу, а комиссию назвал лучшей. В депутатской деятельности Клеопатре помогала неутомимая Люсинда. Она везде поспевала, поручения выполняла толково, и Клеопатра подумывала повысить ее в ранге, оформить официальной помощницей.

* * *

Решив досконально исследовать «феню», Клеопатра вовсе не думала о здоровье народа. Во-первых, ей хотелось удовлетворить собственное любопытство. А во-вторых... Она уже задумывалась о будущем. Как бы хорошо сейчас ни было, а чувство опасности ее не покидало.

Кому отдать «феню» на анализ? Поразмыслив, решила поговорить с заведующим лабораторией, который, собственно, и синтезировал с несколькими помощниками новый наркотик. Химик не удивился ее вопросу — похоже, он и сам размышлял об этом.

— Отдавать «феню» на анализ опасно, Зулейка Ивановна, — сказал он. — Все лаборатории, где есть необходимое для этого оборудование, находятся под контролем спецслужб. Но есть один вариант: не надо исследовать всю «феню». Достаточно сдать на анализ только главную ее составляющую — африканское снадобье. Все остальное — банальный наркотик, проверенный вдоль и поперек.

Клеопатра задумалась:

— Может быть, ты и прав.

Конец рабочей недели для Клеопатры, как и для остальных членов облдумы, был особенно напряженным, поэтому приглашение Алевтины на дачу, на шашлыки, оказалось очень кстати.

Уикенд складывался как нельзя лучше. Подвыпивший Евгений Евгеньевич был в отличном настроении, заботливо ухаживал за «милой Зулейкой». Не отставала от мужа и хозяйка. Только вот сына на даче не оказалось.

— Хандрит сынуля, — вздохнула Алевтина. — Перепады настроения, что ли.

— Ничего странного, переходный возраст, — сказал Евгений Евгеньевич.

На открытой веранде вкусно пахло шашлыками. Пока Алевтина, взяв в руки бразды правления, распорядилась по хозяйству, Евгений Евгеньевич и Клеопатра устроились в беседке. Он принялся рассказывать о своей работе, которая, хотя и была интересной,

приносила сушие гроши. Говорил о том, что наболело. Поначалу Клеопатра слушала его лишь из вежливости, но когда он упомянул, что недавно делал спектральный анализ сложнейшего соединения, сонное состояние с нее слетело.

— Вы и органическое вещество можете исследовать? — спросила она.

— Конечно. У нас комплексный подход.

— Знаете, Евгений Евгеньевич, я могла бы вам подкинуть одну работенку. Фармацевтической компании требуется срочный анализ вещества. Заплатят они прилично, я гарантирую. Одно условие — полная анонимность. Знаете, конкуренты, то да се...

— Понятно.

Когда Ильина назвала сумму, Евгений Евгеньевич присвистнул. Клеопатра достала из сумки пакетик и протянула его химику:

— Сделаете ко вторнику — гонорар удвоится.

— Постараюсь, — ответил он.

Евгений Евгеньевич сдержал слово и уложился в срок, но результаты, которые он сообщил Клеопатре, ужаснули ее:

— Очень сильнодействующее вещество. Я советовался в Академии медицинских наук, не раскрывая, конечно, карты. В чем-то градиент сродни нервно-паралитическому газу, он воздействует на клетки головного мозга. Способен вызвать глюки. Передайте своим фармацевтам, его можно применять только в самых ничтожных дозах.

— Непременно передам, — заверила Клеопатра.

* * *

Игорь не по дням, а по часам терял человеческий облик. Он превратился в тень. Клянчить у друга пилюли стыдно — уже столько задолжал, что не знал, как рассчитаться.

Пропал сон. Лишь когда сваливался в полном изнеможении, погружался в смутное забытье. Странные видения, без начала и конца, посещали его в самое неподходящее время. В такие минуты взгляд его застывал, а сознание как бы отключалось. Занятия он забросил, как школьные, так и спортивные.

После серьезного разговора с директором колледжа Алевтина Подзольникова вернулась домой расстроенная: дело обстояло гораздо хуже, чем она предполагала. Они с мужем решили попытаться выяснить, что происходит с сыном.

Вечером, как обычно, собрались на кухне за ужином. Игорь задерживался у себя в комнате.

— Надо Игоря врачу показать, — сказал отец.

— Он не хочет к врачу, хоть убей, не соглашается, — покачала она головой.

— Ты, кажется, собиралась поговорить с его тренером.

— Говорила.

— Как видишь, толку никакого.

— Вижу, не слепая.

— Игорь, к столу! — крикнул Евгений Евгеньевич, потеряв терпение. Не дождавшемуся ответа, он заглянул в комнату сына:

— Тебе что, нужно особое приглашение?

Через несколько минут Игорь вышел на кухню. Он был бледный, как покойник, глаза

бессмысленно блуждали.

Сегодня он чувствовал себя особенно скверно. И это при том, что вчера Александр выдал ему — в последний раз! — обычную порцию препарата на два приема. Весь ужас состоял в том, что его организм каждый день требовал все больше и больше зелья. Игорь сел за стол так, словно у него подкосились ноги. Он поковырялся вилкой в салате и отодвинул тарелку в сторону.

— Ты перекусил в колледже? — спросила мать.

— Нет.

— Тогда почему не ешь?

— Аппетита нет.

— Что за фокусы, Игорь! — произнес отец тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Ешь немедленно, не выводи меня из терпения.

Игорь не реагировал. Он с трудом отличал явь от видений. Кухня то заполнялась какими-то лицами, то становилась пустой, и только два бубнящих поочередно голоса — мужской и женский — нарушали покой измученного мозга. Эти голоса раздражали, хотелось от них отделаться, забыться.

Но «феня» оказывала на его мозг еще одно странное действие: Игорь каким-то образом научился угадывать мысли собеседников — правда, не все мысли, а только частично, — а также предвидеть некоторые события. Однако этот дар еще больше загонял парня в депрессию.

— Сынок, что было сегодня в колледже? — Мать попыталась смягчить грубость отца. — Скажи, ты видел Анатолия Анатольевича?

Игорь исподлобья посмотрел на нее. Мать, не выдержав, отвела глаза.

В мозгу Игоря промелькнули разрозненные фрагменты встречи матери с тренером. Он усмехнулся:

— В шлюхи ему набиваешься?

— Ты что матери говоришь?! — закричал отец. — Совсем рехнулся?!

— Она прекрасно знает, что я ей говорю, — все с той же усмешкой отвечал Игорь.

Алевтина несколько секунд сидела, как громом пораженная, потом зарыдала.

— Сейчас же извинись, мерзавец. — Отец поднялся из-за стола. — Ты уже взрослый и обязан отвечать за свои слова.

Его голос показался сыну тоньше комариного писка. Игорь только досадливо отмахнулся, продолжая упорно смотреть в одну точку.

Отец отвесил ему оплеуху. Удар был такой сильный, что Игорь упал со стула.

— Немедленно извинись перед матерью, — приказал Подзольников-старший.

Игорь неожиданно поднялся, схватил со стола нож и вдруг пошел на родителей. Отец и мать замерли на месте. Их гордость, отличник и победитель математических олимпиад в колледже, стеснительный и вежливый, превращался в дикого зверя. Однако движения его были странно замедленны, как у сомнамбулы, и это несколько облегчило ситуацию: отец сумел уклониться от удара.

— Игорь, мальчик, ты что?.. — пробормотал он.

Игорь не слушал. Он продолжал наступать, медленно махая ножом.

— Сын, остановись! — закричала Алевтина, видя, как Игорь преследует отца, кружась вокруг стола. Парень двигался словно робот.

Отец медленно пятился, совершенно растерявшись. Потом схватил со стола вилку,

видимо, не столько для защиты, сколько чтобы отвлечь внимание Игоря. Но вилка в руке родителя не произвела на юношу никакого впечатления. Он сейчас находился в весеннем лесу, среди белоствольных берез. Его пригласил в эту рощу тренер, который незаметно стал главным человеком в жизни, которого он любил и ненавидел.

Да, а где же он? Пригласил его в рощу — и исчез, растаял в воздухе. И вот Игорь остался один. Он увидел странный прибор, похожий на жертвенник. На его плоской поверхности четыре круглых отверстия, из одного вырываются синие языки пламени. Кого это собираются тут сжигать? Сердце Игоря похолодело от ужаса: сжигать-то собираются не кого-нибудь, а именно его. Как он сразу не догадался? Не для того ли и позвал его сюда тренер?..

Но он не сдастся без боя: не зря учился фехтовать.

Появилось странное существо — вероятно, ведьма. Круглолицая, умело прячущая хвост под юбку, кого-то отдаленно напоминающая. Каждое ее слово ужасно раздражало Игоря. Но вот из-за деревьев показался здоровенный рукастый мужик с козлиной бородкой. Игорь испугался, что пришелец сейчас его придушит и труп возложит на жертвенник.

Его опасения подтвердились: мужик отвесил ему затрепину, и Игорь очутился на земле. Но земля в этой проклятой роще была ровная как пол, покрытый линолеумом, и расчерченная черно-белыми квадратами.

Что ж, он дорого продаст свою жизнь.

Игорь схватил с жертвенника нож, — тоже, возможно, приготовленный для него, — и ринулся на врага. Тот начал отступать, а ведьма закричала, что этот жрец — его отец. Ничего лучше она выдумать не могла.

Игорь вступил в поединок со жрецом. Тот для обороны схватил какой-то трезубец, но у Игоря выхода не было, и он продолжал наступать. Они кружили вокруг жертвенника, а ведьма продолжала что-то кричать.

Сделав удачный выпад, Игорь зашел сбоку, занеся нож над жрецом. В то же мгновение ведьма подскочила к ним, брызжа слюной и визжа от ярости. Она явно была на стороне жреца, так что силы были неравны.

Пинком ноги он отбросил ведьму, но упустил благоприятный момент. Жрец увернулся из-под ножа и попытался оттолкнуть Игоря. Почему-то и жрец, и ведьма упорно называли его сынком, что только усиливало его ярость.

Игорь разгадал коварную тактику жреца: тот хотел вымотать его и обессилевшего завалить. Нет, он не сдастся. Изловчившись, Игорь ткнул жреца ножом в бок. Тот вскрикнул и опустился на колени. Игорь занес руку для второго удара — нож напоминал ему маленькую рапиру. Но ведьма схватилась за лезвие, пытаясь отвести удар. Клинок разрезал ей ладонь, но она не выпустила его.

Жрец истекал кровью, но врага необходимо было добить, иначе он соберется с силами и убьет его.

— Отойди, ведьма, — сказал Игорь и попытался оттолкнуть женщину.

— Опомнись, Игорь! Это же твой отец! — закричала она, не выпуская лезвия.

В какой-то миг словно пелена спала с его глаз, и ему почудилось, что это и в самом деле его родители. Но это было настолько чудовищно, что он призвал на помощь всю свою волю.

Он схватил ведьму за волосы, пытаясь оттолкнуть, чтобы не путалась под ногами. Она взвыла от боли и укусила его за руку. Все ладони ее, даром что ведьма, были изрезаны, с них тоже капала кровь. Тогда он изо всей силы ударил ее ногой в живот. Она рухнула на землю,

на какое-то время потеряв сознание. Игорь с удвоенной яростью начал наносить удары ножом по рыхлому телу жреца. Вся одежда на жреце была изрезана и окровавлена, под ним образовалась лужа крови.

Наконец, обессилев, Игорь остановился. Жрец лежал неподвижно. Остекленевшие глаза глядели ввысь без всякого выражения. Он был мертв. На солнце он смотрит, что ли? Похоже, да. Только мертвый может смотреть на светило немигающими глазами. Но солнце какое-то странное: оно представляет собой какие-то сверкающие сосульки. А среди них целых три солнца! Где он — на другой планете, что ли? И березки куда-то исчезли. Только жертвенный огонь продолжал пылать.

Ведьма вздрогнула и открыла глаза. Выражение их становилось все более осмысленным. Наконец она вскочила на ноги и без всякого страха подбежала к Игорю, который все еще сидел на земле рядом с трупом жреца, тупо разглядывая окровавленный нож.

— Игорь, ты убил отца! — сказала она.

— Врешь, ведьма, — произнес он, глядя в пол. — Я убил жреца.

Она с трудом поднялась с пола и положила ладонь Игорю на лоб. Рука была горячей и влажной от крови.

— Мальчик мой, — проговорила она с нежностью. — Посмотри внимательно: ты находишься дома. Это кухня. А это, перед тобой, — твой отец.

Не столько слова, сколько звуки ее голоса что-то пробудили в сознании Игоря. Он глубоко вздохнул, огляделся и произнес:

— А солнце откуда?

— Ну какое же это солнце, — покачала головой женщина. — Это люстра, обыкновенная люстра. Понял?

Игорь окончательно пришел в себя:

— Мама?

— Я, сынок.

Она осторожно вынула из его рук окровавленный нож и положила его рядом, на пол. Потом взяла голову сына и прижала к груди.

— Игорек, что с тобой? Расскажи мне теперь все-все, — ласково попросила она. — Ты принимал какие-нибудь таблетки в последнее время?

— Принимал.

— Что именно?

— Зернышки.

Она кивнула, словно отвечая собственным догадкам, которые подтвердились.

— Героин, что ли? Тебя посадили на иглу?

— Нет, мама, не героин. И никто меня на иглу не сажал. А зернышки эти просто пьют, вот и все. Они созданы специально для спортсменов — они стимулируют умственную и физическую деятельность.

Мать вздохнула:

— Вижу, как они стимулируют.

Взгляд Игоря остановился на убитом отце. Некоторое время он смотрел на неподвижное тело, словно громом пораженный, затем закрыл лицо руками. Узкие, острые мальчишеские плечи затряслись от рыданий. Когда пароксизм отчаяния прошел, он убрал руки с лица.

— Как называются эти зернышки? — спросила мать.

— Не знаю, мама, — ответил Игорь. — Знаю только, что жить без них теперь не могу.

— Кто тебе их давал?

— Мама, я не могу тебе это сказать. Понимаешь, я дал клятву.

— Какое значение имеют любые клятвы перед тем, что произошло?

— Пойми, мама. Если я назову этого человека, он перестанет их мне давать. Тогда мне хана... Впрочем, мне хана и так.

— Пстой-ка, сын. — Кажется, Алевтина начала о чем-то догадываться. — Анатолий Анатольевич знал, что ты принимаешь допинг?

Игорь замахал руками:

— Не надо о нем, мама...

Всего несколько минут продлилась страшная сцена на кухне, но Алевтине казалось, что прошла вечность с того момента, как Игорь вошел сюда. Тогда все было в другой, теперь уже совсем далекой жизни. Она посмотрела на неподвижное тело Евгения и вытерла слезы. Не время рыдать, необходимо действовать.

Она поднялась с пола.

— Ты куда, мама? — спросил Игорь.

— Нужно позвонить в милицию. Вызвать оперативников, ведь произошло убийство. Но ты, сынок... — Она тщетно старалась проглотить ком в горле. — Тебе бояться нечего: ты был в невменяемом состоянии.

— Я и не боюсь.

Положение Алевтины, она это понимала, сильно осложнялось тем, что следствие, выйдя на Акчурина, установит и ее связь с ним; придется признаться, что он, видимо, и ей подсыпал какую-то гадость, но отступить нельзя. С ним она сама рассчитается.

Вслед за матерью поднялся и Игорь и неслышно, словно тень, последовал за ней. У него снова началась ломка и глаза заволокла пелена безумия.

Она услышала шаги и обернулась:

— Что тебе?

Не ответив, он схватил ее за руку и сжал так сильно, что у нее захватило дух.

— Хочешь убить меня?! — вскрикнула Алевтина. — Давай, кончай.

Он еще сильнее сжал ее руку.

— Вот возьми на столе нож, — продолжала она. — Может быть, так будет лучше для тебя и меня. Ну, что медлишь?

Хватка у Игоря была железной. Не отпуская руку матери, он подтащил ее к столу и схватил нож. Алевтина закрыла глаза. Но сын, немного помедлив, отшвырнул нож в угол.

Игорь отчаянно боролся с собой, но ломка была сильнее. Мать перед его глазами то исчезала, то появлялась в виде отвратительной ведьмы. Но она так смотрела на Игоря, что к нему на несколько мгновений вернулось сознание — словно лучик пробился сквозь тучи.

— Почему ты так похожа на маму? — жалобно спросил он. — Как ты это делаешь?

— Я не ведьма, сынок, я действительно твоя мама.

— Врешь, ведьма!

Он подскочил к окну, рывком распахнул его, вскочил на подоконник и, взмахнув руками, словно крыльями, шагнул в пустоту.

Алевтина только успела схватить его за рукав, но сын рванулся с такой силой, что в ее руках остался только лоскут рубашки.

В полубезумном состоянии Алевтина выскочила на лестничную площадку. У нее была

одна мысль — спасти Игоря, спасти любой ценой. Кто-то из жильцов вышел из лифта, и она бросилась в кабину, чуть не сбив его с ног.

— Алевтина Тихоновна, что случилось? — изумленно спросил мужчина.

Внизу возле распростертого тела Игоря уже собрались несколько человек. Увидев Алевтину, они расступились.

Игорь лежал, неловко подвернув ногу, словно бежал, споткнулся и упал. Голова была откинута. Рубашка на груди была забрызгана кровью — Алевтина знала чьей. Она опустилась перед ним на колени и не придумала ничего лучшего, как начать делать ему искусственное дыхание.

— Скорую надо вызвать, — не выдержал кто-то из соседей.

Она лихорадочно похлопала себя по карманам — мобильник остался дома.

— Что же вы стоите?! — крикнула Алевтина. — Вызовите неотложку!

— Сейчас позвоню, — сказала дворничиха и бросилась в парадное.

* * *

Нет, не зря полковник Ковалев советовал ему досконально изучить дело Хлоповского и встретиться с его бывшим наставником капитаном Ефременковым. Много интересного узнал Игорь Чернов, а личное наблюдение за подчиненным высветило, как рентгеном, всю его натуру. И Чернов не ошибся, рассчитав, как будет действовать Хлоповский, когда получит от него задание доставить в НИИ на исследование наркотик. Хлоповский конечно же сразу позвонил Турсункулу.

— Анатолий Анатольевич, мне тут коллеги «феню» вручили. В НИИ приказали на исследование доставить. Как быть?

Турсункул опешил — и от такого сообщения, и от того, что этот недоношенный мент открытым текстом говорит по телефону!

— Ты что-то путаешь, парень, — наконец пришел в себя наркобосс. — Во-первых, я не Анатолий Анатольевич. Во-вторых, если хочешь со мной познакомиться, приезжай в кафе «Минутка».

— Когда?

— Сейчас, — со злостью ответил Турсункул и бросил трубку. И хотя потом они вели разговор за стенами кафе, на открытом воздухе, Чернов не только слышал их диалог, но и записал на пленку.

— Ты что забыл, что Ачкурин был там, в Королёве, а здесь я Турсункул Турсункулович? Во-вторых, ты же в милиции служишь, разве вас не учили методам прослушки?

— Учили. Но я же по мобильнику.

— Да хоть по пердильнику! — свирепел Турсункул. — Надо голову иметь на плечах, а у тебя... Ладно, будем надеяться, что твои начальники такие же лохи, как и ты. Значит, раздобыли они «феню». Сколько капсул тебе дали?

— Всего три.

— Давай их сюда.

— А как же?.. — Хлоповский от перепуга стал заикаться.

— Вот так. В НИИ отвезешь вот эти капсулы. Видишь, они похожи.

— Что это?

— Биостимулятор Барро. Лекарство от импотенции и аденомы предстательной железы.

— Слыхал. По радио часто рекламируют. Но говорят, это чистейшая лажа.

— Не наше дело. Раз продают в открытую, значит, не наркотик...

Вот такой разговор записал капитан Чернов. Много стало ясным — и куда исчез Анатолий Анатольевич Акчурин, и как собираются уйти от ответственности наркодельцы. Непонятно было Чернову одно — как удалось Турсункулу превратиться в Акчурина и Акчурину — в Турсункула. Прямо-таки новоявленный Фантомас. Уметь так менять внешность... Не удивительно, что опера просмотрели «рапириста» из Астаны.

На другой день Хлоповский привез из НИИ отчет об исследовании «фени».

— Вы все три капсулы отдали на анализ? — спросил Чернов.

— Так точно, все три.

— И они не вернули вам ни одной?

— Так точно, не вернули, — как солдат первогодок, отчеканил лейтенант.

— Так, — сказал капитан. — Садитесь, — указал на стул напротив. — Значит, вы отдали им на исследование то, что я вам передал?

— Так точно. — Голос Хлоповского вдруг дрогнул, и лицо покрылось испариной.

— Что это с вами? — усмехнулся Чернов. — В глаза, в глаза мне смотрите!

И испарина вмиг превратилась в мелкие капли пота, потом в ручейки, покотившиеся по щекам.

— Так что вы отдали на исследование? — уже жестко спросил Чернов. — Предупреждаю: только чистосердечным признанием вы можете смягчить свою вину. Это? — И капитан положил перед Хлоповским капсулы биостимулятора Барро.

Хлоповский не стал отпираться и рассказал все: и про Турсункулова, и про Зулейку Ивановну Ильину, и про то, кому доставляется «феня». Но где находится лаборатория по производству наркотика, он не знал.

И Чернов этому поверил.

— Нарисуйте мне на бумаге все объекты и точки, которые вам известны, принадлежащие Ильиной и Турсункулу...

* * *

Известие о том, что Игорь Подзольников зарезал отца и выбросился с двенадцатого этажа, потрясло Клеопатру. Как же так? Такой скромный, послушный мальчик, такой талантливый! Ей искренне было жаль и его, и отца, симпатичного мужчину, обещавшего помочь в новом, более детальном анализе «фени». Но с этим она подождет, найдется другой человек, связанный с НИИ Сербского. А вот этих симпатичных, милых людей уже не вернешь. Бедная Аля, как она там? Сразу решила позвонить ей, выразить соболезнование, но телефон молчал. Клеопатра помчалась в Королёв.

Алевтину она увидела, когда та шла, пошатываясь, из подъезда дома к машине. Вид у нее был ужасный. Растрепанные волосы, глаза... белесые, не видящие ничего вокруг. Как во сне Алевтина прошла мимо нее, наткнулась на мусорную урну, постояла, покачиваясь из стороны в сторону. Затем обхватила голову руками, застонала громко, безысходно. Подбежавший водитель бережно усадил ее в машину. А потом... Сообщение по радио еще больше потрясло Клеопатру и расстроило: оказывается, Игорь принимал какой-то новый

наркотик, еще неизвестный нашим медикам, принял слишком большую дозу и сошел от этого с ума. В том, что юноша принимал «феню», Клеопатра не сомневалась, ведь Игоря тренировал Турсункул.

Клеопатра позвонила Турсункулу и велела немедленно к ней явиться.

— Объясните мне, что произошло с сыном вице-мэра Игорем Подзольниковым, — потребовала она.

— Он принял слишком большую дозу, — спокойно ответил Турсункул, — наверное, тройную. Хотел победить самого лучшего рапириста. Это было накануне соревнований. Игорь был слишком честолюбив, считал себя талантливее всех и лучше всех.

— Разве это не так?

— Он не плохой, но далеко не лучший.

— Зачем же ты поставил его с сильным противником?

— Он сам его выбрал.

— Ты сделал анализ «фени», как обещал?

— Только недавно мне принесли.

— И что?

Турсункул пожал плечами:

— Как и всякий наркотик, как алкоголь: нормальная доза — возбуждает на любовь, небольшой перебор — дает силу, энергию, чрезмерное употребление чревато непредсказуемыми последствиями. Но кто мог предположить... Хотя медикам надо еще доказать, что парень сошел с ума от передозировки.

Клеопатра поднялась с кресла и стала ходить по кабинету. Потом остановилась напротив Турсункула:

— Надо прикрывать лавочку.

— Да вы что, хозяйка? Столько вложили в это дело, и такой дает навар! Выкрутимся как-нибудь, не впервой.

— Как ты выкрутишься, когда вся милиция Москвы и Подмосковья поставлена на ноги, радио и телевидение только и твердят об этом? Тут никакой суммой не откупишься, милиция ради престижа сделает все, чтобы докопаться до истины.

— Не преувеличивайте, хозяйка. С наркотой московские менты давно борются, и главное у них направление — отлавливать наркокурьеров из Афганистана и Таджикистана. Поверьте мне, у меня точные сведения. А то, что «феня» производится в Подмосковье, это только предположение капитана Чернова. Не надо пока суетиться. Вот прояснится обстановка, тогда решим, что делать.

— Я хочу съездить на похороны Подзольниковых. Выразить соболезнование, и, возможно, кое-что узнаю.

— Ни в коем случае! — запротестовал Турсункул. — Алевтина может догадываться, откуда ветер дует.

— Почему?

Турсункул виновато пожал плечами:

— Виноват я, хозяйка. Бес попутал...

— Ты использовал «феню», чтобы трахнуть ее?

— Говорю же — бес попутал.

— Ну, шакал. Ну, кобелина! Мало тебе других женщин? На вице-мэра позарился. Разве я для тебя завела дружбу с ней?! И вон чего натворил. — Она снова нервно прошлась по

кабинету. И снова остановилась напротив, прожигая его гневно горящими глазами. — Ну, смотри у меня! Выкручивайся как можешь. Если жареным запахнет, ты первый сгоришь.

После смерти Игоря Подзольникова Клеопатра особенно привязалась к дочке Ильина. Что же касается Светы, то она души не чаяла в новой жене отца.

Возвращаясь из банка, Алексей несколько раз заставал дома одну и ту же картину: Клеопатра и Света лежали на тахте перед камином. Света клала на ее живот свою голову, и они молчали.

Алексей от души радовался их дружбе, старался не нарушить их идиллии, уходил на кухню, а Света, когда он вдруг появлялся, даже ухом не вела.

Практически Света переселилась к ним в дом. Наташа поначалу возражала, не хотела отдавать девочку, грозила бывшему мужу судом и всяческими неприятностями, но за дело взялась сама Клеопатра, и с помощью кругленькой суммы в баксах, от которой Наташа только изумленно разинула рот, не в силах вымолвить ни слова, погасила конфликт. Но погасить конфликт с милицией теперь никак не удастся; производство «фени» надо свернуть.

— Все мы устали, нам надо отдохнуть, — сказала Клеопатра Алексею.

— А как же школа? — спросил практичный Алексей.

— Я все обдумаю, — ответила она.

В предвидении грядущих кровавых разборок Клеопатра решила удалить куда-нибудь подальше от «театра военных действий» самых дорогих ей людей — Алексея и Свету. Куда удалить — она пока окончательно не решила.

Оставалась еще грандиозная проблема: что делать с «феней»? Кому сбыть? Короткий период растерянности, когда новый наркотик проявил свои самые коварные свойства, прошел. О том, чтобы просто уничтожить запасы нового наркотика, не может быть и речи. Слишком большие деньги она в него вложила.

Клеопатра вызвала на «малый хурал» Турсункулова и Саркисяна. На повестке дня был один вопрос — судьба «фени».

Клеопатра подробно обрисовала ситуацию, не избегая острых моментов. Когда закончила, в кабинете наступила тягостная тишина. Такая тишина бывает только перед грозой.

— «Феня» — это бомба с тлеющим запалом, — наконец нарушил молчание Турсункул. — И самое страшное: мы не знаем, какой длины бикфордов шнур.

— Продавать «феню» нельзя. Это... кощунство. Это все равно что отрезать себе голову, — проговорил Саркисян.

— Саркис, не надо преувеличивать, — сказала Клеопатра.

— Ничего я не преувеличиваю. Прошу прощения, но вы оба не финансисты. Вы не понимаете, что продажей «фени» мы нанесем себе такой удар, от которого не оправимся.

— Если «феню» не продать, она в конечном счете нас погубит. Ты же знаешь, Саркис, какая вокруг нее заварилась каша.

— И не такое бывало. Расхлебаем и эту кашу, — ответил Саркис.

— Можно и подавиться такой кашкой, — напомнил Турсункул.

— Ты... лучше помолчи, — окоротил его Саркис. — Это ты во всем виноват, ты заварил эту кашу. А нам приходится расхлебывать.

— Это в чем же, Саркис, я виноват? — подозрительно тихим голосом спросил Турсункул.

— Сам знаешь.

— Нет, ты скажи.

— И скажу! — крикнул Саркис и вытер платком вспотевшую лысину. — Это ты, рапирист несчастный, фактически погубил мальчика, ты вызвал в этом городе цепь несчастий, которую теперь не разорвать.

— Нет, вы видали такого чудака на букву мэ? — обиделся азиат. — Это же надо уметь — все поставить с ног на голову! В чем моя вина? В том, что я способствовал распространению наркотика? Что благодаря мне рос круг покупателей?

— Послушай, Турсункул, не прикидывайся невинной овечкой. Без твоей дурацкой затеи в Королёве ничего бы не случилось. И вопрос о ликвидации дела теперь бы не стоял. Ты — убийца!

Вместо ответа Турсункулов встал и грозно пошел на банкира. Саркисян тоже встал, сжал кулаки.

— Эй, петухи! А ну по местам! — грозно прикрикнула Клеопатра.

Мужчины послушно сели на свои места.

— Делать вам нечего, корабль тонет, а они затеяли потасовку.

Саркисян и Турсункул сидели, опустив головы, как нашкодившие школьники.

— Теперь слушайте, что я скажу, — продолжила Клеопатра, — если мы срочно не избавимся от «фени», последствия могут быть очень серьезными. Я много думала над этим и пришла к выводу, что «феня» — чугунная чушка, висящая на шее. Если мы хотим выплыть, то должны срочно от нее избавиться.

— Если вы так ставите вопрос, — проговорил Саркисян, — то я... не возражаю. Продадим эту «феню» к едрене фене и развяжем себе руки.

— Давно бы так! — кивнула Клеопатра и хлопнула ладонью по столешнице. — Все, вопрос решен.

Вечером она вручила Алексею заграничный паспорт, разрешение матери Светы на выезд дочери и приказала:

— Завтра возьми билеты в Испанию. Вас встретит моя экономка.

— Что так срочно, а ты? — удивился Ильин.

— Так надо, Леша. Я прилечу через три дня.

* * *

На рассвете белоснежная яхта «Афродита» бросила якорь у скалистого островка недалеко от Кипра. Отдав необходимые распоряжения, капитан яхты спустился в кают-компанию, чтобы доложить госпоже Зулейке о прибытии в пункт назначения.

— Спасибо, кеп, — ответила она, — я сейчас поднимусь наверх.

Стараясь не разбудить мужа и дочь, Зулейка Ивановна тихо вышла из каюты.

Большое яркое солнце только поднималось над тихим и ласковым в этот ранний час Средиземным морем. Зулейка прищурила глаза, отбросила со лба прядь волос, всей грудью вдохнула морской воздух. Хотелось петь, но рядом стоял седовласый капитан и она сдержала свой порыв.

Как часто она мечтала об этой минуте! Уйти на яхте с Алексеем и Светланой в море и прожить вдали от людей целый месяц. И вот эта мечта сбылась. Наконец-то. Нет рядом сомнительных сподвижников, воругов и убийц, не идет по следу милиция. Нет наркотиков. Нет страшной «фени». Нет и Клеопатры. Все это осталось в прошлом. Но так ли это? Зулейка поежилась от налетевшего прохладного ветра. Нет, видимо, груз прошлого, как дамоклов меч, будет висеть над ней, постоянно напоминая о содеянном: загубленных жизнях, искалеченных судьбах, несбывшихся надеждах. Как часто вспоминаются безумные от боли глаза ее подруги Алевтины. Ведь это она, Зулейка, виновата в ее горе. Нет, не Зулейка, Клеопатра... Хотя, какая разница.

Добрая, милая женщина; охотно взялась помогать депутату Ильиной... Но разве хотела ей зла Зулейка? И мысли не допускала. А может, это наказание свыше и Зулейка тут ни при чем?.. В том-то и дело, что при чем. Рок и ее не миловал. Сколько она пережила, пока выбралась из милицейского капкана. Надо было еще раньше, после первого поражения покончить с наркобизнесом... Как прекрасно она себя чувствовала в роли депутата! Есть ли благо выше человеческой благодарности? Нет, наверное, чище и правдивее детских глаз. С каким обожанием смотрели они на красивую тетю, когда она приезжала к ним и одаривала подарками.

Теперь она здесь, в Испании, на белоснежной яхте в Средиземном море. Конечно, это здорово, что она вырвалась из когтей смерти, с ней Алексей и Света. И думать о завтрашнем дне не надо — они обеспечены до конца дней своих.

Но все равно почему-то тревожно на душе. Что-то не дает освободиться от прошлого. Непонятное состояние. Почему чаще вспоминается плохое, а не хорошее. Хотя, если взвесить на весах: чего было больше в ее жизни — плохого и хорошего, получится — плохого было больше. Это девчонкой она считала, что станет счастливой, когда будет богатой. Каждый рубль, каждый доллар берегла, экономила, чтобы вылезти из нищеты. С каким трудом и риском доставались ей деньги! И о какой уж тут радости говорить. Не ощутила она ее и тогда, когда стала хозяйкой наркосиндиката, — чувство опасности заглушало все. Временами она переставала ощущать себя женщиной. Может, потому и любовниками она не могла щегольнуть перед Алевтиной. А сколько их склоняли головы перед красавицей Клеопатрой! Только Алексей Ильин пришелся ей по душе.

Испания Алексею понравилась, но полюбить эту страну он вряд ли сможет. Русские очень сентиментальны, куда бы ни уезжали, как бы прекрасно там ни устраивались, а избавиться от тоски по родине не могут; особенно, когда становятся старыми. Зулейка-то помоталась по миру, но не может сказать, что когда-то скучала по Грузии. Большую часть жизни она прожила в России. Но в каком окружении? Саркисян, Гримо, Турсункул, Баритон, Громада, Бармен... Нет, по России она скучать тоже не будет. И Алексею со Светой постарается создать такую обстановку, чтобы они не тосковали.

Чем же занять мужа, когда они вернутся из плавания? Ведь он не привык сидеть без дела, а без знания испанского языка никуда не сунешься. Правда, на побережье обосновалось немало так называемых «новых русских». Купили особняки, виллы, некоторые и предпринимательством занимаются. Но счастливыми их не назовешь — все на ворованные деньги купили, вряд ли Алексей захочет иметь с ними дело.

Что-то надо придумать. Новые проблемы. Выходит, никуда без них. И без прошлого тоже никуда.

На палубу поднялся Алексей. Он обнял Зулейку за плечи и сказал:

— С добрым утром, милая!

— С добрым утром, дорогой. — Она плотнее прижалась к нему, спросила: — Что, не спится?

— А ведь мы впервые встречаем рассвет вместе. — Он поцеловал ее в щеку.

— Теперь мы часто будем его встречать. Я надеюсь, — почему-то добавила Зулейка и ужаснулась: нет, прошлого не будет!

— Мама, папа, вы где? — послышался голос Светланы. — Я хочу к вам наверх! Можно?

— Можно, — разом ответили Ильин и Зулейка и улыбнулись.

— Какие будут указания, госпожа Зулейка? — спросил капитан.

— Спустите водный мотоцикл. Мы со Светой прокатимся. И почему нет музыки? Включите хотя бы радио!

— Есть, госпожа!

Капитан махнул рукой, и вахтенный матрос нажал кнопку радиоприемника. Над морем зазвучали последние аккорды гимна Российской Федерации. В Москве было шесть часов утра. Затем диктор начал читать последние известия.

Зулейка виновато посмотрела на Алексея и стала усаживаться на водный мотоцикл. И вдруг она замерла. Диктор сообщил, что вчера вечером в Москве арестован президент крупного коммерческого банка господин Саркисян. В своем интервью журналистам представитель ГУВД заявил, что банк финансировал наркосиндикат «Эдельвейс»...

В

конце октября море было спокойным и теплым. Щуря глаза от солнца, Клеопатра следила за одиноким парусом на горизонте, и душа ее постепенно оттаивала. Алексей со Светой пробыли в Испании всего две недели и улетели в Москву. Она не могла поехать вместе с ними и теперь чувствовала себя одинокой.

Погуляв по пляжу, Клеопатра вернулась на виллу. Уже на ступеньках веранды услышала телефонный звонок. Поспешила снять трубку.

— Тетя Верико, вам привет из солнечного Тбилиси, — услышала она.

«Тетя Верико!» Так мог ее называть только один человек — Черный Беркут. Однажды он сказал ей, что она напоминает ему его родственницу, княжну Верико, танцевавшую на балах с самим императором Николаем I.

— Из Тбилиси? — переспросила она.

Черный Беркут в Испании! Клеопатра почувствовала прилив сил.

Приглашать гостя на виллу Клеопатра не стала, назначила встречу на утро в одном из кафе на окраине Барселоны.

— ...Как дела в Парголово? — спросила Клеопатра, когда официант отошел от их столика. — Мы затанули со второй линией. Есть ли подвижки с Люберецким банком?

— Кое-что имеется. — Беркут понизил голос: за соседним столиком приземлилась молодая парочка. — Попробуем выволить Саркиса, но это обойдется недешево.

— Ладно. Как только выпустят, подключи его к Парголово. Все ресурсы — туда. Это сейчас наше главное звено, — сказала Клеопатра.

— Устал я. Думаю отдохнуть тут с недельку.

— И не мечтай. Дела не ждут, каждый день на счету.

— Да знаю я, знаю, — вздохнул Беркут. — Это я так, удочку закинул.

— Улетишь завтра же. Есть вечерний рейс на Москву. Что слышно о Громаде?

— Закрепился в Сибири, пытается контролировать финансовые потоки.

— Рано или поздно он поймет: отделяться от нас — глупо. Он может крупно проиграть, причем во всех смыслах.

— Лучше бы раньше, чем позже.

— А это уже твоя задача. Поезжай к нему и объясни ему на пальцах, что к чему. Сибирь — очень важный для нас регион.

Черный Беркут полез в нагрудный карман и вытащил оттуда новенький российский заграничный паспорт.

— Это тебе. Отныне ты Соловьева Валентина Ивановна, уроженка города Кургана. Виза на Кипр открыта на два месяца. Паспорт настоящий. Выписан в Башкирии.

— Это зачем? — удивилась Клеопатра. — Я не заказывала.

— Прости, Клеопатра. Моя инициатива. Но тебе ведь хочется в Россию? — Черные глаза Беркута сощурились. — Хочется. И надо. Одно твое появление наведет порядок в наших рядах. Разболтались некоторые... Кое-кого надо проучить!

Хитроумному Саркисяну, старому, прожженному лису, удалось увести в офшор довольно много денег, — во всяком случае, на порядок больше, чем думала Клеопатра. Но эти деньги должны работать. Капитал должен приносить доход. На производство фенциклидина в Парголове и «фени» в Подмосковье пойдет малая часть. А остальные? В России так просто эти деньги не вложишь — их необходимо сначала отмыть. А как? Эти вопросы не терпели отлагательств.

Узнав, что Саркис вышел на свободу, Клеопатра вызвала его к себе. Они сидели в дорогом ресторане и обсуждали возможные варианты. Крупные фирмы, принадлежащие отечественным олигархам, были на виду, и связываться с ними в данный момент было опасно.

— Надо найти реальный бизнес, — сказала Клеопатра. — Иначе денежки наши растают, как мартовский лед, оглянуться не успеем.

— Да уж искал, искал я, хозяйка, — вздохнул Саркисян.

— Когда ж ты успел? После тюрьмы времени у тебя было — кот наплакал.

— Зачем — когда выпустили? У меня и в тюрьме были вполне сносные условия, мог вести переговоры, с кем хотел. Я ведь и с Громадой разговаривал, и с Черным Беркутом.

— И что?

— Плохо. Сейчас время такое, все хвосты поджали. Знаешь, чего подумал? Может, тут, за границей, какого-нибудь клиента подцепим, а?

Клеопатра пожала плечами:

— Но для этого время нужно, а у нас его нет.

По залу с большой охапкой цветов ходил марокканец и предлагал посетителям свой товар. Он остановился у столика, за которым сидел молодой элегантный мужчина, и тот выбрал шикарный букет пунцовых роз. Потом поднялся и направился в их сторону. Подойдя к столику, мужчина протянул букет Клеопатре.

— Это мне? — опешила она. — Вы, случайно, не ошиблись?

— Не ошибся, именно вам.

Клеопатра взяла букет:

— Чем обязана?

— Вы здесь самая красивая, — поклонился незнакомец. — Потому прошу принять этот маленький знак внимания.

— Вы считаете, этого достаточно, чтобы подходить к незнакомой даме?

Поклонник улыбнулся:

— Кроме того, я уловил обрывки речи, русской речи, и очень обрадовался. Я ведь тоже русский. А русский здесь, на чужой земле, что родственник.

Саркисян пригласил незнакомца присесть за их столик.

— С вашего разрешения. — С церемонным полупоклоном незнакомец протянул Клеопатре и Саркисяну по визитной карточке с золотым обрезом, из которой явствовало, что незнакомца зовут Сергей Сергеевич Перешейкин и он совладелец фирмы в городе Кургане.

Сергей Сергеевич подозвал официанта и заказал бутылку шампанского.

— Ужасно рад, господа, что встретил соотечественников, — признался он. — Надоела, знаете ли, чужая речь.

Официант откупорил бутылку, разлил шампанское по фужерам. Клеопатра сделала несколько глотков, Саркисян опорожнил весь бокал. Перешейкин едва пригубил.

— Вы приехали сюда отдохнуть? — поинтересовалась Клеопатра.

— Нет, не до отдыха сейчас, — вздохнул Сергей Сергеевич. — Дела.

— А какие, если не секрет? — спросил Саркис.

— Да какие там секреты, — махнул рукой Перешейкин. — Обычный рутинный бизнес.

— Купи — продай?

— В вашем представлении бизнес: взял товар здесь, продал там и навар в карман.

— А разве не так? — подыграла Саркису Клеопатра.

— Совсем не так, — сказал Перешейкин. — Серьезный бизнес — это совсем другое.

— Ну так просветите нас, — попросила Клеопатра.

— Бизнес — это совместные предприятия, сращивание капитала с производством. Да мало ли что еще...

— И что может предложить Курган Мадриду?

— Вы, видимо, все еще полагаете, что Курганская область — это Сибирь, куда раньше ссылали за какие-то провинности. А ныне, да будет вам известно, это золотой край.

— Золотой? — удивилась Клеопатра.

— Ну, фигурально говоря. Я имею в виду нефть. Недавно у нас открыли богатейшее месторождение нефти.

— Да, я что-то слышал об этом, — кивнул Саркис.

— Ну, открыли нефть, прекрасно. И в чем же проблема? — спросила Клеопатра.

— Вечная проблема русского бизнеса, — вздохнул Сергей Сергеевич.

— Деньги, — подсказал Саркис.

— Да! Именно так. Сидим на золоте, а поднять мы его не можем.

— Прошу прощения, а мы — это кто? — поинтересовался Саркисян.

— Мы — это фирма «Алсо».

— И вы, Сергей, ее владелец? — спросила Клеопатра.

— Совладелец. Мой партнер — заместитель губернатора.

— Выходит, административный ресурс есть, а денег нет?

— Вроде того.

— Так вы что же, Сергей Сергеевич, сюда приехали партнера искать? — спросил Саркисян.

— Да, заместитель губернатора договорился с одним крупным испанским бизнесменом. Мы созвонились, я прилетел, а он срочно куда-то уехал.

— И что дальше? Ждать его будете?

— Зачем же. Поищу другого.

— Разработка нефти уже ведется? — не отставал с расспросами Саркис.

— Пока нет. Только шурфы разметили, где скважины разбивать.

Саркис удовлетворенно кивнул:

— А сама-то земля... нефтеносный участок, он кому принадлежит?

— Заместитель губернатора сумел его приватизировать на фирму «Алсо», строго по закону.

— И облдума утвердила?

— Обязательно.

— Грамотно, — похвалил Саркисян.

— Все, все, — подняла руки Клеопатра, — хватит о делах. Не для того создал Господь рестораны...

Далеко за полночь Клеопатра и Саркисян, вернувшись на виллу, обсуждали создавшуюся ситуацию.

Суть идеи, зародившейся почти одновременно в головах Саркисяна и Клеопатры, состояла в том, чтобы вложить деньги «Эдельвейса» в новорожденную нефтяную фирму «Алсо», опередив конкурентов. Процент прибыли по всем предварительным прикидкам получался весьма солидным.

— Послушай, Клеопатра, что ты думаешь об этом фендрике? — спросил Саркисян.

— Фендрике?

— Я имею в виду Сергея Сергеевича.

— Мужик как мужик.

— Он не вызвал у тебя никаких подозрений?

— Да вроде нет. А в чем дело?

— Сюда, к тебе, многие лапы тянутся. И Интерпол, да и родные менты московские...

— Ах, вот ты о чем. Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет... По-моему, после тюрьмы ты стал мнительным. За каждым кустом тебе чертик мерещится.

— А если это на самом деле чертик?

— Послушай, Саркис. Этот, как его... Перешейкин сам ведь ничего нам не предлагал.

— Думаешь?

— Он только объективно обрисовал условия работы... А дальше — как мы захотим.

— А мне кажется, нас с тобой банально ловят на живца.

— И на чем основаны твои подозрения?

— Интуиция, матушка, интуиция.

— Короче, что предлагаешь?

— Не знаю, надо подумать. Во всяком случае, проверить надо этого Перешейкина.

День выдался для Клеопатры хлопотным. Рано утром она вылетела на Кипр, искупалась в море, понежилась в лучах нежаркого, но ласкового кипрского солнца, рассчиталась в отеле и выехала в аэропорт. Через четыре с половиной часа она прилетела в Санкт-Петербург.

В Пулкове ее встретил Черный Беркут. После обеда в кафе они выехали в Парголово осмотрели «химчистку», вернее, ту ее часть, которая была оборудована под лабораторию по производству фенциклидина, потом перешли в новое помещение, которое предназначалось под производство «фени».

В ее присутствии работа в парголовском центре заметно оживилась. Что ни говори, а хозяйский глаз много значит. Тем более, глаз такой дотошной особы, как Клеопатра.

Убедившись, что все идет по плану, она отбыла в гостиницу.

Зулейка Ивановна никогда не открывала все карты, которые были у нее на руках. Даже самым близким людям, которым она абсолютно доверяла. Она всегда оставляла что-то как бы про запас, на всякий непредвиденный случай. Так солдат таскает в своем вещмешке НЗ — неприкосновенный запас.

Таким НЗ в багаже Клеопатры была информация о майоре милиции, возглавлявшем в Кургане районную ГИБДД.

Наркоторговец по кличке Скупой сообщил, что майор — хронический алкоголик, тайный наркоман с многолетним стажем, а еще... сутенер: содержит подпольный публичный дом.

Взвесив все, Клеопатра прикинула: майор милиции, начальник ГИБДД — значит, не дурак. С другой стороны — наркоман, содержит притон. Информации вполне достаточно, чтобы взять его за жабры.

В своих тайных расчетах Клеопатра прочила его на место начальника курганского филиала. «Согласится, никуда ему не деться», — рассуждала она.

Через день Зулейка выехала в Москву.

Пока все устраивало Клеопатру, вернее, Валентину Ивановну Соловьеву. С новыми фамилией и именем она уже свыклась, но с новым имиджем — нет. На белокурую блондинку заглядывались в основном лица кавказской национальности, и это раздражало ее.

Вишневым «пассат-фольксваген» стремительно несся по шоссе Санкт-Петербург — Москва. Клеопатра размышляла о предстоящей встрече с Ильиным и Светланкой. Еще из Испании Клеопатра позвонила ему и сказала, что вылетает на Кипр. Он удивился, но промолчал. Однако она чувствовала, что Алексей ждет объяснений. Но в целях конспирации кроме этой информации она ничего ему сказать не могла.

Вот и Бологое. Здесь, в местной гостинице, ее ждут Алексей и Светлана. Их должен был доставить сюда начальник службы безопасности Влад. Он настоял на таком варианте встречи, так как его подчиненные заметили слежку за квартирой Ильина. Свету Влад перехватил по дороге в школу, а Алексея взял у черного входа в банк. Только в пути он сообщил им, что везет их на встречу с Клеопатрой.

С замиранием сердца поднималась она в номер местной гостиницы. Подошла к двери, постояла, прислушалась к голосам, осторожно постучала.

Дверь открыл Алексей. Худой и настороженный.

— Ну, здравствуй, Ильин! — потянулась к нему Клеопатра.

— Мама, мама! — радостно вскрикнула Света и бросилась в объятия Клеопатры.

Ночь пролетела быстро. Уже под утро, обессиленные от любви, они забылись в глубоком сне...

Когда Алексей открыл глаза, Клеопатра уже оделась.

— Проснулся, дорогой. — Она наклонилась и поцеловала его в губы. — Я оставила тебе деньги. Купи билеты на Малагу. С понедельника у Светы начинаются каникулы. Вот и отправляйтесь в Испанию. Вас встретят...

— А ты... — Ильин осекся, увидев строгий взгляд Клеопатры.

— Я прилечу через три-четыре дня. Деньги в сейфе. Ключ ты знаешь где. — Она пристально посмотрела на него и исчезла за дверью.

Алексея поразили глаза Клеопатры. Они всегда были веселые, искрились, а сейчас в них застыли грусть, печаль, тоска и еще что-то такое, далекое, отрешенное, что заставило его содрогнуться: не прощается ли она с ним. Навсегда...

* * *

Удачное — без сучка и задоринки — пересечение ею российской государственной границы, когда она возвращалась, вновь вселило в Клеопатру уверенность в собственных силах и собственной удаче, уверенность, одно время несколько пошатнувшуюся.

Она настолько поверила в свою звезду, в свою неуязвимость, что, отправляясь в Курган для заключения договоров, решила использовать там свой депутатский мандат. Конечно, это было дерзко, нахально, но в случае удачи могло принести большую выгоду.

Всю долгую дорогу до Кургана Клеопатра думала о предстоящей операции. Она снова и снова мысленно перечисляла поставленные цели. Прежде всего создать в Кургане — на совершенно легальных основаниях — филиал возрождающегося «Эдельвейса», разумеется, под другим названием. Именно с этого филиала должно было начаться освоение Зауралья, прирастать могущество синдиката. Парголовская лаборатория вот-вот перейдет на промышленное производство «фени».

Несмотря на серьезные потери в руководстве «Эдельвейса», сеть распространителей не сильно пострадала: сказался секционный принцип, по которому был построен синдикат. Каждый сотрудник знал только своего непосредственного начальника, редко — двух, — на этом цепочка обрывалась.

За окном купе стемнело. Клеопатра задернула занавеску и легла на мягкий кожаный диван.

Как всегда, когда предстояла масштабная работа, она находилась в нервном возбуждении. Но сегодня к этому чувству примешивалась и тревога. Клеопатра не могла понять — почему? Ведь по уверениям Саркиса почва для работы была подготовлена и все меры предосторожности соблюдены.

* * *

Заместитель начальника Госкомитета по борьбе с наркотиками устроил жесткий разнос

подчиненным, упустившим Клеопатру. Из достоверных источников стало известно лишь то, что она благополучно пересекла государственную границу России, а затем следы ее затерялись на российских просторах.

Информатор предполагал, что она поехала куда-то под Санкт-Петербург. Но Ленинградская область большая, равна по площади Бельгии или Голландии, и искать ее там, все равно что искать иголку в стоге сена.

Тем не менее нужно было действовать, и действовать оперативно. Клеопатра была слишком опасной преступницей и, оставаясь на свободе, могла натворить много бед.

Оперативники понимали, что Клеопатра прибыла в Россию под чужим именем. Не исключали также, что она могла прибегнуть к услугам пластической хирургии.

— Предлагаю вновь установить слежку за квартирой Ильина. Если Клеопатра в России, она обязательно встретится с ним, — предложил Чернов.

— Это уже сделано, — заверил Панкратов...

Спустя несколько дней из Кургана пришло донесение от Смирнова.

* * *

Информация о Клеопатре поступила во все отделения милиции Кургана. Заместитель начальника ГИБДД принес ее своему шефу, едва тот появился в своем кабинете. Майор был не в духе, как всегда по утрам. Для того чтобы прийти в себя после бурно проведенной ночи, ему требовались две вещи: некоторое время и некоторая доза того, без чего он уже не мог жить.

— Что это? — спросил начальник, брезгливо глядя на листок бумаги.

— Деша из УВД области. Розыск опасной преступницы.

Начальник взял листок и сунул его под массивный чернильный прибор, решив ознакомиться с ним позже, когда немного придет в себя.

— В приемной никого нет? — спросил он зама.

— Только парень, который поставляет информацию...

— Пусть зайдет!

Лицо его просияло, когда в кабинет вошел торговец зельем.

— Принес? — спросил начальник, когда они остались одни.

— Конечно, гражданин... то есть товарищ начальник, — ответил парень.

— А куда ты запропал? Я уж думал тебя с собаками искать. — Майор жестом предложил гостю сесть.

— Да в деревню надо было съездить. Мать заболела...

— Ладно, хрен с тобой, — не дослушав, махнул рукой начальник. — Давай сюда, — хлопнул он ладонью по столу.

— Должок у вас, товарищ начальник...

— Ах, да. Я и запомнил, — сказал майор, покривив душой: он отлично помнил сумму, которую задолжал торговцу.

Майор достал из сейфа конверт с деньгами и протянул его посетителю:

— Держи. Все точно как в аптеке.

— Может, все-таки отдохнешь с дороги? — предложил Клеопатре Саркисян, встречавший ее на вокзале вместе с телохранителем Владом.

— На кладбище отдохнем, — отрезала она.

— Номер — лучший во всем отеле, трехкомнатный.

— Успокойся, Саркис.

— Так куда сейчас? — спросил он, открывая ей дверцу черной «Волги». — В администрацию?

— Едем к начальнику ГИБДД, — объявила Клеопатра.

Саркис не смог скрыть удивления.

Клеопатра объяснила ему суть дела, не посвятив, впрочем, в некоторые детали. Через несколько минут «Волга» остановилась перед колоннами.

Велев Саркисяну и телохранителю ждать в машине, Клеопатра вышла из салона и, наклонившись к ним, сказала:

— Если понадобится — вызову.

— Как?

— По мобиле! — Клеопатра с силой захлопнула дверцу.

Еще в поезде она обдумала тактику разговора с начальником местной ГИБДД. Как сделать ему предложение, от которого он не смог бы отказаться?

По рассказам торговца «феней», начальник патологически жаден, хотя и имеет немалые доходы. Жаден? Прекрасно. Вот и готовый кукан на эту рыбешку.

Клеопатра поднялась на второй этаж местной ГИБДД. Дорогу ей преградил дежурный:

— Что вам угодно?

— Я к начальнику ГИБДД.

— Сегодня он не принимает.

— А когда он принимает? — слегка растерялась Клеопатра.

— Расписание на стене.

— У меня важное дело.

— У нас предварительная запись. — Таких писанных красавиц младший лейтенант милиции в жизни не встречал и потому старался быть вежливым. — Вот книга записи, — продолжал офицер, указывая на толстую тетрадь, лежавшую на столике. — Присядьте, пожалуйста, и запишитесь.

— Вижу, у вас все основательно поставлено, — усмехнулась Клеопатра.

— Укажите, пожалуйста, кратко содержание вашего дела, а также свою фамилию, имя, отчество и домашний адрес. Только предупреждаю вас, девушка, что очередь к начальнику большая.

— Серьезно?

— Вы попадете к нему через неделю. Это в лучшем случае, если сильно повезет. А то можете и месяц прождать.

— Суровые у вас порядки.

Офицер пожал плечами:

— Видите ли, у начальника много дел.

— Это я знаю, товарищ лейтенант, — улыбнулась Клеопатра. — Но, видите ли, у меня

срочное дело, которое не терпит отлагательств.

— У всех срочное дело, гражданочка. С несрочными к нам не приходят, — отрезал дежурный. Он начал медленно закипать оттого, что эта странная посетительница заставила его прервать чтение детектива и никак не хочет уходить.

— Я из Москвы специально приехала, — решила усилить нажим Клеопатра.

— Да хоть из Нью-Йорка.

— И потом, видите ли, молодой человек... Как бы вам объяснить? Дело касается не столько меня, сколько вашего начальника.

Дежурный разозлился. Обращение «молодой человек» показалось ему фамильярным.

— Начальник у себя? — надменным тоном спросила Клеопатра.

— У себя, — сквозь зубы ответил лейтенант.

— Доложите ему, что прибыл депутат Государственной думы, — отчеканила Клеопатра.

— Очистите помещение, женщина! — потребовал он.

— А если не уйду?

— Наряд вызову.

— Вот как? И что дальше? — Казалось, Клеопатре доставляет удовольствие поддразнивать дежурного.

— В обезьянник посажу.

Досадное препятствие, с виду совсем ничтожное, разрушало все ее ближайшие планы, столь тщательно выстроенные.

Тем временем начальник районной ГИБДД расхаживал по своему кабинету, испытывая кайф каждой клеточкой тела. Руки, правда, не всегда слушались, хватали совсем не то, что хотел хозяин. Но это все пустяки. Несколько заветных таблеток «фени» лежали в кармане, грея душу.

А ведь эта гнида, пожалуй, содрал с него лишку, подумал майор, когда его полубезумный взгляд остановился на сейфе. «Феня», «феня»... И кто придумал такое смешное название? А ведь у него самого этих «фень» — целый десяток. Только его «фени» — совсем другого рода: красотки, которые целиком находятся в его подчинении и приносят немалый доходец. И двоюродная сестренка его там же служит. Гм, служит... А ведь обломать ее было непросто, совсем непросто: чуть было руки на себя поначалу не наложила. Но несколько доз наркотика — и хрупкая воля девчонки была сломлена. Зато теперь она — заводила и прима-балерина всего уютного бардачка, сам заместитель губернатора, не говоря уж о гостях из центра, чаще всего выбирает именно ее... А все потому, что тогда — майор гордо выпятил грудь — он не пожалел денег на дурь.

А не поехать ли прямо сейчас к девкам? При мысли о своем заведении он почувствовал любовное томление во всех членах. Но тут его размышления прервал шум, доносившийся из приемной. Он поморщился и, немного поколебавшись, принять ли еще одну таблетку или это будет перебор, решил все же потерпеть. Он сел за стол и принялась перебирать бумаги, пытаясь вникнуть в их смысл, который упорно ускользал.

Циркуляры, распоряжения, отношения... Провести, расследовать, проверить... И каждый раз — доложить об исполнении. Бюрократы чертовы!..А это что еще за бумаженция? Ориентировка из УВД.

А, это не УВД... А что? Комитет по борьбе с наркотиками? Ну-ка, это что за баба? Красивая, бля!

Грузинка вроде. Или черкешенка. А может, и русская, хрен их теперь разберет. Вот бы такую заполучить в свой уютный бардачок. С такой он бы с удовольствием занялся делом. Да и сам замгубернатора не побрезговал бы ею.

«ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ»... Да кому они на хрен нужны, особые приметы? Такую баб надо, попадись она в руки, немедленно в постель тащить.

Не дочитав ориентировку, он опять сунул ее под чернильный прибор.

Снова какой-то посторонний шум привлек его внимание, и он нетвердой походкой двинулся к двери.

— Что за шум, а драки нет? — осведомился майор, выйдя в приемную.

— Разрешите доложить, товарищ начальник, — прерывистым голосом начал дежурный. — Вот, говорит, из Москвы, депутат... А я говорю, неприемный день. А я...

— Так вы ко мне? — обратился майор к посетительнице.

— Именно к вам, товарищ майор милиции, — ответила Клеопатра, прижав руки к груди. — И уже битый час пытаюсь объяснить этому...

— Стоп, — остановил ее начальник, подняв руку. — Давайте обойдемся без этого, как его... без непарламентских выражений.

— Да такой и ангела может вывести из терпения.

— Ладно, сударыня, не ругайте его. Он только исполнял свой долг.

— Мы можем поговорить? — спросила Клеопатра, сделав шаг к нему.

— Поговорить? Конечно. И не только... — пробормотал начальник, рассматривая ее. —

Послушайте, мы с вами знакомы?

— Нет.

— Но мне кажется, я вас где-то видел.

Клеопатра пожала плечами:

— Сомневаюсь.

— А я не сомневаюсь! Знаете, у меня отличная память на лица. Особенно — на красивые женские лица.

«Кажется, начальник не только слегка чокнутый, но и ловелас. Что ж, тем лучше для дела», — рассудила Клеопатра и решила подыграть ему.

— А ведь вы правы, — сказала она с улыбкой. — Я тоже вас припоминаю.

— А ты что мне не доложил? — строго спросил начальник у дежурного.

— Но у вас неприемный день.

— Это неважно. Принял же я сегодня этого, как его... Ну, неважно. Ты обязан был доложить мне, что пришла роскош... роскошная женщина. — При этих словах он окинул Клеопатру откровенно похотливым взглядом. — Ты понял?

— Понял, товарищ начальник.

— Ну, то-то. Что же мы стоим? Прошу! — широким жестом он пригласил Клеопатру в кабинет.

Эту картину наблюдал и заместитель начальника ГИБДД. Выйдя на шум в приемной, он узнал в посетительнице преступницу, которую объявили в розыск, и когда она скрылась в кабинете начальника, метнулся к телефону.

Глава 23

Расплата

Еще раз окинув жадным взглядом ладную фигуру Клеопатры, майор церемонно произнес:

— Прошу вас, располагайтесь. Чай, кофе? Или, может, что-нибудь покрепче?

— Спасибо, я алкоголь не употребляю, — улыбнулась Клеопатра. — А от стакана воды не откажусь. — У нее пересохло в горле после безобразного и долгого препирательства с дежурным.

— Отлично. — Начальник с торжественным видом водрузил перед посетительницей бутылочку пепси-колы, присовокупив к ней два пластиковых стаканчика.

— ...Ну, а раз мы с вами каким-то странным образом знакомы или просто где-то виделись, я предлагаю восстановить историческую справедливость и перейти на «ты»!

— Выпить на брудершафт пепси-колы! — с готовностью подыграла Клеопатра, довольная, что разговор начинается так гладко, как говорится, «в легком жанре».

— На брудершафт! — радостно произнес хозяин кабинета, наполняя доверху бумажные стаканчики.

Они церемонно чокнулись, и начальник залпом выпил пепси-колу.

— А теперь давайте перейдем к делу, Иван Иванович, — серьезно произнесла Клеопатра.

— Не давайте, а давай, — поправил ее майор, несколько не удивившись, что посетительница знает его имя.

— Давай! — согласилась гостья. Она уже немного освоилась: а может, у майора просто манера поведения такая своеобразная?

— Что касается меня, то я готов хоть сейчас перейти к делу! — заявил он.

— Вот и славненько, — кивнула Клеопатра, не обратив внимания на блеск в его глазах.

— Как тебя звать, фея?

— Я — депутат думы, — произнесла Клеопатра, пропустив слова «Московской» и «областной». — Кроме того, возглавляю одну серьезную фирму... Ну, короче, мы заинтересовались нефтяным месторождением, которое обнаружено в вашем регионе.

— Да, нефти здесь, оказывается, до хрена, — подтвердил майор. Руки его бесцельно блуждали по письменному столу, перебирая листы: ему вдруг припомнилось, что на какой-то из бумаг он видел портрет женщины, похожей как две капли воды на его гостью.

— ...Вот мы и хотели бы, чтобы вы, как лицо, уважаемое в городе, возглавили эту фирму...

— А? Фирму? Конечно, с удовольствием... Только нужно подумать... — машинально ответил майор, размышляя, где лучше ее трахнуть. «Может, прямо сейчас, в кабинете? В отделе сейчас вроде бы никого. Кроме дежурного».

— ...Думайте... думай, пожалуйста, только побыстрее, — донесся до него голос Клеопатры. — Вопрос не терпит отлагательств.

— Сам вижу, что не терпит... Какой вопрос? — встрепнулся он.

— Я же сказала, Ваня, о фирме, которую ты должен возглавить.

— Что за фирма?

— Я предоставлю всю необходимую документацию. Она в машине, сейчас принесу, —

приподнялась Клеопатра.

— Сиди! — остановил ее майор, испугавшись, что чудесное видение исчезнет так же внезапно, как и появилось. — Я дежурного пошлю.

— Нет, документы я не доверяю никому, — категорически заявила Клеопатра.

— Ладно, бумаги — дело десятое, — махнул рукой майор. Беспорядок на столе подтверждал его тезис. — Ты лучше поясни, что надо делать и куда складывать деньги, — позволил он себе пошутить.

— Насчет денег, думаю, разберешься без меня. А главная задача твоя будет — распространять «феню».

— Какую еще «феню»? — возрился на Клеопатру майор.

— Ту самую, Ваня. Ту самую, твою любимую «феню», — усмехнулась Клеопатра.

— Гражданка, вы много себе позволяете! Я не знаю никакой «фени»! — Ошалевший начальник ГИБДД перешел на резкий фальцет.

— Полегче, полегче, пан офицер. Нам известно и про наркотики, которые ты употребляешь, и еще многое другое, что может заинтересовать службу безопасности Министерства внутренних дел.

Майора словно обухом по башке огрели. Вот так дела! Приходит баба, можно сказать, с улицы, если не с панели, и выкладывает про тебя всю твою подноготную, да еще и угрожает. Елки-палки, а ведь он даже имени ее не знает!

— Слышь, красавица, а зовут-то тебя как? — В голосе майора зазвучали вкрадчивые нотки.

— Зулейка Ивановна. Можно просто — Зулейка, — ответила Клеопатра.

— Зулейка, это ж надо. Ты моя Зулейка-ханум, — неожиданно пропел майор. — А можно, я буду звать тебя просто Зуля? Скажи, Зуля, а ты правда депутат?

— Документ показать? — Клеопатра потянулась к сумочке, лежащей на столе.

— Брось, — остановил ее майор. — У меня тут такие умельцы — какую хошь ксиву изготовят. Лучше сама правду скажи, признайся милиционеру: разве может такая красивая женщина быть депутатом?

— Может, Иван Иванович. И даже обязана, — сказала Клеопатра. — Ну, значит, по рукам? Договор подпишем?

— Подпишем. Потом, — ответил он, подкрадываясь к Клеопатре, как кот к мышке.

Маслянистые глаза мента сощурились, губы растянулись в улыбке и чуть-чуть подрагивали. Только теперь Клеопатра поняла, что майор принял дозу «фени». Она поспешно достала телефон, но позвонить Саркисяну не успела. Начальник ГИБДД выбил из ее рук мобильник и, обхватив женщину сильными лапищами, стал целовать.

Клеопатре с трудом удалось вырваться из его объятий. Она подбежала к окну, ударила сумкой по стеклу, и то мгновенно рассыпалось. В комнату ворвался свежий ветер. Зулейка с радостью вдохнула его и закричала:

— На помощь!

Майор зажал ей рот, со злостью выматерился и ударил ребром ладони по шее. Клеопатра сразу обмякла. Мент подхватил ее и потащил к дивану, на ходу срывая одежду...

Саркисян с Владом уже битый час стояли у машины, не зная, что делать. Клеопатра не звонила, а время поджимало. Надо было ехать в фирму «Алсо» подписывать договор. До встречи оставалось всего ничего, и Перешейкин уже нервничал, дважды звонил по телефону, который ему дал банкир.

Выкурив еще одну сигарету, Влад позвал водителя и сказал ему:

— Бери мультук, пойдем на выручку.

— Подождем еще пяток минут, — остановил его Саркисян. — Можем все запороть. Мы же не знаем, с какой целью она пошла в ГИБДД.

В этот момент стекло на втором этаже разбилось, и в окне появилось лицо Клеопатры.

Влад машинально выхватил своего Стечкина и рванул к подъезду отделения милиции.

Саркисян толкнул в плечо водителя:

— Ты что сидишь! Беги на помощь!

— Пошли!

Но подойти к зданию они не успели. По улице мчались милицейские машины, пугая прохожих ревом сирен.

Саркисян с водителем замерли, не зная, что делать. Водитель побежал обратно к машине, а банкир швырнул в снег свой пистолет и попятился.

Две «Волги» и рафик резво остановились у входа в здание ГИБДД, и из машин выскочили омонцовцы и люди в штатском. Часть из них ринулась в здание, остальные скрутили Саркисяна и водителя, который так и не успел добежать до машины.

Всего этого Влад не видел. Он бежал по лестнице на второй этаж. Новый посетитель сразу вызвал подозрение у дежурного ГИБДД. Младший лейтенант встал из-за стола и положил руку на кобуру.

— Минуточку, гражданин...

Влад перехватил руку дежурного, поднырнул под нее всем телом и с такой силой заломил ее за спину, что тот громко застонал. Потом ударил младшего лейтенанта рукояткой Стечкина по голове и тот, ойкнув, упал.

С ходу вышибить плечом тяжелую дверь кабинета начальника ГИБДД не удалось. Влад окинул взглядом помещение. В углу стояла металлическая рогатая вешалка, на которой висел плащ дежурного. Схватив ее, телохранитель развернул вешалку массивным основанием вперед и с разбегу, будто тараном, вышиб дверь кабинета.

На диване он увидел растерзанную Клеопатру и склонившегося над ней майора со спущенными штанами. В два прыжка Влад оказался рядом, сбил с ног начальника ГИБДД нанес ему несколько ударов, а когда тот прекратил сопротивление и затих, надел на него наручники. Клеопатра была без сознания. Под глазом у нее был большой синяк, на шее — ярко-лиловый засос.

Влад накинул на ее обнаженное тело плащ, еще раз с силой пнул майора ногой в пах и, подхватив женщину на руки, понес к выходу.

В дверях он столкнулся с омонцовцами и оперативниками.

— Осторожно с шахиней! — крикнул Влад, когда Чернов и Панкратов заломили ему за спину руки.

Клеопатру вновь внесли в кабинет и положили на диван. Чернов налил в бумажный стакан оставшуюся в бутылке пепси-колу и подошел к женщине. Игорь не такой представлял себе встречу с наркобаронессой — сильной, волевой, умной и красивой. Сейчас перед ним лежала обычная, замученная извергом-садистом женщина.

Чернов даже усомнился: неужели это и есть всемогущая Клеопатра, которая создала наркосиндикат «Эдельвейс»? Неужели это ее все их управление во главе с полковником Ковалевым так долго искало? Неужели эта, лежащая сейчас в глубоком обмороке женщина повелевала судьбами людей, самолично решая жить им или быть убитыми? Два года Игорь

Чернов гонялся за ней, придумывал хитроумные планы, чтобы заманить ее в сети. Сколько раз ему казалось, что вот теперь она не уйдет, на этот раз обязательно попадется. Но она уходила, исчезала, растворялась...

Теперь она лежала на диване беспомощная и жалкая. Чернов поднес к ее губам стакан с пепси-колой, влил в полураскрытый рот сладкую коричневую жидкость.

Клеопатра открыла глаза, соображая, где она и что с ней. Вспомнив, поспешно натянула на себя съехавший плащ, огляделась. Влада в наручниках уже уводили, а голову майора-гаишника перевязывали бинтом. Он сидел на стуле и ругался матом. Брюки его лежали на полу, и на них стоял Чернов.

Клеопатра, взглянув на майора, застонала. Не столько от боли, сколько от обиды и стыда. Она поняла, что позорно проиграла, что ее растоптали. Горше всего было то, что она потерпела фиаско на взлете, когда победа, казалось, была совсем рядом. Она ведь еще не знала, что фирма «Алсо» — подставная, что этой компанией руководит не удачливый предприниматель Перешейкин, а капитан милиции Смирнов.

— Я отомщу. Всем отомщу! — произнесла Клеопатра.

риговор — восемь лет заключения в Можайской исправительно-трудовой колонии — не удивил Клеопатру, она была готова к худшему, хотя прямых доказательств, что она возглавляла наркосиндикат «Эдельвейс», у обвинителей так и не нашлось.

Восемь лет! Сейчас ей тридцать пять. Выйдет она на свободу в сорок три. Еще не старуха, но далеко не молодница... Начальник Зауральского СИЗО обещал помочь выйти раньше. Однако она мало верила этим обещаниям, хотя платила она ему щедро за предоставленные поблажки: он и содержал ее не в стесненных условиях, а иногда на целую ночь вызывал в отдельную комнату якобы для допроса, угощал коньяком и всякими деликатесами. Но Клеопатра не из простушек. Всяких мужчин повидала она за свои тридцать пять и научилась обводить их вокруг пальца. Вот и начальнику СИЗО категорично не отказывала, тянула как могла, ссылаясь то на недомогание, то на женские «праздники»; в конце концов так и заявила: «Вот выйду на свободу, тогда буду твоя».

Пытался обольстить ее и следователь. Какие только сладкие песни не пел! И его она поводила за нос. Многого не добилась, но другого ей правоохранители не могли дать. Благо, что в изоляторе над ней не глумились. А вот теперь в колонии... Трудные, непредсказуемые ждут ее времена. А потому надо быть готовой ко всему. В первую очередь возобновить тренировки по карате и самбо. В Испании у нее был хороший тренер, многому научил. Наняла она его сразу после разгрома «Эдельвейса», когда на нее дохнуло смрадом смерти, когда осознала значение физической подготовки. Месяца три регулярно занималась спортом, а потом... Потом приехал Ильин с дочкой и тренировки отошли на второй план...

* * *

Суд над Клеопатрой был длительным и с самого начала носил столь скандальный характер, что его было решено сделать закрытым. Саркисян, мужик расчетливый и прижимистый, покряхтывая, отвалил на адвокатов немалую сумму. Именно это и определило исход дела.

Суд учел, что Зулейка Ивановна Ильина была в свое время депутатом Московской областной думы, где вела большую общественно полезную работу, о чем говорили положительные характеристики, обошедшиеся сравнительно недорого.

Что же касается самого Саркиса Саркисяна, то его адвокаты выстроили четкую и красивую линию защиты: означенный банкир приехал в Курган для того, чтобы подписать с фирмой «Алсо» договор на разведку, добычу и переработку нефти, только и всего. Как говорится, четыре сбоку, ваших нет. Наскрести хоть какие-либо доказательства того, что Саркисян причастен к наркобизнесу, обвинению не удалось...

В первый день после водворения в колонию Зулейка Ивановна Ильина чувствовала себя оглушенной и раздавленной. В камеру ее привезли ночью, указали на койку на верхнем

ярус. Она взобралась на узкую, жесткую кровать. Долго ворочалась, стараясь заснуть. Сон не шел. Одолевали тяжелые мысли. Жаль было Черного Беркута, который дурацки погиб в стычке с боевиками. А какой мужик был — казалось, износу ему не будет! Кто же из руководства «Эдельвейса» остался на свободе? Ваню Счастливымчик...

— Эй, новенькая, — просипел снизу сонный голос. — Ты чего вертишься, как исподнее на ветру? Трахаться, что ли, хочешь? Так можем подсобить.

Клеопатра не ответила, затаилась, продолжая размышлять.

«Ну, Счастливымчик. Парень он ничего, надежный. Но не организатор, он только исполнитель. К тому же связался с проституткой Машей, прилипла она к нему как банный лист. Или он к ней — не разберешь. Может, Маша и неплохая баба, но в нашей среде совершенно чужой человек, и как от нее теперь избавишься? А вдруг Маша — это крот, внедренный ментами? Тогда совсем худо».

Из главарей «Эдельвейса» на свободе, по сути дела, остался только Громада, на него теперь вся надежда. Он руководит наркогруппировкой в Кемерове, постепенно прибирает к рукам Западно-Сибирский регион.

Снизу в матрас Клеопатры постучали пальцем, как в дверь.

— Эй, новенькая! — услышала она шепот.

Клеопатра снова промолчала, стук через короткое время повторился.

— Чего тебе? — шепотом откликнулась Клеопатра и посмотрела вниз.

— Новенькая, я подымусь к тебе, ты только не шуми, — сказала тощая, как жердь, женщина.

— Мне и так хорошо.

— А будет еще лучше. Утешу тебя, — хихикнула жердь. — Да и себя.

Клеопатру охватила дрожь. К лесбиянкам она испытывала отвращение.

В камере, куда ее поместили, было не менее двадцати пяти женщин. Нары располагались ярусами, в два этажа. Что делать? Шум поднимать — всех разбудишь. Скандал в первую очередь ей самой выйдет боком.

Рука снизу ухватила за край койки. Клеопатра изо всех сил пнула лесбиянку ногой.

— Не лягайся. Я же к тебе с добром, милочка.

Над койкой Клеопатры показалась лошадиная голова. Жердь — так мысленно Клеопатра стала звать назойливую любовницу — хриплым шепотом извергала какие-то бессвязные слова, липкими от пота руками стараясь нащупать новенькую.

— Убирайся вон, стерва! — прошипела Клеопатра, отдирая ее пальцы.

— Не дури, девка. Не дури, — монотонно приговаривала Жердь, руки которой становились все настойчивее.

Легкое одеяло, внизу которого было грубо намалевано черной краской «НОГИ», сбилось к стенке. Цепкие пальцы Жерди, словно клешни краба, лезли в самые интимные места ее тела.

— Ну вот, девочка, сейчас сладим, — продолжала шептать Жердь, почти перевалившаяся на койку.

— Убирайся, дрянь! — почти крикнула Клеопатра.

— Побалуемся и уберусь, ягодка моя. Куда же я денусь? — нашептывала Жердь.

И Клеопатра не сдержалась, схватила кисть Жерди и изо всех сил так крутанула ее, что женщина с грохотом полетела вниз.

— Эй, кто там воду мутит? — донесся с соседней нижней койки недовольный женский

голос. — Ты, что ли, Анфиса?

Клеопатра и Жердь замерли.

— Ты, что ли, Анфиска? — громче повторил голос. — Тебя спрашиваю.

— Я... Я ничего, Нинель Ивановна, — откликнулась Анфиса.

— Я же тебя, падла, и в темноте просекаю, — сказала Нинель. — На новенькую потянуло?

— Я... Я ничего, Нинель Ивановна. Только познакомиться хотела.

Постепенно проснувшаяся камера слушала этот разговор, не вмешиваясь.

— Познакомиться, — передразнила Нинель Ивановна. — Ложись сейчас же на свое место, кобла паршивая!

— Да я... ничего... — лепетала Жердь. — Ложусь, ложусь...

Постепенно в камере установилась мертвая тишина, но Клеопатра долго не могла уснуть. Она закуталась в хлипкое одеяльце с головой и все никак не могла согреться, избавиться от нервного озноба.

Только под утро она забылась тревожным сном, который был прерван пронзительным свистком дневального и криком:

— Подъем!

Голова была тяжелой и гудела, как колокол. В первую минуту Клеопатра никак не могла понять, где находится. Ад, что ли, приснился наяву?

Под потолком камеры ярко горела электрическая лампочка, женщины переговаривались, переругивались, торопливо одеваясь.

Клеопатра тоже стала натягивать на себя арестантскую робу.

— Эй ты, новенькая! — окликнула ее снизу статная женщина лет тридцати пяти. — Тебя как кличут-то?

— Клеопатра, — ответила застигнутая врасплох Ильина.

— Клеопатры у нас еще не было. Хорошо, что не царица Савская. Живей одевайся и сигай вниз, а не то по морде схлопочешь.

Через минуту Клеопатра стояла на цементном полу, полностью одетая, как и все остальные.

— Будем знакомы, — протянула ей руку женщина. — Меня зовут Нинель, я староста камеры.

— Спасибо, Нинель Ивановна! — вырвалось у Клеопатры.

— Пустяки, — махнула рукой Нинель. — Анфиску давно надо бы поставить на место, да все случая не было. — Понизив голос, чтобы сновавшие вокруг женщины не услышали, она вполголоса добавила: — Посмотрю, может, сегодня после отбоя устроим ей «темную»?

— Стоит ли?

Нинель нахмурилась:

— Не лезь не в свое дело. Анфиске через два месяца на волю, так она совсем з глузду зъихала, как говорят хохлы. На всякую свежатинку кидается. А ты баба-то ничего, — поглядела она на Клеопатру, которую даже бесформенная роба не могла изуродовать. — Может, я сама тебя полюблю! — хохотнула она.

Клеопатра почувствовала, как все ее тело обдало жаром.

...Еще девочкой, давно, в другой жизни, там, в далекой горной деревушке под Тбилиси, Зулейка взяла несколько уроков шитья у тетушки Софики.

Здесь, в Можайской женской колонии, эти навыки, о которых она напрочь забыла, ох как пригодились! На собеседовании с начальником колонии она сказала, что умеет шить.

— А не врешь? — недоверчиво спросила Марина Федоровна Залесская, полковник внутренней службы, исполнявшая обязанности начальника колонии. Они сидели вдвоем в ее кабинете. Перед этим Залесская тщательно ознакомилась с досье новенькой. То, что Ильина была депутатом Московской областной думы, не очень ее удивило. За много лет работы в колонии она и не такое видела.

Да, среди заключенных Залесской попадались и птицы высокого полета. Но она со всеми была на «ты» — не могла да и не собиралась избавляться от этой застарелой привычки. По-разному вели себя эти самые птицы в колонии. Одни сразу ломались — кто физически, кто психически, другие — пытались выстоять.

По молодости лет Залесской было интересно отслеживать судьбы, особенно неординарные, женщин, попадающих в колонию. В некоторые она даже пыталась по мере сил вмешиваться. Со временем, однако, она стала относиться к этому философски. Напакостила? Нарушила закон? Убила, ограбила, отравила? Смошенничала? Изволь отвечать, голубушка, на полную катушку. А кем ты в прошлом была — меня не колышет. Да хоть английской королевой.

Правда, Залесская знала примеры, когда совершившая тяжкое преступление женщина словно по мановению волшебной палочки вдруг оказывалась на свободе.

Палочка эта именовалась очень просто: деньги. Огромные деньги. Не один раз пытались подкатываться и к ней, предлагали большие взятки за необходимые для освобождения положительные характеристики на зэчек. Но Залесская с порога отвергала такого сорта предложения, и ее давно уже оставили в покое, ища обходные пути, скорее, лазейки. А их было предостаточно.

Новенькая заинтересовала ее как личность.

И вот они сидят вдвоем в скромном кабинете начальника колонии. Казенная одежда, как ни странно, не уродовала Клеопатру. Это была зрелая, красивая женщина, умудренная жизнью, не утратившая своего достоинства даже в новых для нее обстоятельствах.

Залесская не пыталась вникать в вещи, не имеющие к ней прямого отношения. Отдавала себе отчет, что это небезопасно. Да и зачем ей подноготная этой мафиозной дамочки, побывавшей в шкуре депутата? У начальника колонии свой круг обязанностей, свой круг забот. Вот под этим углом зрения и протекала беседа.

Залесская думала, в какую группу определить Клеопатру, какую работу ей дать. Небось, руками ничего делать не умеет, на воле привыкла только командовать. В таком случае ей путь один — в разнорабочие. Это черная и неблагодарная работа, да и заработки там мизерные.

Поэтому Марина Федоровна искренне обрадовалась и в первую минуту даже не поверила, когда новенькая вскользь упомянула, что в юности сама себя обшивала.

— Тогда — в пошивочный цех, — сказала Залесская.

С тем Клеопатра и отправилась в камеру.

— В пошивочный? Подо мной будешь, — объявила ей Нинель Ивановна. Они шли строем, и это казалось Ильиной более мерзким и унижительным, чем ночные посягательства Анфисы.

Клеопатра с интересом рассматривала Нинель, статную, красивую, сильную и волевою женщину. Лицо крупной лепки, серые с поволокой глаза. Но обладает она какой-то магической силой: вся камера подчиняется ей беспрекословно, в этом Клеопатра уже убедилась.

А пока она расспрашивала новую знакомую обо всем, что приходило в голову, благо низкорослый выводящий, наблюдавший за строем, не обращал на них никакого внимания.

— Что шьют? — спросила Клеопатра.

— Работа для дебилов. Шьем форменное обмундирование для милиции и охранных структур.

— Я только платья женские умею... И то без рукавов... — шепнула Клеопатра.

— Не дрейфь, девка. У нас конвейерная система.

— И что?

— Поставим тебя на какую-нибудь операцию. Будешь застрчивать один и тот же шов, пока в глазах не помутится.

— А сколько народу в колонии сидит?

— Около тысячи баб.

— Большая колония.

— Средняя. Попадались мне и побольше.

— А за что сидят?

— За убийства, вооруженные нападения, ограбления. Больше всего — за воровство.

— А ты за что, Нинель? — спросила Клеопатра и тут же спохватилась. — Если не хочешь, можешь не отвечать.

— А мне скрывать нечего, — пожала плечами Нинель. — Да и потом, все равно узнаешь от других. Здесь в колонии нет секретов. За убийство срок мотаю.

— Убийство?..

— Ну да. Мужика своего порешила.

— Ой!..

— Ага. Надоел хуже горькой редьки своими блядками да пьянками. Как надирался — облик человеческий терял: так лупил меня... — Она употребила крепкое словцо, резанувшее слух Клеопатры, которая не терпела матерных выражений.

— Я слышала, в колониях некоторые женщины специально беременеют и рожают, чтобы облегчить свою долю, — сказала Клеопатра.

— Бывает и такое, — кивнула Нинель. — Дело это нехитрое, хотя сноровки определенной требует... А ты что, собралась?

— Нет, я не собираюсь. Просто интересно.

Их отряд вошел в столовую — стоявший на отшибе огромный барак с приделанной к нему сбоку кухней. Обед, против ожидания, Клеопатре не то чтобы понравился, но не вызвал отвращения. Она съела все, что дали, облизала алюминиевую ложку, выпила черничный кисель.

В пошивочном цеху пахло сыростью, лежалой тканью, масляной краской. Стрекотали машинки, тонко перекликались швеи. Две женщины, стоя у двери, выясняли отношения на повышенных тонах. Клеопатре досталось местечко у окна, ей для начала дали простейшую операцию. Рядом оказалась Анфиса с забинтованным локтем. Она виновато посмотрела на Клеопатру и отвела глаза в сторону.

Все машинки в цеху были старые. Клеопатре самой досталась «зингер», еще дореволюционная, о чем свидетельствовал твердый знак в ее названии. Пару раз до перерыва машинка ломалась, и ее налаживала старая ворчливая армянка.

— Не бери в голову, — посоветовала Нинель. — Начальство экономит на новом оборудовании, хотят с дерьма снимать сливки.

— Я шила плавно, не дергала...

— Я же говорю, тут все машинки на ладан дышат. Отдохни пока.

— Слушай, я еще в столовой хотела спросить тебя: а как тут с детишками? — спросила Клеопатра. — Ну, в колонии...

Они отошли в уголок, где стояла кадка с засохшим фикусом и разрешалось курить.

— Для малолеток есть детское отделение. Так что давай, рожай. Если надо будет — подмогну, — хохотнула Нинель, блеснув глазами.

Машинку наконец наладили, и Клеопатра снова принялась за работу. За время вынужденного простоя, хотя и недолгого, перед ней накопилась целая гора заготовок. Теперь она трудилась, не разгибая спины, чтобы ликвидировать свою задолженность.

Казалось, этот день никогда не кончится. У Клеопатры с непривычки кружилась голова, стучало в висках. С трудом она дотянула до конца смены, но норму выполнила, чем очень гордилась.

В последующие дни работать стало легче. Клеопатра нашла свой ритм, приноровилась.

Неподалеку от нее на конвейере работала совсем юная девушка — Лена. Клеопатра решила, что она несовершеннолетняя. У Лены была ответственная операция: она обметывала петли для пуговиц; и машинка у нее была новая, электронная, с программным управлением. В этот день у Лены, как на грех, все из рук валилось: может, письмо плохое из дома получила, может, просто какие-то женские фантазии разыгрались, подумала Клеопатра.

Лена задала программу своей машинке, зафиксировала ее и пошла в туалет. Как позже выяснило следствие, проведенное под руководством начальника колонии, у Лены в заначке каким-то образом оказалась доза «фени», и она решила принять ее в туалете, не дожидаясь отбоя — просто потому, что у нее началась ломка. Доза оказалась чрезмерной, а Лена — хрупкая, тоненькая — поплыла. Видно, она была наркоманка со стажем.

Вернувшись на свое рабочее место, Лена вновь взялась за проклятые петли для пуговиц. Но программу машинке она задала неверно, поэтому петля налезала на петлю, одни разрезы для пуговиц выходили слишком большими, другие — маленькими, а Лена сидела с блаженной улыбкой на лице и явно не понимала, что к чему.

По застывшей улыбке на ее лице Клеопатра догадалась о ее состоянии. Улучив минутку, она подошла к Лене и увидела, что много заготовок для одежды безнадежно испорчено.

— Лена, — тихонько позвала Клеопатра, но девушка не откликнулась. Она положила ей руку на плечо, чтобы привлечь внимание. Плечо показалось твердым, как бы

одеревеневшим.

«На разных людей наркотик, по-видимому, действует по-разному», — подумала Клеопатра. В том, что это именно «феня», а не какой-нибудь другой наркотик, она нисколько не сомневалась: у бывшей хозяйки наркосиндиката на эти вещи глаз наметанный.

Клеопатра огляделась, ища помощи. Взгляд ее уперся в Нинель, которая прохаживалась в дальнем конце цеха. Клеопатра подбежала к старосте камеры и коротко рассказала, в чем дело.

— Как ее привести в себя, пока начальство не заметило? — спросила она.

— Ленка всегда под кайфом. Пойдем посмотрим, — ответила Нинель.

Пока Клеопатра отсутствовала, Лена умудрилась сунуть палец под скальпель для разрезания ткани. Нож отхватил полпальца, кровь из раны хлестала на груды испорченных заготовок, но даже боль не привела Лену в чувство: она тупо смотрела на кровь и продолжала улыбаться.

Нинель, не раздумывая, дала Лене пощечину. Девушка вздрогнула. Широко раскрыв глаза, с ужасом смотрела на дело своих рук.

Она принялась судорожно ковырять панель управления, чтобы остановить машину, но руки дрожали, пальцы тыкали куда попало. Где-то в недрах дорогой импортной машинки что-то жалобно хрустнуло, лезвие шмякнуло о твердую поверхность швейного столика и сломалось.

— Запорола, падла, — прошипела Нинель и со всей силой ударила Лену кулаком в лицо, разбив нос. Из глаз девушки потекли слезы.

— Встань, сволочь, — негромко скомандовала Нинель, чтобы не привлекать внимания. Лена поднялась.

— Ты что же делаешь, сука? Машину запорола. А кто платить будет?

— Я... сознание потеряла...

— Сколько раз говорила — не принимай «колеса» на рабочем месте.

— Я в последний раз.

— У тебя все разы — последние. Ну-ка, пойдем в сортир поговорим.

Лена отказывалась идти в туалет, как она догадывалась, на расправу. Нинель тянула ее за руку — девушка изо всех сил упиралась. Она взяла одну из изуродованных рубашек и обмотала окровавленный палец.

— А ты чего стоишь? — перекинулась Нинель на Клеопатру. — Бери ее за вторую руку, потащим вместе.

Клеопатра замешкалась.

— Ну! Кому говорю?! — прикрикнула на нее Нинель.

Клеопатра взяла Лену за другую руку, и они вдвоем потащили девушку в туалет. Там было несколько женщин. При появлении живописной тройцы их словно ветром сдуло: видимо, расправы здесь были привычным явлением, никому из них не хотелось быть втянутыми в конфликт.

Когда они остались втроем, Нинель без лишних слов начала избивать Лену. Девушка пыталась защищаться, бормоча какие-то оправдания, а Нинель свирепела все больше.

— Оставь, с нее достаточно. — Клеопатра попробовала остановить старосту камеры.

— А ты не лезь не в свое дело! — огрызнулась Нинель. Похоже, она испытывала от мордобоя удовлетворение.

— Убьешь ведь ее.

— Тебя не касается. — Она с силой оттолкнула Клеопатру, так что та едва удержалась на ногах.

— Касается.

— Знаешь присказку, — хищно усмехнулась Нинель, обнажив желтые прокуренные зубы. — Два в драку, а третий — в... сторону.

Под градом ударов Лена упала на колени, закрыв лицо руками. Затем повалилась на грязный пол. Нинель принялась избивать ее ногами, выбирая наиболее уязвимые места. После удара по почкам Лена слабо охнула и схватилась за поясницу, открыв на мгновение лицо, куда Нинель и двинула изо всей силы носком сапога. Лена ойкнула и откинулась ничком. Губы ее были размозжены.

Несомненно, озверевшая Нинель потеряла над собой контроль, не задумывалась о последствиях.

— Хватит, — решительно сказала Клеопатра и встала между распростертой Леной и Нинелью.

— Ты кто такая, чтобы мне указывать?! — пришла в ярость Нинель.

— Неважно.

— Может, там, на воле, ты чего-то стоила, а здесь ты — ничто, тля навозная.

Нинель попыталась оттолкнуть Клеопатру, больно ударила ее в грудь, в самое чувствительное место — там с некоторых пор появилось какое-то уплотнение, которое беспокоило Клеопатру, особенно по ночам. Клеопатра пришла в ярость и дала Нинель сдачи. Та опешила от такой дерзости, а затем с удвоенной злобой накинулась на защитницу.

Нинель была крупнее ее и на порядок сильнее. Но ей, с ее грубой силой, наводящей ужас на провинившихся товарок из камеры, нечего было противопоставить изощренным приемам Клеопатры.

Дверь туалета время от времени приоткрывалась и тут же захлопывалась. Столпившиеся за ней женщины не решались войти.

Наконец запыхавшиеся и обессилевшие противницы прекратили сражение.

— Прощайся с жизнью, Клёпа, — прохрипела Нинель. — Тебе жить до отбоя.

— Не пугай, я пуганая, — ответила Клеопатра.

— Я не пугаю, а предупреждаю, — неожиданно холодно произнесла Нинель. — Ты просто дура. И кой черт дернул тебя защищать эту лярву?

— Ты убила девочку. Убила ни за что.

— Девочку? — Глаза Нинель налились кровью. — А ты знаешь, что это за девочка?.. Она убийца. Она отравила свою подружку, решив, что та гуляет с ее мужем.

— А ты откуда знаешь?

— Не твое дело.

— Ты не судья, ты сама убийца.

— У нас здесь свой суд. Скорый, но справедливый.

Обе, не сговариваясь, подошли к Лене, которая продолжала лежать в прежней позе.

— Кончилась, — сказала Клеопатра.

— Такие быстро не издыхают, — уверенно произнесла Нинель. Она набрала под краном пригоршню холодной воды и плеснула в лицо Лены. Та не пошевелилась. Нинель несколько раз пнула ее ногой, затем довольно умело стала делать ей искусственное дыхание, став на колени. После чего достала крохотное зеркальце, запрятанное где-то в недрах ее робы, и поднесла к губам Лены.

— Видишь? Дышит, сука. Все в порядке, — удовлетворенно проговорила она, пряча зеркальце.

* * *

Клеопатра ждала вечера не без внутреннего трепета. После драки с Нинелью она решила было обратиться к Залесской и, рассказав обо всем, попросить защиты. Но, поразмыслив, отказалась от этого намерения. Сама кашу заварила, сама и будет расхлебывать. Ну а кончится плохо, не удастся расхлебать — сама виновата.

Нинель удивилась, увидев слабую улыбку на губах Клеопатры, шагавшей рядом с ней строем в камеру. «Молодец, баба. Умеет себя держать в руках», — подумала Нинель и решила, когда Клеопатра уснет, придушить ее подушкой, чтобы не было следов насилия. Но новенькая — баба не простая. С ней так легко не справишься. Может, пригласить на помощь Анфиску и Зою? Они, конечно, с радостью согласятся помогать, но очень уж неохота посвящать в свои планы посторонних.

В не менее тяжелом раздумье находилась и Клеопатра. Отказавшись — вполне сознательно — от просьбы о помощи, она поставила себя в тяжелое положение. Залесская могла бы, например, перевести ее в другую камеру.

...О том, чтобы заснуть в эту ночь, не могло быть и речи.

Клеопатра долго ворочалась с боку на бок, решив без борьбы не сдаваться. Потом она замерла, сделав вид, что спит.

Ждать пришлось недолго.

Снизу послышалось легкое шуршание. Чуть приоткрыв глаза, чтобы они привыкли к темноте, Клеопатра увидела фигуру, медленно перемещающуюся к ее изголовью. Теперь важно было не упустить решающий, кульминационный момент схватки — от этого зависела ее жизнь.

Рука осторожно нащупала угол подушки, и тут Клеопатра догадалась, каким будет следующее действие нападающей стороны. Едва рука перегнула подушку, чтобы придавить ей лицо, Клеопатра схватила нападающую за горло.

— Пусти, — шепотом прохрипела Нинель. Ей удалось разжать пальцы на своем горле, и она изо всей силы навалилась на подушку, умудрившись выдернуть ее и прижать к лицу Клеопатры.

Последним усилием Клеопатра, словно угорь, вывернулась из-под подушки и двумя руками опять схватила Нинель за горло. Нинель какое-то время барахталась на койке, словно рыба, выброшенная на песок, затем изловчилась и изо всей силы пнула противницу коленом в низ живота. От острой боли Клеопатра едва не потеряла сознание.

— Молись Богу, падла, — просипела Нинель и всей тяжестью тела налегла на подушку. — Теперь тебе никакая Залесская не поможет.

Последним усилием, уже теряя сознание, Клеопатра в свою очередь вывернулась из-под подушки и прижала горло Нинели к матрасу.

Нинель забилась под цепкими пальцами Клеопатры, затем затихла. Клеопатра тут же ослабила хватку.

— Жива? — тихо спросила она.

— Вроде того, — прохрипела Нинель. Помолчала. — Что ж ты отпустила? Дожимай

ТВОЯ ВЗЯЛА.

— Зачем? Мне твоя жизнь не нужна. И ты... Неужели в самом деле ты такая жестокая? Не верю. Напустила на себя блажь закоренелой убийцы...

Они вдруг сели рядком, укрылись одним одеялом и, сгорбившись под нависающим потолком, шепотом, чтобы не разбудить остальных, проговорили почти до побудки.

* * *

Прошло несколько дней, и Клеопатра стала получать передачи и делить их на всех товарок. Приходили и деньги от Саркисяна, которые очень облегчали ей существование.

Но главной ценностью, можно сказать, валютой из валют в колонии считались наркотики, и в первую очередь — «феня». Многие зэчки готовы были душу заложить за дозу отравы, которой именно она, Клеопатра, дала путевку в жизнь.

...В ту «ночь откровения», когда она до утра проговорила с Нинелью «за жизнь», Клеопатра кое-что рассказала о себе: о жуткой ночи в деревушке под Тбилиси, когда заезжий красавчик пустил наперекосья всю ее последующую жизнь, о последующих любовных приключениях, где, кроме Алексея Ильина, фигурировало еще несколько мужчин. Рассказала и о садисте-гаишнике, изнасиловавшем ее в Кургане. Конечно, она и не думала посвящать Нинель в свои дела, но та все-таки каким-то образом узнала о причастности Клеопатры к производству наркотиков.

Однажды во время короткого перекура Нинель отозвала ее в сторонку:

— Разговор есть.

Они отошли в угол, за кадку с высохшим фикусом, в которой были натканы окурки.

— Слышь, «феня» нужна, — начала без обиняков Нинель, — и много. Доз пятнадцать — двадцать.

Клеопатра пожала плечами:

— А я при чем?

— Не строй целку, — чуть повысила голос Нинель. В нем появились визгливые нотки — признак гнева, которого все зэчки панически боялись. — И самой высокой очистки, без дураков. Хорошо бы из Ленинградской области. Можешь?

— А зачем тебе?

— Это другой разговор. Слушай сюда. Кум у нас, ну самый старший, того... наркоманит. Ему надо. Очень надо. Поверь. Я тебе потом объясню, что к чему.

Клеопатра, выдержав паузу, прикинула все «за» и «против» и сказала:

— Будет тебе дурка. Я закажу. Только смотри, никому ни слова.

— Да я никому, Клёпочка, — вдруг залебезила Нинель. — Разве я не понимаю?

* * *

Благодаря благосклонности начальника колонии Залесской, Клеопатра вскоре получила некоторые привилегии. Это выразилось и в переводе в камеру всего на четверых человек, и в ряде мелких поблажек, и в разрешении общаться с посетителями, и в беспрепятственной переписке. Письма, разумеется, перлюстрировались, как и положено по закону, но для

Клеопатры и ее контрагентов, давно освоивших эзопов язык, это не представляло никакого неудобства. Важно, что письма доставлялись в срок.

За порядком в почтовых делах Клеопатры, как и за другими ее привилегиями, присматривала лично Марина Федоровна. Делала она это, само собой, не бескорыстно.

Ильин писал не часто. Из его писем Клеопатра узнала, что бывшая жена Алексея Наташа погибла в дорожно-транспортном происшествии, что живет он теперь со своей дочерью в Ясенево, в квартире, которую он когда-то купил для Светы и ее матери.

Постепенно Залесская прониклась к Клеопатре все большим уважением. У Клеопатры оказались большие связи, благодаря которым колония стала получать выгодные заказы для мастерских, где трудились женщины, стройматериалы по низким ценам, новые швейные машинки.

Все бы ничего, если бы не одно «но». Через два месяца пребывания в Можайской колонии наркобаронесса почувствовала, что с ее организмом происходит что-то непонятное, ранее, определенно, не испытываемое. Поначалу Клеопатра объясняла себе это некомфортными условиями в колонии и выпавшими на ее долю стрессами. А когда ее стало подташнивать и потянуло на соленькое и острое, она поняла, что беременна.

Врач-гинеколог в колонии подтвердил ее догадку, сделав анализы.

— Как это может быть?! — вырвалось у Клеопатры, услышавшей приговор.

— Обычным способом, моя милая, — невозмутимо ответила пожилая женщина и протянула ей несколько рецептов. — Вот это бесплатно получите в аптеке... как вас? Зулейка Ивановна. Гм, экзотическое имя, никогда не встречала... Попьете успокаивающее. По-моему, беременность протекает нормально, но понаблюдаться у доктора не помешает. Придете ко мне через недельку, я тут написала... Все, свободны... Зулейка Ивановна.

Клеопатра вышла из кабинета, будто оглушенная. Жизнь сыграла с ней злую шутку, причем в самый неподходящий момент.

Драматизм ситуации усугублялся тем, что она и в самом деле не представляла, от кого забеременела. Хорошо, если от Алексея. А если от майора милиции, изнасиловавшего ее? По срокам это было вполне возможно. Если не Алексей, а, не дай бог, этот проклятый майор... Ведь он законченный наркоман, а это зло, как известно, передается по наследству...

«Беременна... беременна... беременна...» — стучало в мозгу.

Теперь Клеопатра стояла перед выбором: оставить ребенка или сделать аборт? Посоветоваться она ни с кем не могла. Разве написать Алексею? Но в последнее время, после ее ареста, он отдалился от нее. Что ж, так часто бывает в жизни — упавшему редко кто протянет руку... Так что самой придется нести свой крест.

По пути в барак Клеопатра зашла в аптечный киоск, расположенный на территории колонии рядом с продуктовым магазинчиком. Получила лекарства, которые, по всей вероятности, были в колонии в большом ходу. Девчонка-аптекарьша понимающе ухмыльнулась и молча протянула ей целлофановый пакетик с медикаментами. На ее лице Клеопатра без труда прочитала: ну вот, еще одна краля исхитрилась забеременеть, чтобы с помощью ребеночка облегчить свою участь...

— Что-то ты бледная сегодня, Зулейка Ивановна, — сказала одна из ее новых сокамерниц.

— Недоспала, наверное, — вяло ответила Клеопатра и без сил повалилась на койку: как раз только что прозвучал сигнал отбоя.

Сокамерница участливо приложила руку к ее лбу:

— Температура вроде нормальная. Отдыхай, все пройдет.
«Ничего само не пройдет», — подумала Клеопатра.

События последних трех месяцев потрясли Алексея. Казалось, жизнь наконец-то начала налаживаться. В Люберецком банке развития он стал хорошо разбираться в финансово-кредитном деле, научился отслеживать и регулировать финансовые потоки, о которых в прежней жизни имел слабое представление. Заключил пару выгодных для банка сделок, чем заслужил одобрение руководства. А главное — им был доволен Саркис, которому, собственно говоря, банк через подставных лиц и принадлежал.

И вдруг все пошло-поехало. Как горох из худого мешка, посыпались беды, и одна горше другой. Погибла Наташа. Клеопатра сидит в Можайской колонии. Света хандрит, хнычет все время. Врачи говорят, что это сугубо нервное. Учится дочь теперь на тройки, и то еле-еле, уроки делать не хочет.

Алексей изредка навещался к Клеопатре в колонию. Вероятно, Клеопатра сумела там завоевать авторитет, потому что однажды начальник колонии Марина Федоровна Залеская предоставила им для свидания служебную комнату, где они провели упоительные часы. А потом... потом Клеопатра призналась ему, что беременна, и рассказала о перипетиях, которые предшествовали ее аресту. Алексей пытался приободрить ее, но сердце защемило: его ли ребенок?..

Вернувшись в Москву, он рассказал о случившемся Саркисяну. Мудрый банкир попытался развеять его сомнения. Майор, мол, изнасиловавший Клеопатру, был обкуренный, а все наркоманы — импотенты, это общеизвестно.

— Какой же импотент, если он изнасиловал? — удивился Алексей.

— Если не импотент, то, во всяком случае, неполноценный мужчина, — гнул свою линию Саркисян. — Наверняка этот майор не успел кончить свое дело, как его пришиб Влад!..

Ильин во все это верит и не верит, но на сердце камень, который не сбросить.

Света стала раздражительной, спит плохо. Ясное дело: растет без материнской ласки. На могилу матери не ходит, да и на свидания с Клеопатрой не рвется. Но стала частенько посещать церковь, благо та рядом с их домом, у станции метро «Битцевский парк». Отец Федор заметил девочку, стал привечать, вести с ней долгие беседы...

Одинокого соседа по подъезду стала опекать хохлушка Ангелина, которая работала буфетчицей в кафе. Видный мужик, маявшийся с дочерью-малолеткой, запал ей в душу, и она приступила к активным действиям.

Ангелина жила на седьмом этаже, Ильин — на четвертом, и они нередко встречались в лифте. Буфетчица обладала легким, веселым нравом, а помимо этого — хорошей фигурой. Кафе, в котором она работала, процветало. С некоторых пор оно стало излюбленным местом бизнесменов. Заработки ее, включая щедрые чаевые, были весьма приличными, а главное, среди состоятельных посетителей частенько находился тот, кто именно в этот вечер жаждал получить порцию ласк и любовных утех. Тут-то и приходила ему на помощь всегда готовая откликнуться пышногрудая Ангелина. Но постоянная смена партнеров ей в конце концов наскучила. Хотелось чего-то прочного, основательного. Да и года к тому клонили — ей уже тридцать семь стукнуло.

Она заприметила Ильина еще при Наташе, тогда ей и в голову не приходило посягать на

статного мужчину, который всегда с ней вежливо здоровался. Но теперь... Теперь положение кардинально изменилось. Наташа погибла. И это, решила Ангелина, развязывает ей руки.

Начала она обходным маневром — со Светы. Девочка стала неухоженной — понятно: без присмотра и материнской ласки. Именно последнее и было взято на вооружение.

Однажды, возвращаясь из кафе, Ангелина увидела у подъезда Свету. Девочка под дождем бродила около дома.

— Ты чего домой не идешь, Света? — спросила ее Ангелина, держа над головой красивый японский зонтик.

— Разве вы меня знаете? — удивилась девочка, подняв на нее глаза.

— Конечно. Я живу в этом подъезде. Меня зовут Ангелина. Я — добрая фея. Хочешь, мороженым тебя угощу, хочешь — шоколадкой...

Девочка потупила глаза, носком ботинка ковыряя землю.

— И долго ты намерена гулять под дождем? — продолжала красивая тетя.

— Я ключи забыла взять, а папы дома нет, — вздохнула Света.

— Вон оно что. Пойдем ко мне, — сказала Ангелина и решительно взяла ее за руку.

— Я папу подожду.

— Подождешь у меня.

— А как он узнает, что я у вас?

— Очень просто. Мы позвоним ему.

В квартире у новой знакомой Свете понравилось. Комнаты были чисто прибраны, на столе стоял букет из роскошных орхидей — подарок очередного хахала. Пахло вкусной сдобой — Ангелина принесла с работы большой пакет с выпечкой.

Они пошли на кухню пить чай. Девочка назвала номер своего телефона, и в ходе разговора хозяйка несколько раз звонила Алексею, но никто не отвечал.

— Папа когда приходит?

— Когда как, — беспечно ответила Света, слизывая с ложки вкусное вишневое варенье без косточек. — Иногда допоздна в банке задерживается.

«Банкир, надо же», — подумала Ангелина и повела плечами.

Потом они смотрели телевизор, продолжая болтать, так что, в конечном счете, подружились. Ангелина не забывала периодически названивать Ильину. Время шло, у девочки начали слипаться глаза. Хозяйка предложила устроить ее на кушетке, но Света наотрез отказалась:

— Я папу дождусь.

После очередного телефонного звонка, на который никто не откликнулся, Света решительно поднялась:

— Я домой пойду.

— Так ведь папы дома нет.

— Может, телефон испортился?

— Не болтай глупости, телефон исправен.

Но Света была непреклонна.

— Ладно. Еще одна попытка — и я тебя отпущу, — сдалась Ангелина.

Она набрала номер, который успела выучить наизусть, и трубку сразу сняли:

— Слушаю.

— Это Алексей? — с придыханием спросила женщина.

— Кто говорит?

— Это Ангелина, ваша соседка по дому. Ну, с седьмого этажа, — напомнила она. — Видите ли, Алексей...

— Извините, — перебил Ильин, — некогда разговаривать. Я должен позвонить. У меня несчастье — дочка пропала.

— Алексей, вы все время не даете мне договорить, — рассмеялась Ангелина. — Светочка у меня.

— Серьезно?!

— Я с мужчинами никогда не шучу. Только они со мной шутят.

— Боже мой! А я тут чуть с ума не сошел. Спускайтесь к нам. Обе!

— А знаете что, Алексей, поднимайтесь вы к нам, у нас веселее.

Она сообщила Ильину номер своей квартиры, и через несколько минут он вошел в комнату с бутылкой армянского коньяка.

Света уже почти спала. Она даже на отца слабо отреагировала. Ильин расцеловал ее, пожурил за то, что забыла ключи.

— Ну? Останешься у меня? — предложила Ангелина, глядя Свету по голове.

— Спать хочу... — пробормотала Светлана.

Тогда Алексей взял дочь на руки и пошел к выходу, поблагодарив женщину за гостеприимство.

— А коньяк? — спросила Ангелина.

— Это вам. Знаете, я так вам благодарен, что вы не оставили вниманием...

— Забирайте свой коньяк. Я пригласила девочку не ради платы.

— Ну, что вы... — смутился Ильин. — Я не хотел вас обидеть.

— Берите, берите. — Она взяла со стола бутылку и протянула ее Ильину.

— Знаете что, Ангелина? Пусть стоит у вас. Когда-нибудь вместе разопьем.

«Пусть лучше стоит не у меня, а у тебя, дурень», — подумала она и улыбнулась:

— Другой разговор.

— Предложение принимается?

— Только с одной поправкой, — сказала она. — Зачем ждать подходящего случая? Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Свету надо уложить.

— Уложите и возвращайтесь сюда.

Алексей, что-то соображая, смотрел на ее лихорадочно блестящие глаза и вздымающуюся грудь.

— Придете?

— Приду, — неожиданно для себя согласился Ильин.

Затащить Алексея в постель после армянского коньяка не составило для Ангелины никакого труда. Да, честно говоря, Ильин и не сопротивлялся. Буфетчица в делах любви оказалась большой выдумщицей и затейницей. Алексей прокувыркался с ней всю ночь, не ожидая от себя такой прыти, и только утром побежал к себе, на четвертый этаж, чтобы покормить Светлану завтраком и проводить в школу.

«Чтоб ты жил в эпоху перемен» — гласит древнее китайское проклятие.

Всю непредсказуемость и нелепость происходящего Игорь Чернов почувствовал только теперь, став заместителем начальника отдела. А в связи с тем что полковник милиции Николай Ковалев был отправлен в длительную служебную командировку, Чернов фактически стал начальником отдела. И здесь, на новой должности, он с горечью осознал, как несовершенна и раздроблена правоохранительная система страны. Бесконечные разделения, воссоединения, переподчинения не позволяли эффективно бороться с наркоманией и наркомафией. Взять хотя бы в пример новый Госкомитет по борьбе с наркотиками. При его создании не были упразднены аналогичные структуры в МВД, ФСБ и других системах. А ведь все они порой занимались одними и теми же делами.

Так, дело банкира Саркиса Саркисяна, которое начал вести Игорь Чернов и его отдел, забрали в ФСБ, и через месяц изворотливый банкир уже гулял на свободе.

Дело об убийстве наркобарона Черного Беркута вел уголовный розыск. А дело с наркосиндикате — Госкомитет по борьбе с наркотиками. Не успели закончить расследование, как дело по «Эдельвейсу» закрыли. Однако Чернов всем своим нутром оперативника чувствовал, что это дело нельзя прекращать ни в коем случае. И хотя пришло распоряжение спустить это дело на тормозах, Чернов на свой страх и риск поручил заниматься им майору Панкратову. Больше всего Чернова волновала лаборатория по синтезу нового наркотика, которая, по его сведениям, продолжала действовать.

Для него стало уже традицией по субботам навещать Тамару. Как он сам говорил себе не без доли цинизма — «для здоровья». Женщина принимала его радушно. Они чаевничали, а потом до утра занимались сексом. Но однажды, когда он в условленный день пришел к Тамаре, она его не приняла. Ее муж Станислав, закоренелый наркоман, скончался в тюрьме, о чем она получила официальное извещение. И хотя между супругами все давно перегорело и все было кончено, Тамара сильно горевала. Она замкнулась в себе, спала с лица. И теперь казнила себя за то, что изменяла бедному Стасику.

Что же касается Чернова, то он, впервые основательно выпавшись в ночь с субботы на воскресенье, утром долго раздумывал, чем бы заполнить выходной день. Решил пойти в зоопарк, немного развеяться.

У кассы зоопарка стояла большая очередь. Можно было, конечно, пройти без очереди, по милицейскому удостоверению, но Игорь был в штатском и не хотел ловить косые взгляды, когда он будет козырять перед контролером красной книжечкой.

Подойдя поближе, убедился, что очередь движется быстро, поскольку работают две кассы. И точно, минут через пятнадцать он был уже в зоопарке и любовался белоснежными лебедями, выписывающими круги на пруду. Затем долго бродил от клетки к клетке, от вольера к вольеру, внимательно читая пояснительные таблички на каждое животное.

Чернов уже совсем было собрался уходить, почувствовав легкий голод, когда в толпе мелькнуло знакомое лицо. Он пригляделся — это был Ильин с дочкой.

Ильин был искренне рад встрече, ему не доставало сочувствующей души, перед которой можно выговориться. После ареста Клеопатры он явственно почувствовал вокруг себя холодок отчуждения, исходивший от ее прежних подчиненных, оставшихся на свободе. То ли они считали Алексея выскочкой, который пытается вылезти «из грязи в князи», держась за юбку своей жены, то ли это была элементарная зависть. Он вел замкнутый образ жизни, и, пожалуй, один только Саркис Саркисян вроде бы сердечно относился к «соломенному вдовцу».

Игорь и Алексей медленно шли по дорожке, мокрой после недавнего дождя.

— Где-то я читал, что полное одиночество человек испытывает только в толпе, — сказал Алексей, обходя огромную лужу.

— Если не считать камеру-одиночку.

Света то забежала вперед, то отставала, подбирая тонкие прутики, и совала их в вольеры. Словом, была весела и оживленна.

— Не потеряйся, — все время беспокоился Алексей и норовил схватить ее за руку, но девочка вырывалась и снова убегала вперед.

Друзья решили отметить встречу в кафе, оранжевые тенты которого увидели за вольером с орлами.

— Там, небось, мест нет, — усомнился Алексей. — Народу-то!

— Посмотрим.

Однако кафе оказалось полупустым.

— Цены кусаются, а народ нынче не богатый, — сказал Игорь, выбирая взглядом столик поуютнее.

Пока они прикидывали куда сесть, Светлана уже сделала выбор. Она побежала в дальний угол и села за свободный столик. Мужчины двинулись следом.

— Папуля, мне мороженое, — сказала девочка.

— Знаю, знаю. Только ешь медленно и понемногу.

— И шоколадом посыпанное, — добавила она.

— Гланды у нее, — озабоченно сказал Алексей, изучая меню. — Клеопатра все собиралась удалить их, да вот... — Он не договорил. Подошла официантка, приняла заказ. Сначала решили отметить встречу коньяком, потом остановились на водочке.

— Как там, кстати, Клеопатра? — спросил Игорь, когда официантка, приняв заказ, отошла. — Бываешь у нее в колонии?

— Был два раза.

— Как содержание? Сносное? Может, чем-то помочь?

— Там и без тебя есть, кому помочь, — произнес Алексей и запнулся, подумав, что сболтнул лишнее.

Игорь положил свою ладонь на его руку:

— Не говори, если не считаешь нужным.

Вскоре появились запотевший графинчик и немудреная закуска, а Света принялась за мороженое, посыпанное шоколадной крошкой.

После первой Алексей тяжело вздохнул и негромко произнес, наклонившись к Игорю, чтобы Света не слышала:

— Клеопатра беременна.

— Дружище, я немного знаю о курганском деле, — кивнул Игорь. — Думаешь, это последствия изнасилования?

— Да.

— И что дальше?

— Никак не решим, — вздохнул Ильин. — Клеопатра колеблется, склоняется к тому, чтобы сделать аборт.

— А ты?

— Уговариваю оставить ребенка. Бог даст, будет у нас сын.

— Она не говорила тебе, зачем в Курган?

Алексей покачал головой:

— Мы из-за этого чуть не поссорились. Но что она собиралась там развернуть новый наркосиндикат... — И тут же замолчал, спохватившись, что проговорился. Но после второго графинчика он, не таясь, выложил свои мысли приятелю. — Я сам все время об этом думаю.

— И что надумал?

— А пускай все будет по закону. Пусть закон несовершенный, с дырками и прорехами, но это закон.

— Знаешь, как сказал один историк: суровость законов в России смягчается необязательностью их исполнения, — вздохнул Чернов.

— Вот-вот! — подхватил Ильин. — От необязательности исполнения все наши беды.

— Думаешь?

— Уверен.

Они провели время вместе до самого вечера. Выйдя из кафе, прошлись по Краснопресненской улице, в детском городке близ станции метро покатали Свету на пони. Друзья вспомнили былое и совсем было расслабились и расчувствовались, как у Чернова зазвонил сотовый.

— И в воскресенье покоя не дают, — сочувственно сказал Алексей. — Или, может, очередная дама сердца? — игриво подмигнул он.

Но звонила не дама сердца, а майор Панкратов. Он сообщил, что в поле зрения оперативников наконец-то появился Громада — второе лицо в «Эдельвейсе». А еще, по донесениям УБОП, в Кемерове появилась «феня». Завезли ее из Новосибирска.

Глаза у Чернова загорелись, остатки хмеля как рукой сняло. Выходит, интуиция его не подвела: гигантский спрут жив и продолжает действовать. Что ж, на этот раз дело надо доводить до конца.

* * *

Операцию по окончательному разгрому «Эдельвейса» начальство поручило возглавить Игорю Чернову.

Через несколько дней напряженной работы с документами он пришел к мысли, что секретная лаборатория находится в Ленинградской области.

Игорь посмотрел на часы: через пятнадцать минут в кабинет для допроса доставят курганского наркоторговца, который имел непосредственный контакт с Клеопатрой. Именно он вывел ее на майора-гаишника, который впоследствии ее изнасиловал. На чистой странице блокнота Игорь набросал вопросы, которые необходимо было задать задержанному.

...Когда через два с половиной часа допроса конвоир увел арестованного, Игорь готов был немедленно начать действовать. Подпольная лаборатория, по показаниям арестованного, находилась в городе Парголово под Санкт-Петербургом.

Еще не успела закрыться за наркодилером дверь, а Чернов уже названивал Панкратову по мобильному телефону. И начала раскручиваться милицейская машина, и чем дальше, тем быстрее.

Во время допроса Игорь Чернов попутно узнал множество любопытных и даже пикантных деталей, связанных с пребыванием Клеопатры в Кургане, — и о майоре-

наркомане, который не успел завершить свой любовный акт, и вообще о тамошней верхушке города...

Игорь подумал, что кое-какие подробности, касающиеся Клеопатры, могут быть небезразличны Алексею. Тот наверняка обрадуется, узнав, что отец ребенка все же он, а не майор-наркоман. Но сейчас и минутки у него не будет свободной, чтобы связаться с приятелем. Да и что значит — связаться? По телефону всего не скажешь, а встретиться... Тот воскресный день, когда они случайно столкнулись в зоопарке, казался теперь далеким и нереальным.

На экстренном совещании у начальника управления было решено подключить к делу Санкт-Петербургское отделение Госкомитета по борьбе с наркотиками.

— Сегодня же вечером выезжайте в Северную столицу, — произнес в заключение генерал.

— Поездом? — спросил Панкратов, выходя из кабинета начальника управления.

Чернов покачал головой:

— Попробую договориться с начальством, может быть, дадут машину.

Больше всего Чернов опасался, что может произойти утечка информации, как это, увы, уже не раз бывало в подобных случаях. Тогда захват подпольной лаборатории может сорваться.

Недалеко от Санкт-Петербурга их встретили еще две машины с омонотцами и коллегами из местного отделения милиции. Через несколько минут они уже мчались по известному ему адресу, который сообщил на допросе курганский наркокурьер.

На сей раз опасения Чернова оказались напрасными — «крот» не сработал: может, не успел, а может, в данное время в их подразделении и вовсе не было никакого «крота».

В общем, операция по захвату нарколаборатории прошла успешно. Охранники, застигнутые врасплох, оказали пассивное сопротивление, не применив оружие. Несколько разбитых носов и выбитых зубов у тех, кто попытался не пропустить группу захвата, не в счет.

Готовое зелье, расфасованное и ожидающее отправки в разные регионы России и за границу, а также ингредиенты для его производства были описаны и доставлены в лаборатории МВД и Госкомитета.

Невский проспект с его сияющими витринами, разноцветной неоновой рекламой и праздничной толпой остался далеко позади. Машина с двумя наркодельцами, счастливо избежавшими ареста, ехала в сторону Васильевского острова, и с каждой минутой Северная Пальмира теряла внешний лоск и праздничное уличное убранство. Домишки становились пониже, а реклама — пожиже. Правда, зелени здесь было больше, чем в центре.

Вано вел машину, напряженно вглядываясь в дорогу. Леха Долговязый сидел рядом.

— Шеф, а что это? — спросил Леха, показав на большой храм.

— Ты про церковь, что ли? — уточнил Счастливчик.

— Про нее.

— Эта церковь, Леха, может быть, самое старое строение на Васильевском острове. По преданию, ее заложил сам Петр Первый. Он и чертежи сделал, и сам глину месил, камни таскал...

— Неужто сам царь камни таскал да глину месил? — удивился Леха.

— Ну не знаю. Так люди говорят.

Пришлось слегка притормозить, чтобы пропустить женщину с коляской, переходившую дорогу, и мысли Вано переключились на Машу. Но думал он сейчас не о любовных утехах, а об осуществлении замысла, в котором Маша должна была сыграть не последнюю роль.

...Машенька родилась в сибирской деревушке, в нескольких километрах от которой располагался секретный полигон, где испытывали ракеты. И однажды военный вездеход, направлявшийся к полустанку Транссибирской дороги, заблудился из-за пурги и, изрядно поколесив по полутундре, заехал в Богом забытую деревеньку. Экипаж выбрал избу наугад. Старший прапорщик забарабанил в дверь. Долго никто не открывал.

Наконец в доме зашевелились, скрипнула дверь, и женский голос спросил:

— Кто там?

— Свои, — ласково отозвался старший прапорщик, — военные мы, из соседнего гарнизона. Заплутали, из сил выбились. Пустите погреться.

Женщина замолчала, раздумывая, видно, как поступить.

— Кого там нелегкая принесла? — донесся хриловатый мужской голос.

— Военные, бать, с дороги сбились. Обогреться хотят.

И снова молчание.

— Мы заплатим. Наш БТР во дворе у вас стоит. Не бойтесь.

— Ладно, — сказала женщина. — Только оденусь.

Хлопнула дверь. Прапорщики ждали минут пять.

Наконец отодвинулся тяжелый засов и их впустили.

Первое, что бросилось в глаза Вано, когда они вошли в избу, — черная худая коза с двумя козлятами. Она стояла на соломе, недружелюбно посматривая на пришельцев, нагнув голову и выставив рога. Маленькие, такие же черные козлята испуганно жались к ногам матери. За козой с козлятами в левом углу Вано рассмотрел фанерную загородку с дверкой, начинающуюся не от самого пола и не доходившую до потолка — не хватило материала. Справа, в небольшом закутке за русской печкой, стояла кровать. На ней сидел старик в нижнем белье.

— Здравствуйте, — сказал старший. — Извините нас, заплутали в метель. Дорогу замело, не знаем, куда сунуться. Разрешите хоть с часик переждать.

— Пожалуйста, пожалуйста, — гостеприимно отозвалась хозяйка, — раздевайтесь. У меня муж тоже военный, третий месяц в Чечне конституционный порядок наводит. Живым бы вернулся.

— Чечня — крепкий орешек, — сочувственно вздохнул старший прапорщик. — Я там дважды бывал. Не дай бог снова пошлют. — Он сбросил куртку, женщина положила ее на лавку, предложила помыть руки.

Вано наблюдал, как женщина аккуратно и экономно поливала старшему прапорщику на руки. Ей было лет тридцать пять, не больше: сильная и ловкая, несколько полноватая, игривая — в ее движениях, в улыбке, которой она одаривала командира, в неумелом кокетстве видно было желание понравиться. Дед искоса поглядывал на свою невестку, чесал пятерней бороду, недовольно побряхтывал.

Вано тоже решил раздеться. Но едва сделал шаг к скамейке, как коза вдруг приняла боевую стойку.

— Ишь ты, драчунья. — Вано протянул к козе руку, чтобы погладить ее, успокоить. Но коза сделала выпад рогами. Вано невольно отдернул руку.

— Вот я тебе пободаю! — незлобиво прикрикнул на козу старик и стал натягивать портки. Прошлепал босыми ногами по полу к козе, почесал ей за ухом. — Ложись, дурочка, ложись. Никто твоих сорванцов не тронет.

К удивлению Вано, коза послушалась старика, легла и стала лизать козлят.

— Вот ведь какая она, жизнь: и люди, и скотина вместе, — пожаловался старик. — Сарай совсем в негодность пришел, и ремонтировать нечем. Холодина. Вот и пришлось их в хату забрать.

Старший прапорщик между тем вымыл руки, повеселевший, взбодренный вниманием симпатичной женщины, начал «обрабатывать» старика:

— У каждого, дедусь, свои беды. Мы вот тоже, как говорится, пошли по шерсть, а вернемся стрижеными — заплутали. Командир за это по головке не погладит. Да что теперь поделаешь. Продрогли, не заболеть бы. Может, найдется у вас граммов по сто пятьдесят для сугреву? Мы хорошо заплатим и вас угостим, — достал из кармана несколько сторублевок.

Дед стрельнул наметанным глазом по деньгам, кивнул на невестку:

— Разве что у нее где... Наталь, надо уважить командира.

— Уважим, как не уважить, — расплылась в улыбке Наталья. Подала старшему прапорщику полотенце и, взяв спички, вышла в сенцы. Вернулась с трехлитровой бутылкой мутноватой жидкости. Старший прапорщик сунул ей в руку деньги:

— И если можно, что-нибудь закусить.

— А ну, Маш, слезай с печки, начисть картошки! — скомандовала Наталья.

На пол спустилась девочка лет четырнадцати, симпатичная, в простеньком платьице, плотно обтягивающем грудь. Зыркнула на Вано черными, как антрацит, глазами и смущенно потупила их. Очень понравилась она молодому ракетчику...

У хозяев нашлись квашеная капуста и соленые огурчики. Через час вся компания, за исключением Маши, сидела за столом и старший прапорщик, как заправский тамада, наполнял рюмки и произносил тосты. Самогонка была вонючая и горькая (похоже, для крепости в нее добавляли табаку), и Вано с трудом цедил ее сквозь зубы, а старший прапорщик пил, словно воду, не морщась, не торопясь закусить. Старик и молодичка не

отставали от него. Лица их покраснелись, глазки пьяно поблескивали.

Маша выполняла обязанности официантки, и старик время от времени сердито на нее покрикивал. Невестка тоже не жаловала девочку вниманием, и Ваню понял, что она здесь не пользуется любовью. Когда все достаточно захмелели, он набрался смелости:

— Пусть и Маша с нами посидит. Хватит ей, как прислуге, суетиться. — Даже налил ей рюмку. — Выпей, красавица, закуси и отдохни. Укрась наш стол.

Сослуживцы горячо его поддержали:

— Правильно! Иди к нам. За столом у нас никто не лишний.

Старик и Наталья не возразили. Маша осмелела, пригубила рюмку и закусила.

Ваню с вождением поглядывал на нее, не переставая наблюдать и за остальными. Наталья частенько бросала призывные взгляды то на старшего прапорщика, то на механика-водителя (игнорируя почему-то Ваню, видно, молод для нее); поддразнивая их: ну, кто из вас смелее?

Старший прапорщик стал рассказывать, как воевал с чеченскими боевиками, беззастенчиво врал, дед слушал с открытым ртом, изредка задавая один и тот же вопрос: «Когда же там кончится?» Наталья слушала в пол-уха, выражая нетерпение. И едва старик зевнул, скомандовала:

— Спать, батяня. Спать. И товарищам командирам надо отдохнуть. Они умаялись в дороге, и еще предстоит поколесить по сугробам.

Дед, пошатываясь, встал, окинул комнату взглядом: где же ты нас всех разместишь?

— Ты на печке поспишь, — распорядилась Наталья. — Товарищи командиры — за перегородкой, на моей кровати; надеюсь, все трое поместятся, они не толстые. А я в закутке, на твоей. Машка — на лежанке.

Дед одобрительно кивнул и заковылял к печке. Старший прапорщик помог ему забраться на теплые кирпичи, прикрытые выдавшей виды дерюжкой.

Второй прапорщик, едва только старший оставил Наталью, петухом закружил вокруг нее, помогая ей и Маше убирать со стола.

Старший прапорщик не собирался уступать товарищу и нанес ему коварный удар:

— Вот, Миша, какую жену надо выбирать: и хозяйка, и мать, и любовница. А ты...

— Он что, жениться собирается? — спросила Наталья.

— К сожалению, — вздохнул старший прапорщик. — Был человек, а теперь решил дружбу поменять на любовь.

— Правда?

— Правда, — не стал отпираться товарищ. — Он тоже ухлестывал за моей избранницей. Но она мне предпочтение отдала. — И гордо расправил плечи. — Кстати, если хочешь, я могу тебе ее уступить. Мне вот Наталья больше понравилась. Возьму и сделаю ей предложение.

Старший прапорщик прикрыл ему рот ладонью:

— Тс-с. Вот дед тебе даст предложение. Пошли-ка лучше спать.

Когда они проходили к загородке, коза снова встала и наставила на них рога.

— Ну-ну, — предостерегающе погрозил ей Ваню. Он не спешил за перегородку. Остановился около Маши, чтобы помочь ей забраться на лежанку. Когда она улеглась, спросил участливо: — Обижают здесь тебя?

Маша только вздохнула.

— Ты им кто?

— Пятая вода на киселе. Мамка недавно умерла от белой горячки, а отец еще до войны в Чечню уехал на заработки и бесследно исчез. Меня и взял к себе дед Пашка, дальний родственник мамки. — Снова вздохнула. — Я у них за прислугу: и за скотиной ухаживаю, и воду из проруби ношу, и убираю, и стираю. Уехать бы отсюда, куда глаза глядят.

— Да, положеньице, — посочувствовал Ваню и будто случайно коснулся грудей девочки. Она не среагировала. И Ваню прижался к ним лицом. — А хочешь, я заберу тебя к себе?

— Хочу.

Дед храпел на печи на все лады. Наталья ворочалась в своем закутке, подавая знак, что ждет. Старший прапорщик шепнул товарищу:

— Я первым пойду. — Встал, подошел к двери-калитке, толкнул ее, раздался скрежет. Старший прапорщик замер на месте. Не хватало еще деда разбудить. Выждал немного, и его осенило: лег на пол и по-пластунски пополз под перегородку. Остановил его глухой удар и тревожное: «Бе-е!»

Ваню и Маша зажали рты от давившего их смеха.

— Иди к черту, рогатая, — проворчал старший прапорщик. — Не нужны мне твои бесенята. — Отполз подальше и вылез. Протопал в закуток.

Зашуршало одеяло, послышались торопливые, жаркие поцелуи, а потом пыхтение, восторженные охи, ахи. Ваню не выдержал и забрался на лежанку к Машеньке. Она не сопротивлялась...

Прощались гости в угрюмом молчании.

Чай из самовара тоже пили молча. Когда Маша потянулась к сахарнице, Наталья ударила ее по руке и прошипела:

— Подстилка солдатская.

На глазах девочки выступили слезы. Она вдруг поняла, что в деревне ей больше жизни не будет. О том, что произошло ночью, станет известно всем, и ее задразнят, затравят.

«А ты, а ты сама?» — хотелось крикнуть тетке в лицо, но она промолчала, глотая слезы. Что теперь толку обвинять других? На ней, на ней самой лежит пятно позора. Это она понимала своим детским, вдруг разом повзрослевшим умом.

Гости, поблагодарив хозяев за хлеб-соль, собрались в дорогу. Не отдавая себе отчета в своих действиях, Маша выскочила во двор вслед за своим первым любовником.

— Ваня, ты же обещал...

— Садись! — открыл дверь кабины Ваню. — Залезай!

Когда дед вышел на крыльцо, БТР уже выехал на дорогу.

Маша, дичась, сидела в кабине. Мысли путались в ее детской головке, но она твердо знала одно: назад в село ей пути нет.

Ваню понимал ее чувства — он, мучивший ее ночью, думал, как искупить свою вину. Когда БТР остановился на станции, Ваню взял Машу за руку и подвел к вислоусому проводнику пассажирского вагона. Сунул ему смятые сторублевки:

— Вот девочка. Доставь ее до Грозного. У меня там отец живет. Дашь ей в пути чаю и сухарей, не обеднеешь.

— Доставим в лучшем виде, — осклабился проводник и поднял Машу на ступеньку.

Маша безвылазно сидела в служебном купе и смотрела в окошко на проплывающие пейзажи. На вопросы любопытного проводника не отвечала.

— Прощась бы, Маша, по вагону, что ли. Ноги размяла бы, а то затекут, — предложил

проводник.

Она отрицательно покачала головой. Ей было стыдно. Казалось, что каждому известно о том, что с ней произошло ночью.

...В Грозном отца Ваню Маша не нашла и стала проституткой. Потом началась война. Все русскоязычное население покинуло Чечню. Девочка добралась до Москвы, прибилась к стае таких же маленьких товарок. Ночевали они в подвалах, зимой грелись у труб теплотрассы и вентиляционных решеток метро. Подворовывали, пристрастились к наркотикам.

Все, что Маше удавалось заработать, она тратила на зелье.

В Москве ее несколько раз вылавливали во время милицейской облавы, помещали в детский приемник, пытались взять на попечение разные благотворительные организации, однако Маша каждый раз убегала. И дело было вовсе не в стремлении к свободе. Просто она понимала, что за стенами интерната ей придется распрощаться с «феней», а это было выше ее сил.

Постепенно она сформировалась в милостивую девушку, несмотря на условия, умудрялась следить за своей внешностью. На нее заглядывались многие мужчины, иногда делали серьезные предложения, но Мария их бездумно отвергала. Ее интересовали только деньги. Дилеры, шнырявшие у трех вокзалов, стали ее добрыми знакомыми, и ей, как постоянной покупательнице, делали скидки.

Здесь, на перроне, и встретил ее случайно возвращавшийся на родину Ваню. К тому времени он был уже наркодилером, и у него в запасе всегда была «феня».

Счастливчик предложил ей бросить занятие проституцией и быть с ним вместе, соединить судьбы.

— Я бы и рада, — сказала Маша, — но вряд ли это получится.

— Ты о деньгах? У меня хватит на двоих.

— Дело не в деньгах... Понимаешь, Ваню, меня тут, в Москве, каждая собака знает. И девочки, и... клиенты. Мне нужно полностью сменить обстановку.

Ваню задумался.

— Ты права, — сказал он. — Давай уедем в Питер. Там я сниму квартиру, есть там у меня одна на примете.

Маша согласилась.

Ваню снял на Васильевском двухкомнатную квартиру, правда, обшарпанную. Знакомые ленинградские дилеры помогли ее обустроить. Вот так и появились у Счастливчика впервые в жизни и жена, и дом.

Теперь он мчался туда на всех парах, а рядом сидел болтливый Леха.

Маша встретила их радушно. Все, что было в холодильнике, она выставила на стол, быстро приготовила горячее. Посидели, выпили, поговорили о жизни в Питере.

Когда супруги наконец остались одни, Ваню рассказал ей о последней своей одиссее.

— Значит, все деньги у тебя?

— О чем и речь, Машка, — прошептал Ваню. — Я что надумал... Деньги заберем себе уедем в Тбилиси. Там нас не найдут, другое государство. И заживем счастливо.

— А Леха? — спросила Маша.

— Его придется убрать, ничего не поделаешь, — сказал Счастливчик. — Дам ему смертельную дозу.

Что ни говори, а колония есть колония. При всех благах и послаблениях, которых сумела добиться Клеопатра, она оставалась в неволе. Вскоре о ее беременности стало известно всем. Одни товарки советовали сделать аборт, а вот у Нинель было другое мнение.

— Рожай, и никаких гвоздей! — сказала она Клеопатре.

— Ты же знаешь, как все получилось... — начала было та, но подруга перебила:

— Да знаю я все. И скажу тебе так: кто отец ребенка — для женщины не имеет никакого значения.

— Он пропойца, наркоман...

— Да ты сама, голубушка, в прошлом наркоманка. Забыла, что ли?

— Нинель, я имею в виду наследственность...

— А я твою наследственность имею в виду! Знаешь, как за последнее время шагнула вперед медицина? Почистят гены твоему ребеночку, как новенькие будут.

— Нинель, ну что ты несешь.

— Знаю, что несу. За деньги тебе что хошь сделают. Возьмешь за бока своего армяшку жирного...

— Какого армяшку? — Клеопатра сделал вид, что не понимает, о ком речь.

— Ну, этого, который к тебе иногда шастает... Он ведь банкир?

— Откуда ты знаешь? — удивилась Клеопатра.

— Я многое знаю, девочка, — подмигнула ей Нинель.

В общем, Клеопатра решила рожать.

Залесская перевела Зулейку Ильину на щадящий режим. Ее поместили в отделение для беременных, которое никогда не пустовало. Молодые зэчки любыми способами пытались забеременеть, чтобы облегчить свое положение. Заключение с грудным ребенком по закону полагались различные послабления и льготы, при особых обстоятельствах — вплоть до досрочного освобождения.

Трудно описать чувства, охватившие Алексея Ильина, когда тот узнал от нее всю правду. В конечном итоге он одобрил решение Клеопатры.

Для свидания Залесская предоставила им служебную жилплощадь. Это была вполне приличная квартира, с холодильником, японским телевизором, ковром на полу в гостиной, правда, выцветшим.

Алексей изголодался по жене: с капризной Анжелиной у него вышла серьезная размолвка, и буфетчица отказала ему в доступе к телу. Ильин даже обрадовался этому. И вот встреча с женой.

Однако в постели Клеопатра вела себя скованно.

— Ладно, мать. Пора под прошлым подвести черту, — решительно сказал Алексей. — В конце концов, все могло кончиться гораздо хуже.

— Куда уж хуже.

— Могли, скажем, башку тебе проломить в той проклятой курганской гибэдэдэшке. А так... — Ильин умолк и вдруг неожиданно улыбнулся.

— Что — так? — спросила Клеопатра.

— Может, это звучит и кощунственно, но ты забеременела первый раз в жизни. Разве

это не благо?

Потом они, перебравшись на кухню, сели за стол и стали вычислять время родов, строить планы.

Возвратившись в Москву, Ильин по просьбе Клеопатры встретился с Саркисом Саркисяном.

— Надо побыстрее вызволить Клеопатру из колонии. От этого зависит здоровье и будущее ребенка, — сказал Саркисян.

— А как ее вызволишь? — спросил Алексей.

— Это уж моя забота, — ответил банкир...

За два месяца до положенного срока Клеопатра почувствовала сильные боли внизу живота. Вызванный в камеру врач констатировал преждевременные схватки. Через день у Клеопатры родилась девочка. Измученная роженица с тревогой спросила у медсестры:

— А жить она будет?

— Врач обещал.

— А вес какой?

— Два кило без ста граммов. Знаете, Зулейка Ивановна, вначале все думали, что девочка умрет, и врач тоже так полагал. Но я ее выходила, всю ночь не отходила...

Медсестричка знала, что эта красивая зэчка из богатеньких, и выслуживалась, надеясь на подачку.

— Старайся, Настя. Я в долгу не останусь. — Клеопатра достала из-под подушки заранее приготовленную крупную купюру и сунула медсестре в карман.

— Ну что вы, Зулейка Ивановна, зачем это? — проговорила вспыхнувшая от удовольствия Настя.

— Бери, бери. Это только задаток. Поднимусь — отблагодарю как следует.

Девочка была настолько слаба, что выхаживать ее пришлось в специальном аппарате, привезенном в колонию по приказу Саркисяна.

От Саркиса она узнала о разгроме Парголовской лаборатории и аресте большинства дилеров.

Но хуже всего было то, что в лапы оперативников попал профессор Пак — научный руководитель проекта. По большому счету, только он один знал технологию производства синтетического наркотика.

И еще Саркисян сообщил в очередной свой приезд об очень странном случае:

— Мы очень рассчитывали на деньги, которые связной должен был привезти из Кемерова от Громады.

— И что? — спросила Клеопатра.

— Нет ни денег, ни связного: как в воду канул.

— Может, его тоже арестовали?

— Нет, я проверил: среди арестованных его нет.

— Точно?

— У нас остался осведомитель в ментуре. Весьма секретный. И дорогостоящий. Его не вычислили, — понизив голос, произнес банкир.

— В Кемерово была направлена огромная партия товара, — нахмурилась Клеопатра. — А кто был связной?

— Ваню Счастливику, водитель — Леха Долговязый, — сказал Саркис.

— Помню этих ребят. Вроде надежные. Может, что в дороге случилось?

Саркис развел руками.

— Послушай, может, Громада им только аванс выдал? — с надеждой произнесла Клеопатра. — Он ведь мужик прижимистый.

— Отзвонил я Громаде. Он заплатил Вану все, до последней копейки.

— Такого еще не было, чтобы курьеры заначивали выручку. Да и сумма значительная... Необходимо провести расследование.

— Провели, хозяйка. Хотя наши возможности, понятное дело, ограничены.

— И что? — оживилась Клеопатра.

— Служба безопасности сообщила, что у Вану есть гражданская жена в Петербурге. Послали туда человека. Он ждал в течение суток — в квартире никто не появился. Опросил соседей по лестничной клетке. Те сказали, что в квартире более двух недель никто не живет.

— Вану надо найти, — жестко сказала Клеопатра, — и если он виновен в хищении — примерно наказать, чтобы другим неповадно было.

— А может, он давно уже где-нибудь за границей кайфует. С такой-то суммой... Например, в Испании или Грузии.

— Во всяком случае, мы должны сделать все возможное, — отрезала Клеопатра. — Вернешься в Москву — сразу займись этим делом.

— Слушаюсь, хозяйка...

* * *

Девочка наконец-то пошла на поправку, и Клеопатре разрешили находиться с ней. И тут чувство материнства настолько захлестнуло ее, что она стала подумывать: а не послать ли все куда подальше, не посвятить ли свою жизнь этому крохотному, беспомощному существу? Смыться куда-нибудь. Например, в Испанию, там климат хороший, дочка легкие укрепит... Отказаться от дел. Может, это перст судьбы — разгром Парголовской лаборатории? Может, это знак свыше?

«...А что, если отец девочки — законченный наркоман. Воздействие „фени“ на гены человека никто толком не изучал. Что, если дочка, как ее ни оберегай, вырастет наркоманкой?» — От этой мысли Клеопатра застонала.

Лежащая на соседней койке женщина проснулась.

— Ты чего? Животом маешься? — спросила она.

Не ответив, Клеопатра поднялась, сунула ноги в холодные тапки и вышла в больничный коридор.

— Что, Зулейка Ивановна, не спится? — спросила ее дежурная медсестра.

— Не спится. Ты чем занята?

— А я готовлюсь к экзаменам. Учусь заочно. Скоро сессия.

— Молодец. А мне можно заочно учиться?

— Можно. Если разрешит начальник колонии.

Клеопатра расхаживала по коридору, раздумывая о том, как жить дальше. Может, действительно поступить в институт? Скажем, юридический факультет. Завязать с криминальным бизнесом. Уединиться, уехать с дочкой и Алексеем в Испанию. Но ведь бросить дело просто так невозможно. Пусть «Эдельвейс» разгромлен, но ведь некоторые члены организации остались на свободе. И она не может, не имеет права бросить их на

произвол судьбы. Она отвечает за своих подопечных...

Даша росла нервным, болезненным ребенком, часто хворала, но благодаря деньгам, которыми снабжал ее банкир, Клеопатра имела целый штат приживалок, от вольнонаемных медсестер до товарок по камере, всегда готовых ей услужить. Так что руки у нее были развязаны, на что и обратила однажды внимание начальник колонии Марина Федоровна Залесская.

— Зря время здесь теряешь, — сказала она Клеопатре. — В безделье. Спыхватишься — поздно будет.

— А что мне делать здесь, в заключении? — удивилась Клеопатра.

— У тебя какое образование?

Вопрос застал Клеопатру врасплох.

— Да какое там у меня образование? — махнула она рукой. — Только школа. Но где аттестат, ума не приложу.

— Хорошее образование в жизни необходимо, это верный кусок хлеба. Знаю, у тебя там есть какой-то бизнес... Ну а если он лопнет?

— Тогда на панель, — попыталась пошутить Клеопатра.

— На панель-то поздно, матушка. Там все больше восемнадцатилетние.

— Так что ж мне, в техникум идти?

— Начинать надо с курсов... Простудировать программу за выпускной класс... Девка ты толковая.

— Марина Федоровна, что вы такое говорите! — всплеснула руками Клеопатра на столь неожиданное предложение. — Вы это серьезно?

— Вполне. Еще успеешь поступить в институт.

— Институт? Какой институт?

— Думаю, тебе больше подойдет юридический. Хорошие юристы в цене.

Клеопатра поразились, как могла Марина Федоровна угадать ее сокровенное желание.

— Я помогу. Будешь учиться экстерном. Продолжишь учебу потом, когда выйдешь на волю, — сказала начальница. — Даже если за границу уедешь. Для учебы на заочном это неважно.

Клеопатра стала внимательнее прислушиваться к ее словам, начиная отыскивать в них смысл.

...Зулейка Ивановна оказалась сообразительной в науках — сама не ожидала от себя таких способностей. Правда, и репетиторы в колонии, совершенно добровольные, оказались у нее на уровне и старались не за страх, а за совесть, точнее — за баксы.

Репетитором по химии к ней напросилась профессорша из Екатеринбурга, крупный специалист в области неорганической химии, старая и заядлая наркоманка.

Немудрено, что при таких репетиторах богатая ученица быстро довершила свое образование и получила аттестат зрелости.

Залесская, будучи человеком благодарным и в чаянии будущих благ, сдержала свое слово и помогла определить подшефную во Всероссийский юридический институт, на заочное отделение.

Словом, дела у Клеопатры пошли в гору. Более того, ее Даша в последние месяцы стала

меньше болеть.

Упорядочилась жизнь и у Алексея, вошла в более или менее стабильное русло. Способствовала этому буфетчица Ангелина, которая вдруг снова вспылала к нему любовью.

Не без косвенного влияния многоопытной Ангелины у Ильина произошла ссора с Клеопатрой, первая за много лет совместной жизни.

Это случилось во время последнего свидания. Алексей приехал в колонию, и Залесская, по обыкновению, выделила им комнату. И холодильник был щедро заполнен, и все было, как прежде.

На ужин они позволили себе несколько рюмок коньяку, отступив от установленного для себя «сухого закона». Алексей решил немного расслабиться — слишком зажатым чувствовал себя в последнее время. Не испытывая на воле недостатка в женщинах, он несколько поотвык от Клеопатры, достоинства которой сумела затмить страстная буфетчица.

Клеопатра долго пыталась разжечь едва тлеющий огонек, но костер и не думал разгораться. Алексей был каким-то вялым — его и впрямь порядочно развезло от коньяка. Супружеский долг он исполнял без азарта.

— Перебрал я чуток... — оправдывался он, однако Клеопатра поняла, что дело тут вовсе не в переборе — ведь в прошлый раз он накидывался на нее, как голодный тигр.

— Скажи правду, Алексей, у тебя появилась другая женщина?

— Положа руку на сердце? — попытался пошутить Ильин.

— Ну, не на сердце, можно на три вершка ниже. Говори, ты мне изменяешь?

— Ты у меня одна.

— Что-то не похоже, я же вижу.

Ласки Клеопатры становились все настойчивее, и Алексей понял, что ему не отвертеться. И тут, на свою беду, он припомнил какой-то невероятный мостик — излюбленный способ изобретательной Ангелины, и решил соответствующим способом расположить супругу.

Клеопатра, несмотря на сообразительность, поначалу не могла понять, какой именно позы добивается от нее супруг, а поняв, пришла в ярость.

— Это какая сучка тебя научила, а?! — завопила она.

— Никакая не сучка... Я сам видел в «Плейбое», — неуклюже оправдывался Алексей, с которого мгновенно слетел хмель.

— К твоему сведению, этот журнал не занимается сексуальными изысканиями.

— Значит, это другой журнал был.

Кончилось дело тем, что взбешенная супруга вытолкнула его из постели на холодный пол, и Алексею превеликих трудов стоило упросить ее пустить его обратно под теплое одеяло.

Однако теперь ни о какой любви не могло быть и речи.

Ильин, укрывшись с головой и отвернувшись, так и не смог уснуть до утра. Его одолевали тревожные мысли. Вспомнилась погибшая Наташа. После того как ему сообщили горькую весть, Алексей, сопоставив разные соображения, пришел к выводу, что его бывшую жену убили по приказу Клеопатры. Он несколько раз порывался сказать ей об этом, но каждый раз сдерживался: ведь фактов-то у него не было. Промолчал он и на этот раз, мысленно упрекая себя за малодушие.

В какой-то момент он чуть было не решился. Резко повернулся к жене, но застыл, наблюдая за ней. Она спала — или прикидывалась: Клеопатра была превосходной актрисой.

Лицо ее дышало безмятежностью, хотя длинные ресницы слегка подрагивали. Алексей несколько минут смотрел на нее. Противоречивые чувства волновали душу: он и любил ее, и жалел, особенно после беды в Кургане, которая неожиданно свалилась на нее, и совершенно невыносимой была мысль о Даше, отцом которой был не он, а черт-те какой подонок... А девочка славненькая, только болезненная — ничего не попишешь, наследственность. Конечно, он удочерит ее, но шрам в душе останется на всю жизнь.

...Майор-гаишник? Прикрыв глаза, Алексей старался представить себе грубого солдафона, изнасиловавшего Клеопатру. А может, она сама того... по доброму согласию? В ногах никто не стоял. А всю историю про изнасилование придумала — баба хитрющая. И сама же теперь обвиняет его, Алексея, в измене. Стоп, братец, но ведь ты и в самом деле... А она сама разве святая? Да и не в том, видно, дело, что он переспал с кем-то...

Расстались они, так и не помирившись.

— Ты хоть перед Залесской держи фасон, — шепнула Клеопатра, когда прощались. — Ей ни к чему знать про наши раздоры.

Через четыре дня после того, как уехал Ильин, приехал Саркисян, Клеопатра ждала его с нетерпением.

Выглядел он усталым и осунувшимся.

— Дела складываются не лучшим образом, — сказал Саркис. — Финансовые потоки совсем обмелели, и менты донимают.

— Наехали?

— Нет, но подбираются. Ничего, я обхитрю их, не впервой. К тому же «крот» на месте остался... Но ты не волнуйся, хозяйка, — продолжал он, отвечая на ее вопросительный взгляд. — Твои дела я, считай, уладил.

— Есть деньги?

— Есть, есть. Все три лимончика, — кивнул Саркисян, почему-то отводя взгляд.

— Не в ущерб фирме, надеюсь?

— Ну вот еще! Разве я похож на идиота, чтобы лишний раз подвергать опасности фирму, которую...

— Которую в скором времени возглавишь, — договорила Клеопатра.

— Третью суммы у меня есть. Другую третью я беру у Громады и третью уже почти нашел у наркодилеров, которые пытались ее значить... Ну, детали тебе, хозяйка, неинтересны.

— После расскажешь. Скажи лучше, как там мой благоверный.

— Ничего. Трудится, как говорится, на общее благо. А что, есть проблемы?

— Не понравился он мне в последний приезд, — задумчиво произнесла Клеопатра. — Какой-то холодный стал, неискренний.

— У тебя были сигналы? — мгновенно просек ситуацию Саркисян.

— Сигнал не сигнал, а так, догадка, — усмехнулась Клеопатра.

— Гм, догадка... — Банкир задумался. — У меня есть сыщик хороший на примете. Хочешь, пушу по следу?

— Из ментов?

— Не надо так, Зулейка Ивановна. Я ведь могу и обидеться.

— Я пошутила.

— Хорошая шутка. А сыщик мировой. Сразу просечет, шмары у твоего суженого завелись или другие причины.

— Не нужно, — отвергла предложение Клеопатра. — Выйду на волю, сама с ним

разберусь.

Саркис пожал плечами:

— Вольному воля.

«С тобой только свяжись, — с непонятно откуда взявшейся неприязнью подумала Клеопатра. — Потом век не выпутаешься. Армяшка цепкий, как паук. Ишь, все время глаза свои отводит».

Саркисян сообщил, что с Залесской у него твердая договоренность: как только он вручит ей нужную сумму — а это произойдет максимум через месяц, — она приведет в действие всю цепочку. И Саркисян, и Клеопатра хорошо понимали, о какой именно цепочке идет речь. Оба по роду деятельности знали, что, кроме начальника колонии, сюда входят и соответствующие чины ГУИНА. Такая же цепочка сработала и при освобождении из тюрьмы Ильина, и в других случаях. Никаких фамилий Марина Федоровна ни Саркисяну, ни Клеопатре не называла; деньги брала с глазу на глаз: три миллиона долларов.

— Тебе только с колонией расплеваться, хозяйка, — подвел итоги Саркисян. — А там — в Испанию, как договорились. Паспорт, визы, билеты — все будет в лучшем виде, не волнуйся.

— Мы летим вчетвером, — напомнила Клеопатра, но подумав, уточнила: — А может, я одна с Дашей...

В свое время римский император Веспасиан, отчаянно нуждаясь в деньгах, ввел налог на сортиры, и когда сын попрекнул его за это, ответил фразой, ставшей крылатой:

— Сынок, деньги не пахнут!

В наши времена, чуток подкорректированная, эта фраза звучит по-иному: «Деньги пахнут кровью». По крайней мере, это верно по отношению к большим деньгам...

Был поздний час, когда Саркисян пригласил к себе Рустама с двумя боевиками из службы безопасности фирмы. Секретаршу он отпустил, в офисе никого не было, кроме внешней охраны. Вместе с Рустамом в кабинет вошли Билл и Кузнец, прозванный так за пудовые кулаки.

Едва они вошли, зазвонил мобильный, который Саркисян забыл отключить. Он посмотрел на табло, на котором высветился домашний номер Ильина. «Вот еще отрезанный ломоть, — подумал банкир. — Меня для него нет. И не будет». Телефон вызванивал долго, заканчивал музыкальную фразу Моцарта и тут же начинал ее сначала. Саркис решил дожидаться, когда его помощнику надоест это занятие. Фраза Клеопатры, что Алексей стал какой-то не такой, насторожила его, тем более он и сам заметил в помощнике перемены. Но в отличие от Клеопатры Саркис увидел другое: Ильин стал более уверен в себе, без особых колебаний принимал решения по сделкам с посредниками.

Вопреки приказу Клеопатры Саркис распорядился установить за ним наблюдение. И то, что ему доложили, повергло банкира в шок: Ильин якшается с ментами, и не с пешками, а с самим начальником отдела по борьбе с наркобизнесом. Надо обязательно сообщить об этом Клеопатре.

Боевики сидели с равнодушными лицами, словно все происходящее их совершенно не касалось.

Наконец, поперхнувшись, японский аппаратик затих, и Саркисян тут же отключил его, чтобы ничто не мешало конфиденциальной беседе.

— Садитесь поближе, ребятки, — произнес он. — Ты, Рустам, прекрасно справился с предыдущим заданием, поэтому назначаю тебя старшим группы. А поручение для вас будет такое — нужно разыскать Ваню Счастливого и Машу, которые присвоили миллион долларов, полученных за «феню» в Кемерове от Громады. Известно, что Леся Долговязый погиб в автокатастрофе, а Маша с Ваню рванули в Тбилиси.

Саркисян снабдил своих боевиков необходимыми документами, которые почти не отличались от настоящих, билетами на самолет Москва — Тбилиси и щедро отвалил денег на командировку.

...Тбилиси встретил их ярким солнцем, жарой и почти неправдоподобно синим небом.

Они плотно позавтракали в кафе и на частной машине добрались до центра города.

В одном из обменных пунктов, которые были понатыканы на каждом углу, совсем как в Москве или Санкт-Петербурге, они поменяли малую толику долларов на местные деньги с диковинным названием — «лари».

За ними тут же увязалась густо накрашенная развязная девица, которую удалось отшить только после того, как Кузнец показал ей свой кулак, присовокупив к нему несколько отборных выражений на родном языке.

— В гостиницу закатимся? — спросил Билл, когда они проходили мимо четырехзвездного отеля «Мимоза».

— Сначала дело, потом потеха, — отрезал Рустам.

Еще в самолете у него созрел план, с чего начать поиски Ваню Счастливого. Есть поговорка: рыбак рыбака видит издали, а грузин всегда поймет грузина, был уверен Рустам. Он мысленно поставил себя на место Счастливого: вот он оторвался от возможных преследователей и летит в родной Тбилиси с женой и миллионом баксов в кармане. Что он будет делать? Правильно, постарается подыскать подходящее жилище.

Главное — лечь на дно, отдышаться, не подавать признаков жизни, пока немного страсти улягутся. А как это сделать лучше всего? Правильно, надо купить себе приличный домик — во всяком случае это лучше, чем квартира. Остается найти этот самый особнячок Счастливого.

Мысленно поставив себе пятерку, Рустам продолжил рассуждения. Ну, хорошо, Ваню не прописался. Но ведь человек не иголка, он не может затеряться бесследно. Где он мог оставить след? Конечно же в агентстве по недвижимости, где регистрируются столь серьезные сделки, как покупка дома. Конечно, Ваню мог обратиться и к уличному жучку, но это маловероятно: жучок с улицы мог запросто обвести вокруг пальца и нагреть любого клиента.

Рустам говорил столь уверенно, что Билл и Кузнец только диву давались, однако не перечили.

Центральное агентство по недвижимости располагалось тут же, на проспекте Руставели, сразу за издательством «Мерани».

Рустам почистил ботинки у уличного мальчишки и побрился в парикмахерской.

— Вы, ребятки, посидите здесь, — кивнул он на скверик, — подождите меня. Только шалава не приваживайте, ясно?

— Ясно, — буркнул Билл.

Затем, помахивая дипломатом, Рустам вошел в цветочную лавку, где приобрел дорожный букет цветов.

Рустам был видный парень, притом в расцвете лет, держался уверенно, и потому секретарша сразу обратила внимание на посетителя.

— Что желаете, господин? — спросила она.

— Кажется, я нашел то, что искал! — провозгласил Рустам, остановившись посреди приемной. — А искал я самую красивую девушку Тбилиси!

— Думаю, вы несколько преувеличиваете, — ответила она, порозовев от удовольствия.

— Ничуть, клянусь честью грузина! — воскликнул он. — Разрешите узнать, как вас зовут.

— Манана.

— А я — Рустам.

— Красивое имя.

Посетитель подошел к столу и протянул букет секретарше:

— Это вам, прекрасная Манана.

— Мне? Но за что?

— За красивые глаза.

Манана отодвинула букет на край стола.

— Слушаю вас, — сказала она официальным тоном.

— Вы разрешите? — Не дожидаясь приглашения, Рустам опустился на стул. — Видите ли, Манана, я только что прилетел в Тбилиси, где ищу товарища, можно сказать, друга юности.

— Прекрасно, но при чем здесь я?

— Вы можете мне помочь.

— Я? — искренне удивилась девушка. — Но каким же это образом?

— Видите ли, мне известно, что мой друг приобрел здесь жилье. Мне нужен его адрес.

— Вам надо в адресный стол.

— Был, — махнул рукой Рустам. — Там такой бедлам — уму непостижимо. Вот я и решил пойти прямым путем.

— Мы адреса клиентов не даем. Это, сами понимаете, тайна.

Девушка оставалась непреклонной до тех пор, пока Рустам, предвидя подобный поворот событий, не достал из кармана пиджака стодолларовую купюру, улучив момент, когда в приемной никого не было. Глаза Мананы заблестели, и он понял, что выстрел достиг цели.

— Это только задаток, милая Манана. Я прибавлю еще четыре таких бумажки, если вы поможете мне.

Манана ловким движением смахнула деньги в ящик стола, спросила:

— Как зовут вашего приятеля? — Затем повернулась к компьютеру и через несколько минут произнесла: — Вам повезло. Ваш приятель действительно приобрел у нас особняк, вот адрес...

Эх, жизнь-жестянка! Еще в детстве Клеопатра слышала от кого-то, что счастье не бывает постоянным, что жизнь полосатая — то белая, то черная. Вот так и у нее — все, казалось бы, наладилось, черная полоса подходила к концу, должна была смениться белой: Саркисян деньги передал кому нужно; те люди подвели дело к пересмотру решения суда, и адвокат заверял, что он уже доказал несостоятельность ее обвинения... И вдруг адвокат снова появился в колонии, долго о чем-то совещался с Мариной Федоровной. Это не к добру, предчувствовала Клеопатра.

Так оно и вышло...

Адвокат был сосредоточенным и не таким уверенным, каким представлялся ей раньше. Долго мялся, заводя разговор то на одну тему, то на другую; и она не выдержала, спросила напрямик:

— Не морочь мне голову, скажи, что случилось?

— Пока ничего особенного. — Посредник попытался сгладить удар. — Просто пока отложили решение о пересмотре вашего дела.

— Почему? На это должны быть серьезные причины.

— Причины, безусловно, есть. Начальник отдела по борьбе с наркобизнесом майор Чернов предъявил какие-то новые документы о вашей причастности к «Эдельвейсу». Вот дело по-новому и закрутилось. Но вы не беспокойтесь, мы с Мариной Федоровной нашли другой способ вашего освобождения. Потерпите еще немного.

Потерпите... Немного. Третий год она терпит. Для него, там, на воле, может, и немного, а для нее — будто вечность. И дочка растет в неволе...

Майор Чернов, старый сослуживец Алексея. Совсем не придавая значения этому, она машинально спросила:

— А как там мой благоверный, Ильин?

Адвокат снова ответил не сразу:

— Ничего хорошего не могу сказать и о вашем благоверном. Саркисян вроде бы сократил его должность в банке.

— Почему?

Адвокат поерзал на стуле:

— Разве сам Саркисян вам ничего не рассказывал?

— Нет. У нас на другую тему был серьезный разговор. Наверное, запомнил.

— Ильин стал якшаться с ментами. С тем самым Черновым. Вот и появилось подозрение... И другую шмару завел себе ваш благоверный, некую буфетчицу из кафе...

Вот оно объяснение холодности Алексея в последний приезд, его невнятного поведения на суде, поняла наконец Клеопатра. Он предал ее с потрохами! Подлец! Негодяй! Этого она ему не простит. Как он мог!.. Столько она сделала для него, из тюрьмы вызволила, безбедную жизнь обеспечила. Свету, как родную дочь, приняла... Не зря говорят: мужчины, что кобели, стоит только сучке хвостом махнуть, и они следом побегут...

— Вот что, — приняла решение Клеопатра, — передай Саркису, денег больше Ильину не давать. О том, что готовите мое освобождение, ему ни слова.

— Хорошо, Зулейка Ивановна...

Да, удар в самое сердце и в самое неподходящее время: она уже настроилась на освобождение, мечтала умчаться с дочкой к морю... и с Ильиным... Как он мог! Забыл, как нежно ласкал ее, какие сладкие слова говорил в поезде, когда они только познакомились, и позже, когда нежились в постели, на пляже в Испании. Не верила она раньше мужчинам, а ему поверила: разве может человек быть неискренним, когда любит? А в том, что Алексей любил ее, она не сомневалась. Теперь разлюбил? Наверное. Выдержать без женщины третий год конечно же не каждый сможет. Но Алексей был не такой, как все. К тому же он изредка приезжал к ней. Может, филеры Саркиса ошиблись в чем-то или преувеличили?

Ну, встречается он с Черновым, и что из того? Не обязательно же закладывать жену?.. А буфетчица?.. Нет, дыма без огня не бывает.

Что ж, и она, Клеопатра, не зря из кавказского рода, умеет любить и мстить, придумает кару предателю и его новой обожательнице. Собиралась вместе с ним в Средиземном море купаться, а теперь... теперь ему и подмосковного водоема хватит. А любовнице хватит того, чтобы пустить ее по миру. На нищую и бомжи не станут зариться...

— Сколько еще нужно? — спросила Клеопатра адвоката.

— Да я не к тому, — смутился адвокат. — Думаю, обойдемся той суммой. — Помолчал. — Ну, если имеется лишний кусок, можно приготовить на всякий случай.

— Лишний, — усмехнулась Клеопатра. — Не из золотого каньона черпала. Друзей всех обобрала. И некоторые друзья такими оказались, что пока я тут парюсь, все сусеки обшарили. Кстати, Счастливику не нашли?

— Саркисян послал на поиски троих: Рустама, Кузнеца и Билла. От них Ваню нигде не спрячется, найдут.

— Скажи Саркису, пусть попробует связаться с Махмудом. Я для него тоже много сделала.

Теперь усмехнулся адвокат:

— Не получится, Зулейка Ивановна. Он недавно взял у Саркиса в кредит пол-лимона баксов на какое-то предприятие и исчез...

И все из-за ее ареста. Почувствовали, что здесь, в колонии, руки у нее коротки, вот и начали растаскивать то, что ей удалось скопить. Сволочи! Пауки в банке. Крысы, улепетывающие с тонущего корабля... Нет, он еще не утонул и, слава богу, не утонет. И всем она постарается воздать должное. Только бы выбраться отсюда.

— Говоришь, нашли с Мариной Федоровной другой способ?

— Есть одна хитрая задумка, Зулейка Ивановна. Вытащим вас, не беспокойтесь. — Он взял ее руку и поцеловал. Прижал к своему сердцу. — Чувствуете, как оно бьется? — спросил с грустью. — Я люблю вас, Зулейка Ивановна. Увидел и влюбился как мальчишка, и тут ничего не поделаешь. А вы по-прежнему...

— Не надо, — остановила она его. — Ты хороший, симпатичный парень и тоже нравишься мне. Но знаешь: козе не до козла, когда хозяин с ножом идет. Так вот и мне. О какой любви может идти речь, когда я в клетке.

Она говорила правду. Адвокат ей нравился. Он молод, всего двадцать семь — почти на десять лет моложе ее, — красив, атлетически сложен. Даже Марина Федоровна как-то заметила: «Чего ты ломаешься? Такой мужчина! Была бы я помоложе и такая красавица, как ты, думать бы не стала».

А Клеопатра думала. У любви, знала она, есть высшая точка, на которой не просто удержаться, и многие, достигнув ее, либо удовлетворяются достигнутым и теряют интерес,

либо теряют голову и срываются вниз. Ни того ни другого она не хотела. И понимала — нельзя расслабляться, поддаваться соблазну. Да и какая тут, в колонии, в неволе может быть любовь?! Вот выйдет на свободу, тогда назло Ильину и она насладится мужской горячей плотью этого крепкого, сильного парня...

— Подожди. Ты сам говоришь, что недолго осталось, — вздохнула Клеопатра. — Не могу я здесь. Как птица в клетке. Не только тело, душа скована. — И поцеловала его в щеку.

Вано Счастличик со своей половиной безмятежно почивал, не догадываясь, что за их домом уже вторые сутки наблюдают Кузнец с Биллом...

Рустам вернулся в отменном расположении духа.

— Сворачиваемся, — сказал он. — Берем клиентов и на базу.

Похищение произошло без сучка, без задоринки. Спросонья Вано и Мария не оказали никакого сопротивления. Билл и Кузнец без особого труда связали им руки, втиснули на заднее сиденье потрепанной «Волги». Сами сели по бокам, изрядно потеснившись, и Рустам повел машину на противоположную окраину города.

В подвале все было готово — шеф расстарался.

Вано и Марию, сняв с них предварительно накинутые на голову мешки, развели по разным комнатам — так именовал Рустам подвальные клетушки, забитые рассохшимися бочками из-под виноградного сусли и прочим хламом.

Первым начали допрашивать Вано.

— Старик, отпираться бесполезно, — сказал Рустам. — Ты спер миллион баксов из общака, выданные тебе Громадой в Кемерове. Будешь отпираться?

— Нет.

— И правильно сделаешь. За воровство из общака полагается смерть. Сам знаешь, не маленький. Но Саркисян сказал: вернешь деньги — останешься жить. Ну, где баксы?

— А где гарантия?

— Вот она. — Рустам двинул Счастличика в зубы. Тот выплюнул выбитый зуб на пол, Кузнец вытер у связанного кровь с лица.

— Времени нет, — произнес шеф. — Или давай деньги, или мы тебя уроем.

— Денег нет.

— Не валяй дурака.

— Откуда тут деньги? Вы же меня из дома забрали и увезли.

— Скажи, где они лежат.

— Денег нет, — повторил Вано, с трудом шевеля разбитыми губами.

— Мы сейчас туда поедem и все по дощечке переберем и, если не найдем, сожжем тебя заживо, предварительно спустив шкуру.

Зверски избитого Вано заперли в клетушку, после чего приступили к допросу Марии. Но та уверяла, что о баксах ничего не знает.

Машке тоже досталось по первое число, однако она держалась на удивление стойко. Видимо, регулярно принимаемая «феня» снижала болевые ощущения.

Так или иначе, допрос ничего не дал, Рустам чувствовал, что потерпел неудачу. Ехать в коттедж Вано и искать там саквояж с баксами было равносильно поиску иголки в стоге сена.

И тут Кузнеца осенило. Он догадался, зачем Вано время от времени заходил в теплицу... Он поспешил доложить об этом шефу. Тот, подумав, похвалил его за смекалку. Оставив Билла стеречь пленников, шеф и Кузнец отправились в теплицу.

Деньги они нашли быстро. Трясущимися руками Кузнец открыл чемодан и облегченно вздохнул: пачки стодолларовых купюр лежали в ряд. Он посмотрел на Рустама. Тот, сощурился, молча кивая головой.

...Билл изнывал от безделья. В маленькое окно, которое было прорублено в кухне их полуподвального помещения, он видел на противоположной стороне улицы небольшой киоск с выставленными на витрине горячительными напитками. Ему очень хотелось выпить, а Рустам с Кузнецом задерживались.

Прикинув, что на то, чтобы добежать до магазинчика и купить бутылку, ему потребуется минут пять-семь, Билл решил и уже направился к двери, но услышал слабый голос Ваню:

— Генацвале, подойди на минуту, умираю...

Билл заглянул в чулан:

— Чего тебе?

— Умоляю, дружище, отведи в туалет...

— Перебьешься!

— Мочи нет... Сейчас лопну... Не выдержу... Денег дам. — Ваню страдальчески закатил глаза к потолку.

— Денег? — переспросил Билл и, потоптавшись, подошел к Счастливику, резко поднял его с пола и поставил на ноги. — Давай деньги!

— Сейчас. Они в трусах защиты... Развяжи руки или сними брюки...

Голос у Ваню был слабый и заискивающий. Разбитые в кровь губы и огромные синяки под глазами вызвали у охранника чувство жалости.

Он сдвинул пистолет к поясу, своей ладонью вытер кровь с губ узника.

— Ладно, сходи опорожнись. — Билл развернул Ваню лицом к стене и стал развязывать веревку на запястьях.

— Спасибо, друг, по гроб жизни не забуду, — лепетал Счастливик, — более порядочного человека я не встречал... Ты не беспокойся, я отплачу, большие деньги дам...

Когда руки Ваню освободились от веревки, он внезапно развернулся, ударил Билла в сонную артерию пальцами, под которыми скрывалось лезвие бритвы. От резкого поворота сам Счастливик потерял равновесие и повалился на пол.

Билл вскрикнул. Одной рукой зажал рану, из которой хлестала кровь, другой выхватил пистолет и выстрелил в грудь Ваню. Второй раз нажать на спусковой крючок не хватило сил. Глаза его заволокла пелена, тело ослабло, и он медленно опустился на Счастливика, припечатав его всем своим весом к грязному цементному полу.

Выстрел услышала Маша и сразу метнулась к двери, прильнула к замочной скважине. На кухне никого не было.

Подтащив тяжелый табурет, она взобралась на него и через стеклянное окно над дверью оглядела помещение. В нем никого не было. Тогда она взяла железную кружку и разбила ею стекло. Поставив еще один табурет на первый, она перелезла из своей клетушки на кухню. Когда спрыгивала на пол комнаты, подвернула ногу.

Преодолевая боль, Маша прокралась к чулану, где сидел Ваню, заглянула внутрь и от страха отпрянула назад.

Стены и пол чулана были залиты кровью. Охранник хрипел, дергаясь в предсмертных судорогах. Ваню стонал — пуля прошила левое предплечье — и безуспешно пытался выбраться из-под грузного Билла.

Осмелев, Маша помогла Счастливику. Она стащила с него умирающего охранника. Положила под голову Ваню валяющийся здесь же рваный бушлат. Нежно погладив любовника по щеке, участливо спросила:

— Милый, как ты себя чувствуешь?

— На букву ху, — попытался улыбнуться Ваню. — Ты, того... возьми у меня в трусах кошелек и беги на улицу. Останови частника. Отдай все, там приличная сумма. Надо мотать отсюда. Чем скорее, тем лучше.

— Я сейчас. — Девушка запустила ему в брюки руку и вытащила кошелек. — А куда ехать-то?

— Быстрее за машиной... В горы поедem... Там сообразим! — прикрикнул на нее Ваню. В голове его пронеслась мысль, что судьба опять благосклонна к нему. Нет, не зря Черный Беркут дал ему кличку Счастливчик.

...Рустам с Кузнецом лишь на несколько минут опоздали на кровавую разборку. Пока они сдавали под расписку деньги управляющему Тбилисского банка развития Самвелу Мирганяну, таков был приказ Саркисяна, прошло добрых полтора часа.

Этого времени Ваню с Машей с лихвой хватило, чтобы поймать частника и рвануть в Сванетию, где у Счастливчика остались родственники.

— Все, Кузя, миссия наша окончена, рвем отсюда когти! — Рустам с ожесточением рубанул ладонью воздух и смачно выругался.

Поздней ночью железные ворота женской колонии открылись и из них выехал закрытый грузовик, в котором лежали два гроба, большой и маленький. ЗИЛ свернул в узкий переулок и, подъехав к черной «Волге», мигнул фарами. Легковая машина двинулась за фургоном.

Через пятнадцать минут колонна втянулась в лес, въехала в ворота садового участка, огражденного высоким забором. Здесь стояла белая «Волга» с синими номерами. Из нее вышла Залесская, одетая в штатское. Она подошла к черному автомобилю, открыла переднюю дверцу и негромко сказала:

— Приветствую вас, господин Саркисян. Все нормально.

Банкир, побряхтывая, вылез из машины. В руках он держал кожаный чемоданчик.

В это время двое дюжих молодцов в униформе открыли тент ЗИЛа и заскочили в кузов машины. Когда Залесская и Саркисян подошли к грузовику, Клеопатра уже стояла между гробами и крепко прижимала к груди дочь...

Залесская провожала «Волгу» Саркисяна до поворота на шоссе, ведущее в Москву. На прощание машина мигнула фарами, резко развернулась и ушла в обратном направлении. Еще через пару минут к автомобилю банкира пристроились два джипа — охрана Саркисяна.

— Ну, здравствуй, шахиня! — сказал наконец банкир, хранивший все это время молчание. Он взял руку Клеопатры и поцеловал ее пальчики. — Поздравляю с выходом на волю.

— Спасибо, Саркис, я всегда верила в твою порядочность, — чуть заметно улыбнулась Зулейка Ивановна. — Те минуты, что я провела в гробу, показались вечностью. Многие пришлось переосмыслить, переоценить, перерешать...

Саркисян вопросительно и настороженно посмотрел на нее. Клеопатра осунулась, похудела.

— Я подкорректировала свое завещание из трех пунктов, — медленно, будто раздумывая, продолжала она. — Первый пункт, в котором я передаю тебе власть и с потрохами «Эдельвейс», остается неизменным...

Банкир напряженно молчал.

— Второй пункт, где я потребовала жестоко наказать известного тебе майора-гаишника, отбывающего срок в колонии, также остается неизменным...

— В той же колонии сидит и старший лейтенант милиции Голобородько, то есть Фома. Вы его лично знаете. Он уже получил приказ разобраться с гаишником, — проговорил Саркисян.

Клеопатра кивнула и продолжила:

— Третий пункт касается Ильина... Так вот, пусть он живет!

— Значит, ты уедешь в Испанию одна?

— С Дашей, — поправила его Клеопатра. — Ты же хорошо знаешь, что Ильин предал меня...

Саркисян поежился, увидев, как изменилось лицо шахини. Брови ее сошлись на переносице, а губы сомкнулись так плотно, что побелели.

Теперь он понял, почему Клеопатра запретила говорить Ильину о сегодняшнем

освобождении.

Банкиру было известно, что Алексей уже давно встречается с Черновым и буфетчицей кафе «Ясенево», но откуда об этом узнала Клеопатра?

Будто угадав мысли Саркисяна, Клеопатра сквозь зубы произнесла:

— Поручи Рустаму, пусть подпортит физиономию этой буфетчице... — Подумала. — И вот еще что. Помоги ей стать хозяйкой кафе. А потом сделай нищей.

— Это запросто, — улыбнулся Саркис.

До самой Москвы ехали молча. Перед кольцевой дорогой Саркисян вручил Клеопатре пакет с документами, деньги, билеты из Киева в Барселону.

Клеопатра все это внимательно просмотрела.

Удовлетворенно кивнула, увидев, что в ее заграничный паспорт вписана Даша.

— Все, дорогой Саркисик. Будем прощаться. Я — прямиком до Киева. Не хочу больше оставаться в России...

— Понял, шахиня. Машина заправлена, шофер проинструктирован... Ровной дороги, и флаг тебе в руки.

— И тебе ни пуха ни пера...

Саркисян, не прощаясь, вышел из «Волги» и пересел в джип.

— Давай по кольцевой и на Киев, — тронула Клеопатра плечо водителя.

* * *

За три последних месяца Игорь Чернов дважды выезжал в Кемерово. Командировки были длительными, по десять дней, но не очень продуктивными. Раскрыть убийство милиционеров ДПС не удалось. Местные сыщики считали, что это дело рук заезжих гастролеров. Вероятнее всего, наркодилеры приехали из Санкт-Петербурга. Прямо из Кузбасса майор милиции Чернов послал в Северную столицу ориентировки на нападавших, составленные со слов обслуживающего персонала гостиницы «Нерль», где останавливались преступники.

По возвращении из Кузбасса Чернов получил объемистую папку документов и фотоматериалов из Санкт-Петербурга. Один из нападавших на пост ГИБДД на автодороге Новосибирск — Кемерово оказался в морге. Как установили сыщики, смерть его наступила от передозировки наркотика. Взглянув на снимок второго наркодилера, Ваню Счастливого, Игорь удивился, как не узнал его по фотороботу. Чернов дважды сталкивался с этим бандитом.

В общем, повод для размышления был. Но еще больше удивился Игорь Чернов, когда познакомился с материалами, поступившими от приятеля, работающего в УВД Тбилиси. На фотографии одного из погибших он узнал бандита по кличке Билл, который давно был объявлен в розыск. Рана, от которой скончался налетчик, поразительно напоминала ту, что оставлял после себя Ваню Счастливого.

Игорь достал видеокассету и несколько раз просмотрел ее. Сомнения окончательно развеялись.

Один из грабителей был убит в Тбилиси. Значит, второй, Рустам, видимо, также находится в столице Грузии. Что они там делают? Организовывают производство «фени»? «Эдельвейсу» после разгрома лаборатории в Парголово очень нужно было наладить синтез

этого наркотика.

«Правдоподобно, — размышлял Чернов. — Но как там оказался Ваню Счастливи́чик и почему он убил своего подельника?..»

Зазвонил телефон. Игорь отложил в сторону документы, снял трубку, коротко бросил:

— Слушаю. Чернов!

— Наконец-то. Я тебе уже раз десять звонил. — Голос показался майору очень знакомым, но он не сразу узнал, кто звонит. Поэтому спросил:

— Кто это? Не узнаю.

— Богатый буду. Это Ильин. Вчера со Светой мороженого объелся, вот и запершило в горле...

— Привет, Алексей, — обрадовался Чернов. — Я тебе тоже несколько раз звонил. Не застал. Потом в командировку умотал.

— Я тоже был в отъезде... А зачем ты меня искал?

— Хотел тебя порадовать: Клеопатра родила от тебя. Это из подлинного источника...

Подтвердили анализы и экспертиза...

— Спасибо, Игорь, — перебил Алексей приятеля. — Для меня это действительно радостная весть. Хотя я уже давно успокоился. Теперь у меня другая проблема: Клеопатра и Даша подцепили какую-то заразу, кажется, гепатит... Никого к ним не пускают. В свидании отказывают. Мог бы ты по своим милицейским каналам узнать об их состоянии?

— Конечно, Алексей, я постараюсь навести справки и обо всем сообщу тебе, — успокоил Чернов бывшего однокашника.

— Спасибо, дорогой. Ты запиши мой сотовый. Звони в любое время.

Игорь записал его номер телефона в свою записную книжку и, пожелав Ильину стойкости и удачи, наказал поцеловать Свету.

Чернов не любил откладывать просьбы друзей в долгий ящик, поэтому позвонил Николаю Смирнову, у которого были связи в ГУИНЕ, и попросил срочно узнать, каково состояние Клеопатры и ее дочери.

Положив трубку телефона, Игорь взялся за материалы Интерпола. Одна информация привлекла его внимание. В ней говорилось о том, что из Сибири в Казахстан поступил новый наркотик, действие которого влияет на психику человека, вызывая глюки, агрессивность и сильное половое влечение. Зелье доставляется автотранспортом.

«Ага, — отметил Чернов, — речь, безусловно, идет о „фене“. И поставляет наркотик, конечно, Громада. Значит, придется вновь лететь в Кемерово...»

Вновь зазвонил телефон.

— Слушаю. Чернов.

В ответ — тишина. Уже который раз кто-то звонит ему и сопит в трубку. Игорь начал догадываться — Тамара. После смерти мужа она грубо отвергла его, а теперь вот, спустя два месяца, хочет, наверное, загладить свою вину.

— Тома, это ты? — не выдержал Игорь. — Говори, не молчи.

— Да, это я, — призналась Тамара. — Давай встретимся, поговорим...

— Хорошо, — согласился Чернов. — Я приеду к тебе сегодня вечером. Часов в восемь.

— Я буду ждать, — ответила она и положила трубку.

В кабинет без стука вошел Смирнов. Вид у него был несколько озадаченный. Николай держал в руках папку и барабанил по ней пальцами.

— Проходи! Что случилось? — спросил его начальник отдела.

— Скажу — не поверишь. — Смирнов плюхнулся на стул, уставился на Чернова.

— Меня трудно чем-нибудь удивить, — спокойно отреагировал Игорь.

— И все же ты удивишься. — Смирнов открыл папку, достал из нее стандартный лист бумаги, глазами нашел нужное место и начал медленно читать:

— В колонии объявлен карантин. Есть смертельные исходы. Умерли З. И. Ильина и ее новорожденная дочь... Двенадцать человек помещены в медицинский изолятор... Проводятся профилактические мероприятия...

— Стой! Дай сюда! — Чернов забрал у него бумагу, прочитал написанное и глубоко вздохнул.

Мысли роем закрутились в голове. Не ждал и не думал он, что так бесславно закончит свою жизнь всемогущая Клеопатра. Ему даже стало жаль ее. Но это чувство вскоре отошло на второй план, уступив место трезвому размышлению — она давно ходила по лезвию бритвы. Раньше или позже, но конец ее был предрешен. Слишком много грехов лежало на ее душе, слишком много смертей, калек и слез оставила она после себя...

Чернов потянулся к телефону. Нужно было сообщить о случившемся Алексею Ильину. Но в последний момент Игорь передумал. Нет, он не станет сообщать об этом своему бывшему сослуживцу. Слишком жестоко будет с его стороны. Пусть тот сам получит официальное извещение о смерти жены и дочери.

* * *

...Самолет из «Шереметьева» прилетел в Малагу по расписанию. Алексей Ильин выглянул в окно иллюминатора. Ярко светило весеннее солнце. На бетонке сутились работники аэропорта в ярко-красных куртках. Чуть поодаль виднелась клумба, на которой царствовали желтые тюльпаны. Быстро подали трап, и бортпроводница пригласила пассажиров на выход.

— Пап, а нас будут встречать? — спросила Светлана.

— Конечно, гид из турфирмы, — ответил Алексей, хотя понимал, что дочь ждала от него совсем другого ответа.

Прошла долгая и суровая зима, которая принесла Ильину много бед, несчастий и разочарований. Началось все с внезапной смерти Клеопатры и их дочери Даши. За этим первым ударом судьбы последовал второй. Саркисян объявил, что его должность сокращается и, выдав Алексею зарплату за три месяца вперед, уволил его. Затем последовал третий удар — блудливая соседка-буфетчица наградила Ильина венерической болезнью, которую он, боясь огласки, лечил амбулаторно. Каждый сеанс ему обходился в копейку, зато никто не узнал о его несчастье.

Были и другие удары. Верно говорит пословица: «Пришла беда — открывай ворота». Но самое большое несчастье — это конечно же потеря Клеопатры. Только когда ее не стало, Ильин понял, что для него значила эта женщина. Даже сейчас, когда прошло несколько месяцев после ее смерти, он постоянно думал о ней, мучительно переживая, что изменил ей, чем, видимо, нанес любимой сильную душевную травму. За это он казнил себя, даже не пытаясь найти оправдания своему поступку.

После той ночи в комнате встреч в женской исправительной колонии, когда Клеопатра обвинила его в измене, Ильин написал ей длинное письмо — исповедь. В нем он признался,

что бес его попутал и этим бесом была соседка-буфетчица, что он не любит ее, что случайно по стечению роковых обстоятельств оказался в ее постели.

Но духу передать или отправить по почте это письмо у него не хватило. Письмо и сейчас лежало в кармане его пиджака.

Удары продолжали сыпаться на Ильина, пока по рекомендации Игоря Чернова его не принял на работу один из московских коммерческих банков. Алексей с головой ушел в дела, пытаясь забыть все, что было прежде, порой ему это удавалось — на службе он задерживался допоздна. Но Света все время напоминала своими расспросами о былом, о Клеопатре и своей сестренке Даше.

Может, эти постоянные вопросы дочери, которые бередили его душу, пробуждали в ней милые сердцу воспоминания, необъяснимую тоску, и побудили Ильина съездить на весенние каникулы Светы в Испанию.

И вот они стоят перед высоким забором, на котором когда-то висела табличка: «Собственность Зулейки Ивановны Ильиной». Теперь этой таблички нет, но остался след — небольшой квадрат, краску на котором жгучее южное солнце не успело выжечь и уравнять с пожелтым цветом всего забора.

Поразмыслив минуту, Алексей нажал кнопку звонка. За дверью — тишина.

Ильин еще раз дважды нажал на кнопку.

Мучительно долго тянулись минуты. Света прижалась к отцу, руки ее мелко подрагивали.

Наконец за забором послышались шаги. Дверь медленно отворилась, и на пороге показался высокий худой мужчина в спортивном костюме. Он пытливо осмотрел Ильина и девочку, бросил мимолетный взгляд на такси и что-то спросил по-испански.

Алексей, не зная испанского, протянул ему свой заграничный паспорт, где значилась его фамилия, и по-английски пояснил:

— Раньше здесь жила Зулейка Ивановна Ильина. Это моя жена. Остался ли на вилле кто-нибудь из прежнего обслуживающего персонала?

Испанец выслушал Алексея, еще раз внимательно просмотрел паспорт и, сказав: «Момент», ушел, закрыв за собой дверь на засов.

Света еще плотнее прижалась к отцу. Она словно чувствовала, что сейчас произойдет что-то важное, таинственное...

За забором снова послышались шаги. Алексей даже различил женский голос. Он показался ему знакомым.

Шаги раздавались все ближе, ближе. Сам того не заметив, Алексей слишком сильно прижал к себе Свету, отчего она взмолилась:

— Папа, ты раздавишь меня!

Дверь открылась, и показались тот самый испанец и молодая женщина в белоснежном чепце и фартуке. Присмотревшись, Ильин узнал ее. Женщину звали Мария, она была служанкой у Клеопатры.

— Добрый день, Мария, — сказал Алексей.

Экономка чуть присела. Этим реверансом она дала понять, что узнала его. Затем полезла в карман фартука, достала оттуда маленький конверт и передала его Ильину.

Больше Алексей не успел ничего спросить. Дверь закрылась. Скрип железного засова больно отозвался в его сердце.

Они немного отошли, и Света дернула отца за рукав:

— Папа, что там в письме?

— Сейчас, дорогая, сядем в такси и прочитаем.

Конверт был без подписи. Распечатав его, Ильин достал небольшой лист бумаги, скорее всего вырванный из записной книжки, и узнал почерк Клеопатры.

«Я прощаю тебя, Ильин», — прочитал он, и сердце его забилося громко и тревожно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

